

*Не мы выбираем любовь—
это она выбирает нас,
и не всегда заботится о взаимности*

ВИКТОРИЯ МАЛЬЦЕВА

АБСОЛЮТ

в моем сердце

Absolute#1

18+

Виктория Мальцева

Абсолют в моём сердце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63462237

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-99627-4

Аннотация

Соня хорошая девочка.

И с семьёй ей повезло, и жизнь у неё беззаботная. Но всё меняется с появлением Эштона – отцовского внебрачного сына.

Когда тебе шестнадцать лет, и разум не умеет договариваться с чувствами – это нормально. Так бывает. Но когда годы идут, тебе вот уже далеко за двадцать, и ничего не меняется – проблем не избежать. А если их не решать, случаются катастрофы.

Будь её воля, она бы взяла часть своей любви и вложила бы её в пустую грудь Эштона. Ни дышать без него, ни петь, только вглядываться в будущее: а вдруг что-нибудь изменится?

Серия "Моногамия".

Содержание

Пролог	5
Часть 1	7
Глава 1. Встреча	7
Глава 2. Откуда взялся Эштон?	21
Глава 3. Помощник	29
Глава 4. Эштон не выходит из моей головы	54
Глава 5. Когда ребёнок болеет...	62
Глава 6. Притяжение	74
Глава 7. Клик-клик	85
Глава 8. Дружба	98
Глава 9. Ожидание	115
Глава 10. Наш первый праздник	125
Глава 11. Снежки и поцелуи	147
Глава 12. Разговор Алекса и Леры об Эштоне (Бонус к Моногамии)	163
Часть 2	180
Глава 13. Разочарование	181
Глава 14. Первый срыв	192
Глава 15. Первый удар	208
Глава 16. Испанские каникулы	228
Глава 17. Мужчины и женщины	237
Глава 18. Медицина	254
Глава 19. Моменты	260

Глава 20. Экстрасенсы	271
Глава 21. Abuse	292
Глава 22. Мир без НЕГО	315
Глава 23. Маюми	323
Глава 24. Шансы	334
Глава 25. Drizzling	352
Глава 26. Эротические сны	363
Глава 27. Катастрофа	381
Глава 28. Расплата	397
Глава 29. Ненависть и боль	402
Глава 30. Амбр	409
Глава 31. Он совершит непростительное...	435

Виктория Мальцева

Абсолют в моём сердце

Пролог

Необычно красивый августовский вечер балует своим дождливым пейзажем моё отзывчивое к прекрасному сердце. Я сижу на полу у большого окна, скрестив ноги на толстой овчине, подаренной бойфрендом, без пяти минут мужем, сегодня же утром.

– Чтобы тебе теплее мечталось! – вручая подарок, прошептал мне на ухо мой заботливый Антон.

Но мне больше не мечтается: все изменилось! Час назад дверца, ведущая в мир абсолютного счастья, захлопнулась раз и навсегда. И случилось это по вине события, которое большинство любимых и любящих женщин непременно назовут самым важным, трепетным и счастливым моментом своей жизни. Что ж, я смело могу применить к случившемуся те же эпитеты, но истина остаётся истиной: одно счастье навсегда уничтожило другое счастье.

Передо мной на белоснежной пушистой шерсти лежит только один маленький предмет, и как же цинична судьба, вкладывая в него смысл, разворачивающий жизнь женщины на сто восемьдесят градусов: две полоски.

Всё прекрасно в моей жизни: у меня просторная квартира в престижном районе самого претенциозного в мире города, месяц назад мой бойфренд вручил мне кольцо, вопящее своими каратами о его безмерной любви ко мне, и, если учесть, сколько раз он заводил речь о потомстве, моя маленькая новость сведёт его с ума, а меня превратит в богоподобное существо. Сколько девушек и женщин в Нью-Йорке, не раздумывая, поменялись бы со мной местами? А в мире? Разве можно желать большего обычной земной женщине?

Можно.

Ребёнок, чья жизнь ежесекундно растёт во мне, зачат нелюбимым мужчиной.

Не тем, от взгляда которого я цепенею. Не тем, чью фигуру всегда неосознанно ищу в толпе. Не тем, кого вижу в своих снах, но ещё чаще в собственных мечтах. Не тем, каждый звук имени которого заставляет мое сердце петь, а душу горько плакать. Не тем, чьё дитя под моим сердцем, подарило бы мне абсолют моего счастья.

Я люблю безмерно, я люблю безгранично, я люблю без ответа...

Часть 1

Глава 1. Встреча

One Republic – What You Wanted

Surface Opus Orange

Я никогда не забуду тот день... День, разделивший мою жизнь на «до» и «после», ставший Рубиконом, перейдя который, уже нельзя вернуться назад.

День, когда я впервые увидела *его*.

Рождество – самая благодатная и радостная пора в году, особенно когда тебе шестнадцать. Мы живём в большом доме и поэтому подготовку к праздникам обычно начинаем ещё в ноябре. Новогодние ёлки, разноцветные гирлянды, стеклянные шары, фонарики, свечи, огромные олени из белой плетёной лозы, ну и, конечно же, килограммы искусственного снега, потому что живём мы в Сиэтле и самого обычного зимнего атрибута, как правило, практически не видим.

Это Рождество будет особенным, совершенно непохожим на все предыдущие, а всё потому, что всего два месяца назад, в сентябре, в нашей семье случилось очередное непредвиденное и выходящее за все возможные рамки событие – у нас появился новый член семьи!

Нет, мама вовсе не подарила нам маленький комочек счастья, с которым мы могли бы упоительно возиться, катать в колясочке, тискать и спорить друг с другом за право обладания его вниманием, к сожалению, нет – новоявленному брату восемнадцать.

Честно говоря, наша семья и так немаленькая: нас четверо у родителей. Теперь будет пятеро.

Это был самый обычный четверг самого обычного сентября, и ничто не предвещало потрясений. Школьные занятия были окончены, и Стэнтон, наш водитель, уже успел доставить нас с сёстрами домой. Я спокойно пила свой обжигающий чай и выслушивала очередные жалобы Аннабель на невыносимую школьную жизнь, пока Лурдес, переписываясь с тремя мальчишками, собирала в Амазоне корзину своих заказов и болтала по телефону с подружкой. И вот, в тот ранний сентябрьский вечер, заливший море, наш стеклянный дом и его террасы своим мягким золотым светом, традиционную тишину нарушил необычно звонкий голос матери:

– Девочки, у нас гость!

Мы втроём подпрыгнули и кинулись в фойе встречать родителей и того самого гостя, а я – скорее обниматься с отцом, что давно уже стало частью моего обязательного моциона.

Из десяти ежедневных объятий девять раз меня обнимет Алекс и только один мама, если, конечно, не забудет. Нет, моя мать вовсе не злока, она очень добрая и любящая, но обычно она словно плавает в мечтах, слушает музыку или

решает свои математические задачки с уравнениями, погрузившись полностью в себя. И только если с нами случается нечто нехорошее, она словно просыпается из своего летаргического сна и тут же кидается на амбразуру, чтобы защитить нас, спасти и решить все наши проблемы, причём самым коротким путём и оптимальным способом. А Алекс всегда рядом. Алекс – это внимание, участие, ласка, постоянная и вездесущая забота.

Формально Алекс мой отчим, но я предпочитаю называть и считать его отцом. Он лучший друг, опора и поддержка, самый умный и надёжный человек на земле. Ну, после мамы, конечно.

Он входит первым, и я кидаюсь в его объятия, просто потому что приучена к ним, и потому, что мне не хватает его больших, внушающих уверенность рук. Мне нравится, как он пахнет... домом и добром! Я прижимаюсь к нему, впитывая исходящее от его груди и рук тепло и замечаю на чёрных волосах маленькие прозрачные капельки нашего извечного дождя, и на сердце тут же делается так радостно, празднично! Алекс стискивает меня как всегда крепко, целует в макушку, затем нежно в лоб, и тихо, так, что слышно только нам двоим, приветствует:

– Соняша... Как ты сегодня?

– Отлично! – по обыкновению отвечаю.

– Соня! Соня! – мама настойчиво пытается привлечь моё внимание, и в её голосе я улавливаю нетерпение напололам с

раздражением. – Соня, оторвись от Алекса, у нас гость! Девочки, познакомьтесь, это Эштон!

Моё внимание переключается на молодого человека, стоящего рядом с матерью и не сводящего с неё глаз. Я смотрю и не верю сама себе...

– Эштон – новый студент на моём курсе, – почти торжественно сообщает мама, однако всем уже ясно, что высокий парень с острым пронзительным взглядом и жёстко поджатыми губами стоит посреди нашего холла вовсе не потому, что посещает её лекции, а потому, что у него практически одно на двоих с отцом лицо. Это, как если бы Алекса запихнули в ксерокс, сделали копию, затем эту копию обработали в программе омоложения, убавив лет, эдак, двадцать, и выдали бы обратно.

Лурдес со всей своей детской непосредственностью громко восклицает:

– Они же совершенно одинаковые!

– Лурдес! – тут же одергивает её мама.

Эштон обводит быстрым взглядом дом и вновь фиксирует его на моей матери. Поведение гостя, манера держать себя, оценивающе смотреть, коротко и односложно отвечать, явно транслируют вызов. Не ясно только, кому именно он адресован: нам всем вместе взятым или кому-то особенно отличившемуся?

– София! – представляюсь я, протягивая руку.

Эштон впервые сморит в мои глаза, и это тот миг, когда

один единственный взгляд оказывается способным написать судьбу. Он пригвозждает моё энергетическое тело к стенке, чтобы распяты и просканировать, а затем так же внезапно бросить, как и наткнулся до этого. Внушительное время спустя я вдруг соображаю, что не могу сделать вдох – просто не знаю, как!

– Эштон, – уверенно, совершенно безэмоционально и даже где-то лениво произносит гость, обдав моё лицо запахом фруктовой жвачки.

Моя рука всё ещё протянута и ждёт рукопожатия, но Эштон словно не замечает её и продолжает следить за суетой моей излишне заботливой матери. Я ищу ответы на все вопросы, бесконечным потоком возникающие в моей голове, в глазах Алекса, но, к своему удивлению, вместо привычной уверенности и поддержки обнаруживаю в них растерянность и негодование. Отец явно зол и совершенно точно не рад гостю. Чего не скажешь о матери:

– Девочки! Давайте скорее на кухню, быстренько сообразим ужин!

Вообще-то мы могли бы и не готовить, для этого у нас есть Эстела. Эстела – что-то вроде домработницы, но только возведённой в максимально возможный ранг – наш дом и наша семья без Эстелы, кажется, никогда и не существовали. Эстела готовит лучше, чем мама, это правда, но Алекс имеет прямо противоположное мнение – он обожает мамину еду, а мама любит ему угодить, поэтому мы чистим картошку.

Сестры хихикают и шепчут мне на ухо свои совсем недетские шуточки про Эштона: даже им ясно, что мамин новый студент – совершенно очевидно, сын Алекса и наш сводный брат.

Я не знаю, как много в сердечных вопросах решают детали, но, наверное, немало. В тот, самый первый наш вечер, Эштон оказался за столом напротив меня, и даже если бы мне не хотелось так внимательно разглядывать каждую деталь в его облике, я бы всё равно, так или иначе, упиралась глазами в его напряжённое лицо. Он чувствовал себя некомфортно и, казалось, всей душой стремился уйти.

Восемнадцать лет – это такой возраст, когда мальчишка давно уже вырос, но и мужчиной ещё не стал. Эштон высокий, плечистый, но выглядит так, словно рос в высоту слишком быстро, чтобы накопить достаточно веса. У него немного заострённые черты лица, обычная мальчишеская стрижка, короткая, но с довольно длинной чёлкой, которая лишь намекает на то, что его каштановые волосы выются. Самое главное на этом лице – глаза. Они карие и всегда словно чуть-чуть сощуренные – точно, как у Алекса, но намного темнее, и взгляд у них холодный, острый и даже дикий. Его глаза завораживают: хочется, чтоб они смотрели только на тебя и так долго, как только возможно, но, в то же время страшно, каждого даже самого маленького эпизода боишься и ждёшь одновременно.

Иногда мы сталкиваемся взглядами, и он отводит свой

первым, но не сразу. А я хочу, чтобы не сбегал, хочу, чтобы говорил со мной, открыл свою душу, а там, в той душе, даже мне, шестнадцатилетней глупой девчонке ясно, на каком-то подсознательном уровне известно, живёт огромный, неповторимый мир, не рай, но и не ад, а некое чудесное место. И мне бы очень хотелось поселиться в нём. Сейчас, сегодня, в эту секунду, в это мгновение я знаю точно, что хочу стать его частью.

Я ни с кем не встречаюсь и никогда даже не пробовала. Мало того, даже не целовалась. Отец вложил в мою голову немало идей, но самая важная из них состоит в том, что никогда не стоит размениваться, соглашаясь на меньшее, малое, неинтересное, если при этом лишаешь себя возможности получить большее. Но я не хочу большего, я хочу Абсолют!

Зачем бегать на свидания с мальчишками, которые по большей части ни на что и не способны, кроме как слюняво шевелить губами, пихая тебе в рот свой отнюдь не стерильный язык, ну и заливать как круто вчера прошла игра по баскетболу/волейболу/футболу/гандболу? Я пробовала пару раз сходить на дружескую прогулку, но тоска съедала меня всякий раз задолго до того, как романтический интерес имел бы шанс проснуться. Весь окружающий меня контингент – одно сплошное безликое уныние.

И вот, я сижу напротив Эштона, парня с завораживающими своей холодностью глазами, и не понимаю, что происхо-

дит? Почему мир вокруг нас растворяется, оставляя ощущение полёта, будто мы с ним – двое одиноких космических путешественников, и наша цель – далёкая Галактика, находящаяся на карте Вселенной за тысячи световых лет от планеты Земля?

Ему задают какие-то вопросы, он пытается отвечать, но коротко и односложно – мешает акцент и скудный словарный запас, однако в целом Эштон неплохо говорит по-английски.

– А где твоя мама? – внезапно спрашивает Аннабель.

От этого вопроса моя мама вздрагивает – я это замечаю, потому что она сидит рядом со мной – а Алекс шумно набирает воздух в лёгкие: вот и попалась печенька с перчинкой из набора с названием «Жизнь». Отличный вопрос, Аннабель! В десятку!

На самом деле Аннабель мне не родная сестра, она – дочь Алекса, моего отчима, и поскольку её родная мать Габриэль очень занята в бизнесе, на большом семейном совете было решено, что для всех будет лучше, если Аннабель станет жить с нами. И это действительно оказалось оптимальным решением – Алекс перестал разрываться между Аннабель и нами, мама переживать за него, а Габриэль испытывать чувство вины за голодное и одинокое детство нашей самой младшей сестрёнки.

– Моя мать живёт и работает в Париже, она – дантист, детский – отвечает допрашиваемый.

Вот так. И делов-то! И на вопрос ответил, и натянутую тетиву родительского напряжения оборвал. Надолго ли?

– А когда она приедет? – детская простота.

Алекс так усердно поджимает губы, что они белеют. Интересно, каково это – вдруг найти не потерянную годы назад пуговицу, а ... сына?! Своего собственного родного ребёнка, успевшего вырасти за это время во взрослого восемнадцатилетнего парня с умными глазами?

Я не хочу смотреть на мать, почему-то кажется, что ей нужна приватность в эту минуту, и мне не сложно уважать её желания.

– Я не знаю, – отвечает Эштон.

Сложные вопросы – простые ответы. Некомфортная ситуация – непробиваемая выдержка. Неуёмный девчачий интерес – холодный упорный игнор.

Мне нравится его чёлка, определённо нравится. Ловлю себя на мысли, что хочу потрогать её. Нет, даже не так: не только потрогать, а запустить свои пальцы и, пропустив между них эти самые длинные на его голове пряди, пригладить их в направлении макушки. Та дикость, с которой мне хочется совершить этот странный жест, и пугает меня и смешит одновременно.

Мы вновь сталкиваемся глазами, я улыбаюсь паранормальному количеству глупостей в своей голове, и он... он улыбается мне в ответ! Первый и единственный раз за весь вечер он улыбается. Хотя, если быть объективной, эту улыбку

ку сложно назвать приятной: скорее, она – линия рта, сведённая судорогой внезапно нахлынувшей, незваной радости.

Ты ледышка, да, Эштон? Ты дикий, странный, но такой притягательный... Ты горький, тёмный, твёрдый швейцарский шоколад, не так ли? А мне впервые в жизни, впервые в моей истории, хочется тебя растопить и съесть! Потому что на самом деле, ты невыносимо сладкий и нежный, но никто ведь об этом не знает!

– А Эштон теперь будет жить с нами? – Аннабель, похоже, решила осиротеть сегодня – и мать и отец от её вопросов приобретают такой вид, будто оба на грани инфаркта миокарда.

– Мы ещё не говорили об этом, но обязательно обсудим, – поспешно отвечает отец.

– Эштон, у нас полно свободных спален! – подключается мама, но Алексу её инициатива явно не по душе, он кладёт свою руку поверх её, словно пытается остановить.

И наш гость всё это видит, подмечает каждую деталь, мечется взглядом от матери к отцу и обратно, впитывая любую их реакцию. А я слежу за его глазами и вижу всё то, что видит он.

Далее следует неловкий ужин, мама старается изобрести актуальную тему для беседы, расспрашивает Эштона о его жизни, интересах, о том, что он любит, а что нет, стараясь, тем не менее, глубоко не копать, чтобы, не дай бог, не задеть его чувства.

– А когда у тебя День Рождения? – внезапно подскакивает с вопросом Аннабель.

– 27 ноября, – нехотя и даже в некоторой степени небрежно отвечает Эштон.

– Невероятно! У них даже Дни Рождения почти совпадают! – наивно восклицает моя сестра, а я буквально давлюсь зелёной оливкой.

Да уж, сходств действительно более чем достаточно: карий цвет глаз, их разрез, идентичность линий бровей, скул, носа, губ. Эштон, пожалуй, чуть выше Алекса и самую малость уже в плечах, и цвет волос у него каштановый, а не чёрный, как у отца. Ну и, конечно же, Эштон моложе. Настолько моложе, что я не могу выдавить из себя ни слова за ужином, путаю вдохи с выдохами и, то и дело, давлюсь едой, вкуса которой не могу разобрать, потому что усердно ловлю каждый выданный Эштоном звук и смысл каждого произнесённого им с диким акцентом слова. Я потеряна для общества, потеряна для себя и для этого мира, центром которого для меня так неожиданно и так внезапно вдруг стал Эштон.

Алекс – красивый мужчина. Нет, не так! Алекс – очень красивый мужчина, настолько, что в четырнадцать лет меня угораздило в него влюбиться и, конечно же, избавиться от этой тинейджерской зависимости, от нездорового влечения мне смог помочь только сам Алекс. Мы с ним поговорили. Правда, это был разговор длиной в восемь часов: мы ездили в Ла Пуш, тихое, спокойное место, где Алекс любит раз-

мышлять, как он сам мне однажды признался.

В ту нашу поездку, в день своего излечения от первой в моей жизни влюблённости я узнала много подробностей из истории жизни своих родителей: мамы, Алекса и моего родного отца Артёма. Мама никогда бы не рассказала всех тайн, а самой мне никогда не бы пришло в голову, что в основе тех событий лежало одно очень большое чувство, что именно оно стало причиной пережитых семейных катастроф и потрясений. Обычные люди находят друг друга, встречаются, женятся, потом у них рождаются дети, у кого-то раньше, у кого-то позже, у моих же родителей всё не так: у них всё не просто сложно, а гипер-сложно.

Нашу семью не назовёшь обычной и уж точно не упрекнёшь в предсказуемости. Это такая семья, все четверо детей которой объединены не общими генами своих родителей, а их любовью друг к другу. Гены у нас разные, а дом и семья одни на всех. При этом своего отчима я люблю и ценю больше, чем родного отца, моя сводная сестра Аннабель обожает мою мать и недолюбливает собственную, а в сердце Алекса я занимаю больше места, чем сёстры, в чьих жилах течёт его кровь.

Впервые я задалась вопросом, почему в моей семье всё происходит так, как происходит, когда мне было двенадцать лет. Однажды в субботу, вернувшись с уроков по испанскому языку раньше обычного, я застала родителей целующимися на диване в одном из наших просторных холлов. Это не был

типичный клевок в щёку, как у родителей моих подруг: мама и Алекс, мне показалось, были готовы съесть друг друга живьём. Таких поцелуев я даже в кино не видела. Некоторое время спустя я спросила у матери:

– Мам, а почему вы с Алексом расходитесь и жили порознь?

И она не сразу, но ответила:

– Потому что не могли жить вместе.

– Но вы ведь хотели? – мне требовалось понять логику взрослых поступков. Тем более, что я очень хорошо помню то время: как плохо мне было, как чахла и без конца болела мама, как Алекс уезжал на многие-многие месяцы и лишь изредка звонил мне, как снова женился, и как родилась наша с Лурдес сводная сестра Аннабель.

– Хотели, – уверенно ответила мама.

– Тогда почему развелись?

– Это сложно, дочь. Когда-нибудь я расскажу тебе, что произошло, но только для того, чтобы ты не повторяла моих ошибок. А сейчас тебе ещё рано вникать во все это.

Разговор на эту тему больше никогда не возникал, но это вовсе не означало, что мой интерес иссяк. Что ж, он был полностью удовлетворён в тот самый день, когда Алекс раз и навсегда положил конец моей навязчивой детской любви: он рассказал мне все в деталях. Ну, наверное, не во всех, но я все поняла. Осознала, что этот мужчина целиком и полностью, до конца своих дней, до кончиков своих волос, каждой

своей клеткой и каждым атомом своих запахов принадлежит одной единственной женщине, и ею никогда не буду я или какая-нибудь другая девушка. Эта женщина – моя мать.

Мне было 14 лет, но история, которую доверили, раз и навсегда поставила точку в моём желании оказаться «той самой».

Я долго не могла уснуть вечером, а утром проснулась совершенно другим человеком, и Алекс навсегда перестал быть для меня мужчиной и остался лишь другом и отцом. Иногда мне кажется, что я люблю его больше чем маму, больше чем своего родного отца, больше чем всех своих братьев и сестёр вместе взятых, больше чем всю мою семью и себя саму! Потому что Алекс – это целый мир, необыкновенный мир, красочный, яркий, радостный, счастливый как Рождество...

И вот, в тот сентябрьский вечер я узнаю о существовании копии Алекса, которая моложе его самого на 20 лет и явно никому не принадлежит! Вот только мне было невдомёк, что Эштон, на самом деле, вовсе никакая не копия...

Глава 2. Откуда взялся Эштон?

Никто вслух не обсуждает происхождение Эштона. Я долго пытаюсь добиться от матери любых объяснений по этому поводу, но она как скала – непоколебима. Вытерпев неделю, отправляюсь за ответами к Алексу.

Отец работает в кабинете, как обычно, чертит проекты в своём гигантском планшете.

– Это будет жилой дом или офиса? – спрашиваю.

– Конечно, жилой. Ты же знаешь, Соняш, я теперь строю только дома для жизни, а офисами пусть занимаются другие архитекторы.

– А что это за стержень посередине?

– Это не стержень, а основа. Ну, вообще-то, в некотором роде стержень – ты права. Квартиры будут вращаться вокруг своей оси, давай покажу.

И Алекс показывает мне 3D видео, рассказывающее о концепции его проекта.

– А зачем это нужно? – спрашиваю.

– Ну, во-первых, это удобно: хочешь солнце – поворачиваешься к нему, не хочешь – отворачиваешься. Плюс экономия энергопотребления.

– А Эштон откуда взялся?

Алекс тут же меняется в лице, его тёплая улыбка гаснет, он морщит лоб и замечает:

– Ты точно, как твоя мама: никаких плавных переходов, сразу трескаешь по лбу!

– Так откуда?

– Из прошлого.

– Он твой сын?

– По всей видимости, да.

– Ты не знаешь точно?

– Нет.

– Но ты узнаешь?

– А как ты думаешь, это уместно? На моём месте стала бы ты это делать?

– Нет.

– Ну, вот и я тоже.

– Помнишь, ты рассказывал мне о важности защищённого секса?

– Конечно, помню. А что такое? Ты...

– Нет не я, а ты! Так откуда Эштон?

Алекс вздыхает, молчит некоторое время, затем поднимается и, засунув свои ладони в карманы брюк, подходит к панорамной стене. Молчит, глядя на море, затем внезапно отвечает:

– Знаешь, случаются такие моменты в жизни, когда ты эмоционально настолько истощён, что теряешь контроль. Перестаёшь заботиться о важных вещах, кажется, что ничто больше не имеет значения, и ты просто делаешь то, что хочется в эту секунду, не задумываясь о последствиях. Это был

как раз такой момент.

Какое-то время мы молчим, потом он продолжает:

– Мать Эштона – та самая женщина, которая помешала твоей матери принять важное решение. Я всегда думал, что это же самое решение являлось единственно верным... но только не для тебя, Соняш!

Алекс внезапно оборачивается, смотрит мне в глаза уже совершенно другим взглядом – живым, даже в некоторой степени озорным, и добавляет:

– Ты только подумай, Соняш! Тебя бы не было, не было бы Эштона, если бы твоя мама сказала одно короткое, но такое большое «да» в тот день!

– Но были бы другие...

– Да, возможно. Это были бы наши с твоей матерью совместные дети. Но тебя бы не было! А я не представляю нашей жизни без тебя, понимаешь? И не хочу представлять!

– А без Эштона?

– Сонь... Ты росла на моих глазах, какое-то время даже в моих руках. А Эштона я не знаю. Понимаешь?

– Мне кажется, ты его не любишь...

– Нельзя любить кого-либо, не зная его. Дай мне время, пожалуйста.

– Но маме Эштон нравится!

– Твоя мама – самое доброе и любящее существо на планете, она любит всех детей, независимо от их происхождения. Я не могу так. Надеюсь, что смогу полюбить его. Наде-

юсь.

Он снова задумчиво смотрит на спокойный серый залив. Я подхожу и обнимаю его сзади – знаю, что делать, когда отцу плохо или беспокойно. Его губы тут же растягиваются в улыбке, он поворачивается ко мне, целует в макушку, а руки заключают в объятия.

– Это случилось в те ваши пять дней в Париже, о которых ты мне рассказывал?

– Да. Именно тогда.

– Подумать только... Всё это время он жил в Париже, а ты даже не знал о нём! Он твой сын, в этом нет сомнений. Он так похож на тебя!

– Я знаю, – отвечает отец со вздохом.

Вообще, надо сказать, не только я, но и Лёха обожает Алекса, даже относится к нему с нескрываемым почитанием, а вот с родным как-то не ладится у него. Даже и не знаю, почему. Я папу Артёма вижу довольно часто, бывает даже, что ужинаю у него. Мы легко находим общие темы для бесед, да и вообще, чувствуем себя в компании друг друга вполне комфортно. Я знаю, что он любит меня, и Лёшку, конечно, тоже, а то, что случилось между ним и матерью – это их история и их трагедия. Я всегда буду оставаться для него дочерью, а он для меня отцом.

А ещё у меня немного болит сердце о нём, о его судьбе. Мой родной отец не достиг слишком многого, как Алекс, например, и это, я подозреваю, некоторым образом давит на

него. Не столько сам этот факт, сколько то, что мама ушла от него к более успешному мужчине. Он часто бывает в депрессивном расположении духа, редко видится с друзьями, которых у него не так и много, живёт один и, насколько мне известно, не имеет постоянной подруги. Я пытаюсь уговорить его начать встречаться хоть с кем-нибудь, ведь ему всего сорок четыре года, это не молодость, но и не старость! Сколько людей находят друг друга в таком возрасте, а бывает и позже! Даже фильм про это сняли: «Москва слезам не верит» называется, моя мамочка его обожает, особенно исполнять песню про Александру. Мы, бывает, вместе её поём под настроение: мама, безголосая Лурдес и я. Аннабель петь не любит, хотя умеет, но обожает рисовать – это умение, почти талант, передал ей отец, очевидно.

Алекс у нас – скопище талантов, навыков и умений. Он всё может, всё знает, всё умеет, и притом лучше всех. Немудрено, что у моего родного отца Артёма прогрессирует чувство неполноценности на таком фоне... Но это ведь, скорее, редкий дар! Такие люди не встречаются через одного, большинство могут похвастать только одним талантом, а у многих так и вовсе их нет! Алекс никогда не стремился быть лучше других, его образованность – следствие любознательности, жадного до знаний ума, трудолюбия и целеустремлённости. Эти личные качества и привели к тому, что он развил себя до недостижимых для большинства высот. Лично мне удивительно другое: как они с матерью умудрились отыскать

друг друга среди всех прочих людей, ведь и она такая же точно, как он! Ровно с тем же набором: трудолюбие, усердие, пытливый и работоспособный ум и постоянная внутренняя потребность завтра быть лучше, чем сегодня! Моей матери сорок три года, она потрясающе поёт, плохо рисует, но время от времени посещает уроки модного художника. Она всю жизнь занимается йогой, а с возрастом стала ходить ещё на танцы и фитнес. Мама в совершенстве знает пять языков, ещё три – на уровне туристического общения, сейчас учит китайский, потому что Алекс его знает, а она нет, и это ей не нравится. Моя мамочка – профессор в одном из самых крупных Университетов США и не чего-нибудь, а высшей математики! Ей нравится учиться, узнавать новое, приобретать умения: «Я люблю напрягать свои мозги! Это такой кайф!» – совершенно искренне утверждает она.

Ни мама, ни Алекс никогда не смотрят телевизор, им это скучно. В свободное от нас и работы время они либо болтают друг с другом (что чаще всего), либо, лёжа в обнимку (это обязательно) читают каждый свою книгу. Идеальная пара. Идеальное совпадение интересов, устремлений, важнейших взглядов и ценностей. Глядя на них, я понимаю, что мама и мой родной отец никогда не были такой парой, и не смогли бы стать – слишком они разные. Поэтому осуждать мать за то, что выбрала другого мужчину, никогда не буду – не имею такого права. Каждый человек волен прожить свою жизнь так, как хочет, как велит ему душа.

Мама счастлива, Алекс счастлив, Лёха счастлив в своём обожании мамино второго мужа, что уж говорить обо мне... для меня Алекс – папочка в кубе. А то, что мой родной отец не хочет, не стремится, не пытается устроить свою личную жизнь, свою судьбу – разве виноват в этом кто-нибудь кроме него самого? Мама – не его человек, теперь, спустя годы, это особенно очевидно, так почему же не дать себе шанс найти того, кто будет совпадать с тобой в твоих желаниях? С кем у тебя будет своя собственная идиллия, отличная от всех других, и пусть люди и не поймут, почему вы двое так тащитесь от программирования и часами играете в компьютерные игры с банкой пива под рукой? Почему нет? У каждого своё собственное представление о счастье и комфорте!

А я хочу, чтобы мой муж был во всём похож на Алекса! Вот во всём! И я даже готова стать профессором математики и скрючиваться буквой «Зю» в йоговских позах, только бы рядом был такой же развитый и интересный человек! Такой же умный, добрый и отзывчивый, знающий каждый фибр моей души и умеющий заставлять её петь так же, как поёт мамина душа...

Мне нужно, чтобы он любил меня. Чтобы боготворил и носил на руках в прямом и переносном смысле, точно так же, как Алекс носит мою мать. Как смотрит на неё: так, словно она центр Вселенной. Как оберегает её, трясётся только от мысли, что с ней может произойти нечто, способное её у него забрать. Хочу, чтобы меня боялись потерять точно так

же, чтобы сходили с ума от одной только мысли об этом. Хочу, чтобы у нас были дети. Пусть не сейчас и не скоро, но когда-нибудь, в очень далеком будущем, я бы ходила беременной от него, и он бы любил меня и оберегал ещё больше. И я его тоже, потому что он дал мне главное – счастливое материнство.

История Валерии и Алекса в книгах «Моногамия» и «Моногамист»

Глава 3. Помощник

Следующая встреча с Эштоном случилась почти два месяца спустя – в самый разгар подготовки к Рождеству. Несмотря на то, что мама пригласила нового члена семьи приходить в любое время и обязательно по воскресеньям, он не появлялся в нашем доме ни разу, не пришёл даже в День Рождения Алекса, хотя мы его очень ждали... Ну, мы с Лурдес, по крайней мере.

И вот, совершенно неожиданно, в конце ноября, в самую обычную среду мама вернулась домой из своего Университета не одна и не с Алексом.

– Сонечка! Я привезла тебе помощника! Встречай Эштона!

Я оторопела:

– Помощника?!

– Ну конечно! Тебе же нужна помощь с гирляндами? Кто говорил, что Стэнтон вывихнул бедро и не может помочь тебе в этом году?

Я замечаю, как маман усиленно подмигивает мне своим левым глазом, что выглядит так, словно у неё нервный тик. Всё ясно: гирлянды – это предлог, чтобы затащить Эштона в наш дом.

– Обозначь парню фронт работы, а я пока займусь ужином. А Лурдес где?

– Просила передать, что останется сегодня у Габи вместе с Аннабель. Сказала, они закажут тайскую еду.

– Тайскую?! – округляются мамины глаза. – У Аннабель снова живот болел утром, какая тайская еда, ты шутишь?

– Ну, не знаю. Не забывай, пожалуйста, мам, что с ними Габи, и Аннабель ей как бы дочь... – многозначительно намекаю матери на её склонность к гиперопеке не своих детей. Это странно, о нас она так трепетно не печётся, как об Аннабель и теперь уже, похоже, что и об Эштоне тоже.

Мы с Эштоном – два молчуна. Мне не так легко даётся коммуникация с новыми людьми, но у Эштона, похоже, проблемы посерьёзнее моих.

Я уже пыталась поговорить с ним о погоде, пока мы спускали с чердака коробки с электрическими гирляндами, интересовалась о его будущей профессии, пока искали ножницы, чтобы разрезать скотч и вскрыть их, но кроме коротких ответов, состоящих из одного-двух слов, так ничего и не получила. Подумала было рассказать что-нибудь о себе, но Эштон всем своим видом и упорным молчанием чётко давал понять: «Ты мне не интересна!». И я умолкла. Спросила только, когда мы выходили на террасу, не холодно ли ему в одном лишь батнике, на что получила:

– Нет.

Один долгий и молчаливый час ушёл на то, чтобы распутать гирлянды – в прошлом году уборкой всей этой праздничной красоты занимался мой брат Алексей совместно с

Лурдес и Аннабель, и это, скажу я вам, тандем беспечности и расхлябанности. Сколько ни объясняй им, что гирлянды нужно распутывать и аккуратно слоями укладывать в коробках, бесполезно: кидают всё как попало!

Но Эштон никак не комментирует беспорядок, за который мне так стыдно, молча делает свою работу. Закончив, тут же спрашивает:

– Куда вешать?

Я аж подпрыгнула от неожиданности.

– Ну, обычно, мы развешиваем их на перила террас просто, и всё, – отвечаю.

– А если растянуть по стеклу ровными линиями вдоль всего фасада, не лучше будет? Там вон клипсы есть, за них и цеплять можно. Наверное, для этого и оставили их. Я думаю.

– Лучше, конечно, но туда же не достать! – возражаю. – Если только треногу притащить, – добавляю задумчиво.

Внезапно Эштон быстро и совершенно неожиданно взбирается на стеклянный борт, в какое-то мгновение теряет равновесие, но успевает схватиться за поручень нависающего над нами выступа террасы третьего этажа, отчего его батник поднимается кверху, обнажив живот и спину холодному, сырому ноябрьскому ветру. Я обнаруживаю своё лицо прямо напротив чужого пупка, так близко, что несмотря даже на недостаток света могу различить каждый тёмный волосок на его коже – я не заметила сама, как и когда бросилась спасать своего помощника, рискнувшего целостностью своего орга-

низма во имя Рождественского убранства нашего дома. И хотя ледяные северные порывы ветра пронизывают насквозь, мелкие крупы редкого снега, словно иголками, вонзаются в мои замёрзшие щёки, внутри меня разгорается неистовый пожар... Так странно, как в это мгновение я не чувствовала себя ещё никогда, ни разу в жизни так явно не ощущала некоторые особо интересные части своего тела. Где-то в отдалённых закоулках затуманенного сознания возникают догадки о том, что бы это могло быть, и мне тут же становится дико неловко и стыдно.

Я буквально отпрыгиваю от Эштона и пытаюсь скрыть своё замешательство и алеющие щёки откровенным враньём:

– Ты чего?! С ума сошёл? Разбиться хочешь?

Эштон смотрит на меня со странной ухмылкой и выглядит так, будто всё понял и знает, что произошло секунду назад в моём теле и всё ещё продолжает происходить.

– Испугалась? – спрашивает неожиданно ласково, таким странно нежным бархатным голосом, какого я и не подозревала в нём.

– Тьфу, на тебя! Конечно! Тут же высоко, если не разбиться, то покалечиться точно можно! – отвечаю, вполне убедительно имитируя полнейшую незаинтересованность его животом, но мой взгляд предательски соскальзывает с его лица и мгновенно упирается в то самое место. Его джинсы... Он носит их слишком низко, слишком интимно это выглядит.

Я отворачиваюсь и пытаюсь замять свою неуклюжесть словами:

– Тебе точно не холодно?

– Нет.

Его голос опять такой же ледяной, как и прежде, словно и не было этого мимолётного мгновения мягкости и чуткости с его стороны, словно бы произошедшее и вовсе мне просто привиделось.

Какое-то время мы в полнейшей тишине развешиваем гирлянды, Эштон всё делает сам, а я иногда прошу его помочь мне куда-нибудь дотянуться. Именно «куда-нибудь», потому что это совершенно не важно, и я всего лишь пытаюсь начать с ним беседу. Любую. Ни о чём. Только бы он не молчал.

– Как тебе Вашингтон?

– Нормально.

– Красиво здесь, правда?

– Красиво. Но дома всегда лучше.

– Скучаешь?

– Да.

– А знаешь, где находится самое красивое место на Земле?

– Где?

– В Байрон-Бэе. Мы там отдыхали с родителями два года назад. Я просто влюбилась в тёплое море, пляжи, пальмы... Ты будто из реального мира попадаешь в счастливый сон, и

в нём так спокойно и так красиво!

– Не знаю, не был.

– А знаешь, где это?

– В Австралии.

Я удивлена: если он не был, тогда откуда знает? Спрашиваю:

– Байрон-Бэй – не самое знаменитое место на Земле, странно, что ты знаешь о нём.

– Люблю географию.

И снова молча растягивает гирлянду по стальным поручням нашей стеклянной террасы.

– Меня родители хотят отправить на учёбу в Европу. Ну, не настаивают, конечно, говорят: «выбор за тобой», но я знаю, что они правы. В Европе образование лучше. Странно, кстати, что ты сюда приехал учиться.

Эштон оставляет это моё соображение без комментария, продолжая всё так же молчаливо развешивать гирлянды по перилам, соединять их друг с другом, проверять, работают ли они, а если нет, то искать места разрывов.

Но я не сдаюсь:

– Ты... ты не слишком часто приходишь к нам...

– Времени нет.

– А с отцом тоже не встречаешься?

– С ним видимся.

– Часто?

– Иногда.

Внезапно Эштон спрыгивает с перил, подходит ко мне вплотную и странным, почти вызывающим тоном сообщает:

– Он купил мне квартиру.

Я улыбаюсь. Почти как дурочка.

– Ну... это же здорово! Иметь свой дом, я имею в виду.

Можно позвать гостей...

–И машину. Крутую такую тачку, тысяч за сто.

– У нас без машины сложно, – тут же отзываюсь. – Мне в этом году тоже уже можно получать лицензию, но папа... Алекс против. Говорит, это небезопасно в Сиэтле. И у нас же Стэнтон всё равно отвозит Лурдес и Аннабель в школу, так что... Я пока без машины, – улыбаюсь во весь рот.

Сама не понимаю, почему так сильно стараюсь ему понравиться. И, кажется, чем упорнее он отталкивает меня, тем сильнее мне хочется к нему приблизиться!

– Я ненавижу гостей! – неожиданно заявляет.

Мои брови взлетают в недоумении.

– Ты сказала, своя квартира – это возможность принимать гостей, так вот: я ненавижу гостей.

– Почему?

– Потому что они хитрецы. Входят в твой дом, трогают твои вещи, а потом просто сваливают. И забывают о тебе сразу же, как захлопнется твоя дверь.

– Не все такие. Есть хорошие, добрые люди. Если не общаться, не дружить ни с кем, то можно же совсем одичать!

Эштон отходит от меня, распечатывает новую коробку с

гирляндами, некоторое время распутывает их, затем неожиданно продолжает наш диалог:

– И что в этом плохого?

Я даже не сразу сообразила, к чему именно относился этот вопрос.

– В чём?

– В дикости.

– Ну... Одному ведь плохо... Не с кем поговорить, поделиться своими проблемами, попросить о помощи... Да и просто поболтать за чашкой чая!

– Вы все тут пьёте только кофе.

Последнюю фразу он произнёс словно с ненавистью.

– Или кофе... Какая разница. Дело ведь не в этом, дело в тепле, которым люди согревают друг друга!

Эштон внезапно отрывается от гирлянды и окунает меня в долгий, пронзительный, глубокий взгляд. Взгляд, полный боли, как мне показалось в ту секунду. Таким я тоже его ещё не видела: он словно оцепенел, застыл на какие-то мгновения, и от этой его странной реакции меня обдало холодом, я буквально почувствовала, как струятся ледяные потоки по моей спине.

– И кстати, мы с папой пьём только чай. А мама кофе... – зачем-то сообщаю ему.

В глазах Эштона загорается нечто ещё более болезненное, но и доброе, тёплое, в то же время.

Мы снова молчим и продолжаем работать. И мне больше

совсем не хочется говорить. Кажется, рядом с Эштоном проще и легче молчать. Для всех проще.

Закончив террасу на втором этаже, я предлагаю:

– Пойдём в дом, темно уже. Завтра закончим. Приедешь?

– Нет. Сегодня всё доделаем, завтра я занят.

– А послезавтра?

– Тоже.

– Такой занятой?

– Разумеется. Мне нужно делать свою работу.

– А ты работаешь?

– Конечно.

– Где?

– Спасателем в бассейне.

Мой рот открылся с вопросом «разве Алекс не дал тебе достаточно денег, чтобы спокойно учиться, ни на что не отвлекаясь?» но тут же захлопнулся, поскольку мозг, осознав неуместность этого вопроса, вовремя направил ему нужный импульс.

– Хорошо плаваешь?

– Нормально.

Опять это «нормально». Такое чувство, будто я настолько скучная и занудная личность, что Эштон буквально считает секунды до окончания пытки вынужденного общения со мной. А я сама себе удивляюсь: вообще-то все вокруг считают меня достаточно замкнутой и закрытой, что, наверное, в некотором роде, правда. У меня мало друзей, можно ска-

зять, совсем нет – мне вполне хватает сестёр и старшего брата Алексея, который с нами не живёт, но приезжает каждое воскресенье на семейный ужин вместе со своей девушкой и в обязательном порядке играет со мной одну партию в шахматы. И я даже уже иногда выигрываю у него – сказываются регулярные тренировки с Алексом, победить которого практически невозможно. Иногда я подозреваю, что у него в мозгу встроенный суперпроцессор!

В школе у меня есть подруга – Кейси. Кейси – не совсем формальная девушка, у неё уже имеется несколько тату, и их количество постоянно растёт, она носит пирсинг в ушах, носу, щеках, языке, и не только, но Кейси – единственный человек, которого интересую именно я, а не моя семья. Вернее, Алекс и его возможности. Всё дело с social networking, которому нас обучают буквально с пелёнок: плети паутину своих знакомств, копи нужных и перспективных людей в своей копилке, чем шире твоя сеть, тем выше и больше будет твой дом и круче машина. Это, конечно, полезное занятие, но в какой-то момент начинаешь ощущать себя фантиком в фальшивом, насквозь искусственном мире человеческих отношений. Самое настоящее, что мне довелось увидеть за свою не такую уж и длинную жизнь – это любовь родителей друг к другу. С детства я воспринимала их преданность как нечто обычное и вполне традиционное, но чем старше становлюсь, чем больше людей узнаю и вижу вокруг себя, тем яснее понимаю, что то, что есть в нашей семье, почти уни-

кально...

И, порою, мне становится страшно: а что, если я никогда не смогу найти свою половину? Не просто человека, согласного и готового провести свой век рядом со мной, а такого, который будет любить меня по-настоящему, болеть вместе со мной моими болезнями, дышать моими радостями, разделять мои горести и поддерживать в любой трудности, как это делает моя мать, и без которого я не смогу дышать, как без неё не может Алекс... Он сам так и сказал мне однажды: «Я задыхаюсь, если твоей матери нет рядом: весь мой смысл заключён в ней, все мои мысли всегда приходят к одной и той же точке – той самой, где с семнадцати моих лет хранится её образ...».

Что, если я буду пытаться снова и снова и каждый раз ошибаться, наталкиваясь на кого-то не того? Во мне уже давно родился и со временем только увеличивается страх одиночества. От мысли, что я могу остаться совершенно одна, без семьи, меня охватывает настоящий ужас!

Алекс знает, чувствует меня. Не помню, как и что именно я однажды сказала, чем выдала себя, но он тогда обнял меня и тихо прошептал на ухо: «У каждого человека есть пара на Земле. Ищи её не умом, ищи сердцем». А вслух добавил:

– И не надейся на парней! Иногда мы такие глупцы... Если почувствуешь, что он – тот самый, не позволяй ему пройти мимо, вовремя не спросить твой телефон или и того хуже, всё разрушить! Не дай стереотипам и гордости решить твою

судьбу!

Ему легко говорить, он уже нашёл маму, и теперь ему совершенно не о чем беспокоиться! А у меня впереди неизвестность... и множество возможных неудач и ошибок.

Я смотрю на Эштона, на его длинную тёмную чёлку, уже всю в снежинках, и внезапно ощущаю странное тепло, разливающееся в моей груди. Говорю себе: «Наверное, я начинаю любить его и принимать душой в нашу семью, ведь номинально он – мой брат...». Но ясно понимаю, совершенно чётко осознаю, что медовая радость, щекочущая меня изнутри всякий раз, как этот странный парень попадает в поле моего зрения, не имеет ничего общего с теми тёплыми чувствами, какие я испытываю к Лурдес, Аннабель и Алёше. И это совсем не то, что моё четырнадцатилетнее сердце испытывало по отношению к Алексу – то был восторг и желание быть центром его Вселенной, владеть его вниманием единолично и безраздельно, а это – невероятное притяжение, желание касаться, трогать, просто находиться рядом, в максимально возможной близости. И этот его живот... моя реакция при виде его... Необъяснимая, странная реакция, за которую почему-то стыдно.

Я отворачиваюсь, вскрываю коробки с гирляндами для третьей и последней террасы, но делаю это так медленно, словно во мне вдруг поселилась улитка. Внезапно понимаю, что хочу продлить этот холодный ноябрьский вечер до бесконечности...

Моё внимание привлекает шум открывающейся двери в гараж, я бегу в дом к окнам, смотрящим в сторону нашего бэк-ярда, и с удивлением обнаруживаю машину Алекса, а вскоре и его самого, выходящего из неё с огромным букетом белых лилий. Тут же бросаюсь обратно к Эштону:

– Эштон! Эштон! Ты представляешь, папа приехал! На три дня раньше вернулся из Европы! Мама будет на седьмом небе от счастья!

Эштон спрыгивает с поручня, брови его сведены, он – то ли озадачен, то ли расстроен, то ли просто чем-то недоволен.

– Бросай эти гирлянды, пойдем, скорее, встретим его! Он это обожает! – у меня уже зудёж в пятках, потому что Алекс всегда привозит замечательные подарки.

– Нет, мне домой пора. На неделе как-нибудь заскочу, сделаю всё, что осталось.

– Да перестань ты, мама ни за что не отпустит тебя без ужина! Ты же видел, какая она чересчур заботливая! Особенно, когда дело касается тебя! – я улыбаюсь ему во весь рот, и радость от приезда Алекса в моём сердце так велика, что я забываю о том, как холоден и неприветлив был со мной Эштон весь этот вечер, хватаю его за руку и тащу в дом, вниз, в холл, встречать отца.

Но нас опережает маман, буквально летящая в том же направлении, что и мы, с телефоном у уха и сияющим лицом. Она так поглощена своей радостью, что не замечает нас, но зато мы с Эштоном становимся немymi свидетелями вопи-

ющей сцены: мама врзается в Алекса, он роняет свой букет, подхватывает её на руки и, жадно целуя, направляется к лестнице, ведущей наверх, в сторону их спальни.

Мне становится жутко стыдно... Нет, мы все прекрасно знаем и уже привыкли, что у родителей совершенно точно есть бурная интимная жизнь, но Эштон этого не знает, и со стороны всё это выглядит очень неудобно!

Я хватаю воздух ртом, срочно пытаюсь сообразить что-нибудь адекватное в данной ситуации, но Эштон удивляет меня больше родительской выходки: совершенно спокойным и даже ледяным тоном он спрашивает:

– У вас ведь тут есть пляж, кажется?

– Да... – отвечаю растерянно.

– Пошли, – коротко заявляет и быстро направляется вниз по лестнице.

Бегу вслед за ним, подпрыгивая как заяц, и уже снаружи, у бассейна, ледяной ветер приводит меня в чувства, и я выдаю первую разумную мысль:

– Мне кажется, пляжный сезон давно закончился, Эштон!

Он продолжает так же молча двигаться, никак не реагируя на мои соображения по поводу его идеи прогуляться холодным вечером, практически уже ночью, по нашему пляжу. Наконец, мы добираемся до воды, Эштон буквально падает на песок и, поджав к груди колени, долго сидит, глядя в чёрную бездну. Я стою какое-то время рядом, не решаясь садиться на слишком холодный песок, затем всё же опуска-

уюсь рядом. Эштон в то же мгновение словно просыпается из какого-то своего странного сна, стаскивает батник и отдаёт его мне, оставшись в одной лишь футболке.

– Ты с ума сошёл? Оденься сейчас же! Простудишься!

– Ерунда, – отвечает коротко, и я уже знаю, что спорить бессмысленно – этот человек не поддаётся уговорам и не внимает убеждениям.

Пару минут спустя, так же глядя в темноту, как и прежде, он признаётся:

– Не хочу быть в этом доме, пока они...

Он умолкает, но его мысль очевидна. Мне снова стыдно, неловко и... обидно. Обидно за родителей. Они ничего плохого не делают. Они просто живут так, как, в сущности, и нужно жить. Они не обязаны никому и ничем, а главное, никто не имеет права осуждать их стремление быть всегда вместе. А ведь они так счастливы, когда вместе! В нашем доме живёт радость, доброта, понимание. Мы живём в любви друг к другу, и кто такой Эштон, чтобы осуждать?

– Не суди строго. Ты не знаешь... многих важных вещей. Слишком много всего выпало на их долю, слишком много они пережили, чтобы жить, оглядываясь на мнение других.

Сказав это, я осознаю, что выдала мысль, не соответствующую моему возрасту. Эштон поворачивает голову и смотрит мне в глаза, его губы находятся так близко, что я ощущаю тепло всякий раз, как он выдыхает. Слишком темно, чтобы разобрать выражение его лица, но я чувствую – он удивлён

тем, что я только что сказала ему. А эта мысль не моя – это слова самого Алекса, а я – всего лишь копилка его уроков.

– Что именно они пережили?

– Знаешь, однажды Алекс доверил мне всю их историю в деталях. На это ушёл целый день наших с ним жизней, и поверь, у него для этого была очень веская причина. Но я думаю, что у меня нет права рассказывать чужие секреты, и я никогда не рассказывала. Единственное, есть общеизвестные факты, но даже их достаточно, чтобы понимать – они заслужили то, что имеют. Жизнь коротка, и они это знают лучше, чем кто-либо.

– Рассказывай, – мягко просит Эштон, снова устремив свой взгляд в темноту.

– Я не знаю, известно ли тебе это... Когда Алексу было около тридцати лет, он заболел. Очень серьёзно заболел, врачи считали, что он не выживет. Мама тогда жила на другом конце планеты с моим отцом, а мне было два года. И хотя мама говорит, что дети не могут иметь настолько ранние воспоминания, я помню своё одиночество... Жуткое, страшное, опустошающее одиночество.

Эштон снова поворачивается ко мне, я снова ловлю его дыхание.

– Почему одиночество?

– Потому что моя мать уехала от нас почти на три месяца, улетела на другой материк спасать Алекса. И она его вытащила. Тогда дважды, потом спустя годы ещё несколько раз.

Они чувствуют друг друга как самих себя, и приходят на помощь в самый правильный момент – так считает Алекс. Вернее, он в это верит. Это его собственная религия.

Эштон смотрит неотрывно, впитывает каждое моё слово.

– Алекс был очень болен, буквально умирал у матери на руках. Обессилел настолько, что не мог сам передвигаться, стыдился своей болезни, немощи, худобы, того, что совсем не мог есть, но она была рядом и упорно верила, что он выкарабкается. Но он и не пытался. А мама всё равно тащила его, тянула так, как может только бесконечно любящий человек. Она болела вместе с ним, поделила его боль, его стыд и немощь. А заболел он, потому что мамы не было рядом. Он сам мне так сказал: «Жизнь потеряла смысл. Зачем существовать, если не можешь жить без того, кто важнее и дороже всех?». Ещё он сказал: «Мы совершили очень много ошибок, обидели многих важных и дорогих нам людей, не раз причиняли боль, но если Бог есть, он знает – мы не могли по-другому». И знаешь, глядя на них каждый день, я в это верю – они действительно не могли.

Эштон находится всё так же близко и так же вглядывается в моё лицо, я чувствую его тепло, и, несмотря на ледяной ветер, мне совсем не холодно. Внезапно, совершенно неожиданно для меня самой у меня вырывается вопрос:

– Ты хотел бы так же любить и быть любимым, как они?

– Нет! – тут же отвечает Эштон, но я ему не верю, потому что такие вопросы слишком тяжеловесны, чтобы так легко и

быстро находить ответы на них.

– Просто ты не знаешь... ничего не знаешь об этом, – медленно возражаю ему.

Вдруг замечаю, что на кухне загорелся свет, вижу маму у стойки, уворачивающуюся от назойливых поцелуев отца.

– Пошли в дом, – зову Эштона. – Поможем им с ужином.

По мере того, как мы входим в нашу огромную столовую и приближаемся к кухне, я слышу обрывки родительских фраз:

– Мы с тобой – двое старых извращенцев! – хихикает мама.

– Поверь, Лерун, ты понятия не имеешь об извращениях. То, что делаем мы с тобой – это естественная потребность двух любящих людей в физической близости.

– Я сомневаюсь, что все остальные любящие делают то, что творим мы с тобой...

Я мысленно благодарю Бога за то, что Эштон не знает русского языка, и выдавливаю из себя максимально громкий кашель, такой, чтобы мы, не дай Бог, опять не стали свидетелями картины, слишком откровенной для его тонкой душевной организации.

Родители тут же умолкают и отрываются друг от друга, но это мало меняет положение вещей, потому что оба они переодеты в домашнее, и у обоих мокрые головы от только что принятого душа. Я прикусываю губу, стараясь не думать о том, о чём совершенно точно сейчас думает Эштон. И, на-

верное, я с ним в какой-то мере согласна – мои родители слишком любвеобильны для своего возраста. Жаль, что мне не шесть, и как бы я ни старалась, мысли о том, почему они оба мокрые, и что именно эти двое довольных родителя делали вместе в душе, всё равно лезут в мою голову.

Я бросаюсь обнимать Алекса, его руки и традиционные поцелуи в мою макушку тут же приносят мне облегчение.

– Ты вернулся раньше! – и это не утверждение, а скорее вопрос с моей стороны.

– Решил все дела по-быстренькому и домой, к вам! – целует меня в лоб. – Ты же знаешь, я не могу долго находиться вдали от вас!

Я снова обнимаю отца и чувствую, как одна его рука отрывается от меня, оборачиваюсь и вижу рядом Эштона. Похоже, он протянул свою руку первым. Алекс довольно улыбается, и я знаю, как это важно для него.

– Привет, Эштон. Я очень рад видеть тебя здесь! – голос Алекса такой же мягкий и тёплый, каким он говорит с нами, своей семьёй. Таким же голосом он разговаривает со своим другом Марком, почти всей нашей многочисленной роднёй и всеми возможными в природе детьми, но со взрослыми – он обычно достаточно холоден. Даже чересчур, я бы сказала. У Алекса social networking с приставкой «анти». Мама говорит, он раньше не был таким, был мягким со всеми, а потом словно стал отталкивать весь мир от себя, оставив рядом лишь близких.

– Привет.

Эштон так же лаконичен и холоден, как всегда, а мне безумно хочется, чтобы отношения между этими двумя мужчинами наладились, достигли той близости, какая и положена людям с одинаковыми генами. А в том, что гены у них одни на двоих, нет никаких сомнений – когда они вот так рядом, как сейчас, особенно сильно видно их неординарное сходство. Глаза вообще идентичные, вот только взгляды совершенно разные. Насколько много тепла в Алексе, настолько же много холода в Эштоне.

И мне хочется его согреть. Сломать все заслоны, растопить лёд и обнажить его настоящего, а настоящий он, я уверена, такой же горячий, как Алекс, и любить может так же сильно, так же самозабвенно заботиться, быть таким же преданным и верным.

«А вдруг Эштон и есть тот самый?» – внезапно рождается в моей голове вопрос. Дурацкий вопрос, на который уйдут годы поиска ответа... Многие-многие годы моей жизни.

За ужином всё та же неловкость, но на этот раз разрядить обстановку пытаются уже трое: я, мама и Алекс. Эштон упорно молчит и почти не ест.

– Видел твою маму. Жалуется, что не звонишь. Переживает! – как бы невзначай вдруг замечает Алекс.

Эштон замирает при этих словах, затем, спустя время, продолжает медленно есть свой салат.

До меня доходит, для чего на самом деле Алекс летал в

Европу. Я смотрю на мать, на её невозмутимое лицо, и мне вдруг срочно хочется её обнять. Тяжело сознавать, что твой мужчина встречался со своим прошлым, от которого у него ещё и сын есть. Ведь когда-то же этих двоих что-то притянуло друг к другу, и нет никаких гарантий, что не потянет опять!

После своей глупой подростковой влюблённости в Алекса я стала часто думать о матери, о том, как она всё это переживает. Даже у меня, близкого и родного человека, начала развиваться ненависть к ней. Я находилась в перманентном состоянии подавленности, а раздражение, которое вызывала во мне мама, выливалось в дерзость, а порой и грубость в её адрес. Собственно, именно это, подозреваю, и стало основной причиной экстренного вмешательства Алекса. Он вырвал в своем забитом графике сутки и целиком посвятил их мне не просто так: отец никогда и никому не позволяет расстраивать мать, даже нам, детям. Лурдес регулярно прилетают штрафы в виде лишения развлечений и карманных денег за любую провинность в отношении мамы. Аннабель тоже хорошо знает, что такое “строгий отец”, и лишь одна я всегда находилась на «особенном положении», которое заметили все. Абсолютно все. Со временем, каждый отдельно взятый член нашей семьи понял, что я – любимый ребёнок у Алекса, а тётушка Мэри даже однажды выдала свои соображения по этому поводу:

– Алекс без памяти любит твою мать, а ты очень на неё

похожа! Не только внешне, у вас и характеры одинаковые. Поэтому он тебя и выделяет, ты заметила?

Ещё бы не заметить. Конечно, заметила: за провинности попадает всем, кроме меня, подарки “самые индивидуальные” опять у меня, и именно мне достаётся больше всего бесед, советов и уроков. И когда я начала безобразничать, вместо санкций получила целый день наедине с любимым человеком. А что такое день для Алекса? Это очень много! Его время расписано едва ли не по секундам, и единственный человек, кто пользуется привилегией частного с ним общения, всегда была и остаётся мама. И тут вдруг один целый день достаётся лично мне!

– Алекс ёлку притащил. Огромную! – сообщает с излишней радостью мама.

– Ну как обычно, – отвечаю и благодарю отца улыбкой, он улыбается мне в ответ, и от удовольствия я даже умудряюсь на пару мгновений забыть об источающем напряжении Эштоне. Он словно высоковольтная линия, напряжён так, что я, кажется, даже слышу гул проходящего по нему тока.

Эштон то и дело мечет свои острые взгляды в сторону отца или пристально всматривается в мою мать. А я – вообще невидимка для него, часть интерьера. Его бокалу с красным вином и то больше внимания досталось в тот вечер, нежели мне.

– Где поставим её в этом году? – мама продолжает тему ёлки, так как ничего нового для общей беседы, видно, ещё

не изобрела.

– А давайте в этом году поселим её в гостиной! Мы ведь Рождество там отмечать будем? Или в столовой? – предлагает Алекс.

– Мне столовая больше нравится, тут пространство дружелюбнее, – отвечаю.

– Смотри, – возражает Алекс, – в этом году нас будет больше: Алёша со своей девушкой обещал прийти.

– Пусть сперва продержится хотя бы год с ней! – возмущённо возражаю. – Какой толк знакомиться? Каждый раз новая, я даже имена их не успеваю запоминать!

– Это совершенно нормально, он в поиске, – не сдаёт своих мужских позиций Алекс, жуя салат. Затем добавляет:

– Кроме того, и Эштон в этом году будет с нами. Эштон, ты ведь будешь с нами в Рождество?

И этот вопрос звучит не как вопрос, а как утверждение. Я чувствую очевидную оттепель в отношении Алекса к своему вновь обнаруженному сыну, но об Эштоне этого не скажешь.

– Нет, – заявляет, не задумываясь, – я уже договорился с друзьями.

– Рождество лучше проводить дома, с близкими, – мягко настаивает отец, и слово «близкими» звучит у него как-то по-особенному.

– Нет ничего важнее семьи! – подпевает мама. – Эштон, нам бы очень хотелось, чтобы ты был с нами в Рождественский вечер!

Эштон странно смотрит на неё, буквально затаив дыхание, и я замечаю, что в его взгляде нет той остроты, с какой он обычно смотрит на меня или Алекса. Мама кладёт свою руку поверх руки Эштона и добавляет самым своим ласковым голосом, на какой способна:

– Ты не представляешь, как важно, чтобы ты принял нас всех в своё сердце! Самое большое богатство в любви близких, Эштон!

И она гладит его по руке так нежно, что мне даже завидно – со мной она никогда так не разговаривает и уж точно по рученьке не гладит.

– Позволь нам стать твоей семьёй, нам очень этого хочется! – продолжает настаивать мама. – Правда, Сонечка?

Сонечка? Серьёзно? Всегда Соня, Сонь или Софья, ну, в лучшем случае, Софи, а тут вдруг Сонечка!

– Угу, – отвечаю, стараясь поскорее прожевать суши-ролл, от меня ведь ждут в данную секунду выражения вечной любви в адрес Эштона. Просто потому что он – часть семьи!

– Лерусь, дай ребёнку поесть спокойно! – вмешивается Алекс, подмигивая мне с хитрющей улыбкой.

– Эм... Эштон... – проглатываю чёртов ролл, – у нас брат только один и тот вечно где-то лазит по подружкам, так что мы его почти не видим, поэтому знаешь, ещё один бы братик не помешал!

Спустя пару секунд добавляю:

– У нас слишком много тут женской энергии. Мужской не

хватает: один Алекс на нас четверых... Это если Эстелу не считать!

Алекс прыскает смехом, мама сдержанно улыбается.

– Эштон, я верю, что ты не откажешь мне... нам! Придешь же? – настаивает она, ласково приобняв уже его плечи.

– Приду, – неожиданно быстро меняет своё решение «всеми-страстно-желаемый» Эштон, а я, кажется, начинаю его недолюбливать. Ну, или хочу! Недолюбливать...

Глава 4. Эштон не ВЫХОДИТ ИЗ МОЕЙ ГОЛОВЫ

Dido – White Flag

Эштон не выходит из моей головы. Моя неспособность концентрироваться на насущном так очевидна, что мисс Мэйпл, наш преподаватель английской литературы, даже сделала официальное предположение при всём классе:

– Похоже, наша София, наконец, все-таки влюбилась!

Класс взрывается свистом и улюлюканьем, а я от стыда готова залезть под стол.

– Но-но! Я просто пошутила! – пытается успокоить ораву мисс Мэйпл, слишком поздно осознав, какую ошибку допустила.

Спустя время, ей это удаётся и не без труда.

– Так значит, влюбилась? – в глазах Кейси интрига.

– Глупости, – отвечаю и чувствую сама, что не убедительно.

– Кто он?

– Никто! Не мешай!

– Дружеский совет ещё никому не мешал! – сдержанно замечает мне Кейси, зная наперёд, что сдача мною своих же позиций – лишь вопрос времени.

Кейси умна не по годам, а её проницательности завидует даже моя мама. Подруга никогда не спешит и ни о чём осо-

бенно не беспокоится, её путь по жизни скорее созидательный. За эпатажными обликами она прячет незаурядный ум, сообразительность, хитрость и истинно ироничное отношение к окружающему миру. Настоящее имя её – Вайолет, и когда однажды я имела неосторожность заметить, что оригинальное имя намного красивее и экспрессивнее чем «Кейси», подруга меня потрясла:

– Имя способно многое рассказать о человеке. А в нашем мире ты тем в большей безопасности, чем меньше знают о тебе люди!

Кейси часто перегибает палку с образами, но мало кто знает, что она вовсе не ищет себя, как принято считать, а лишь проверяет окружающий её мир на прочность. И мир справляется не всегда. Сегодня у Кейси совершенно невинный облик, она – Алиса из Страны Чудес: линзы, имитирующие перламутровый пластик, сказочное голубое платье с принтом из соответствующего произведения, распущенные волосы обычного золотистого цвета. Обычного, потому что ещё вчера они были розовыми, а на прошлой неделе зелёными. И сегодня из всего доступного Кейси пирсинга остался лишь маленький бриллиант на изящном крылышке её носа.

– Как ты смотришь на то, чтобы устроить себе райскую жизнь в субботу... тыщ, скажем, на десять? – внезапно предлагает мне Кейси, вальяжно раскинувшись на школьном стуле.

– СПА, шопинг, ночной клуб? – предполагаю.

– Угу, – отвечает, одной рукой засовывая в рот Принглс, а другой списывая задание с доски.

– Ты разбогатела?

– Отец кинул мне на счёт 50 кусков сегодня утром. Сказал, если продержусь без побрякушек на лице месяц, кинет еще сто.

– И что ты? Согласилась?

– Сказала, что подумаю.

Отец Кейси, Бренден Бакли – известный и успешный адвокат, и странное поведение его дочери никак не вписывается в идеальную картинку создаваемого им мира. Алекс как-то заметил, что у Брендена большое будущее, и сложности с ранним ребёнком, то есть Кейси, для него не помеха. Кейси появилась на свет, когда её отцу едва стукнуло семнадцать. Семья обеспеченных адвокатов приложила немало усилий, чтобы замять и скрыть пикантную историю, но вторая сторона выдвинула свои условия. Эти условия вылились в то, что Кейси поселилась в адвокатском доме, начав сводить с ума домочадцев сразу же после своего рождения. Однажды на вечеринке Кейси немного перебрала и ударилась в откровения: призналась, что ненавидит чопорных бабушку и деда, экспериментирует с «тюнингом» своего тела им назло, и во всем мире любит лишь своего отца, хоть и почти не видит его.

– Он тоже их ненавидит, я это точно знаю! Их и чёртову адвокатуру! – добавила она таинственным голосом мне на

ухо. – А хочешь секрет?

– Конечно!

– Отец тайно встречается с очень красивой женщиной в одном и том же отеле! Тебе это ни о чем не говорит?

– Нет, – честно признаюсь.

– Вот ты клуша! – восклицает, закатываясь пьяненьким смехом. – Я так же уверена, что это моя мать, как и в том, что у них там секс в этом отеле!

– Зачем им скрываться? – ожидаемо интересуюсь, но ответа не получаю, потому что у Кейси, очевидно, его нет.

Спустя несколько месяцев Кейси выяснила, что таинственная дама вовсе не её мать, а всего лишь очередная пассия отца, и стала бунтовать ещё сильнее, пробив не только уши, но и брови, нос, щеки и ещё кое-что. По поводу этого “кое-что” ходят слухи, но в лицо Кейси никто не смеет отпускать своих шуточек – боятся её острого как бритва языка. Меня тоже не трогают – я под крылом у подруги.

Я долго разглядываю пережженные краской золотые локоны подруги, вспоминая её первую влюблённость – нашего одноклассника, сорванца и повесы Итона, её красочный рассказ об их первом сексе и многозначительное утверждение:

– Ты следующая!

Какая следующая?! Я не пользуюсь популярностью у противоположного пола даже несмотря на свой статус “выгодной невесты”. Именно статус, потому что однажды мне довелось услышать собственными ушами настойчивый совет за-

ботливого родителя одного из наших одноклассников при-
смотреться ко мне, потому что я из «правильной семьи». Бы-
ло неприятно, очень. Но ещё более неприятным оказался тот
факт, что одноклассник так и не “присмотрелся”. Я словно
невидимка! Меня никто не видит! Не замечает! Из парней,
я имею в виду.

– Его зовут Эштон, – признаюсь внезапно, неожиданно
для самой себя. – Не влюбилась, конечно, но ... он мне нра-
вится. И бесит немного! – улыбаюсь.

– С этого всё и начинается! – заявляет подруга с видом
опытной и выдавшей виды взрослой женщины. – Кто он?

– Мой брат, – отвечаю и только в этот момент понимаю,
насколько извращённо заучит моё признание. – Ну, техни-
чески мы не связаны общими генами, но номинально он –
часть нашей семьи.

Кейси вопросительно выгибает бровь, и я поясняю:

– Он сын Алекса.

– Да ладно! Ты шутишь?! – у Кейси расширяются глаза,
она с трудом скрывает своё перевозбуждение по поводу до-
веренного мной признания.

– Нет, не шучу. Он нашёлся ещё в сентябре. Вчера я ви-
дела его второй раз в жизни.

– Невероятно! Твой секси-папочка подкинул вам очеред-
ной сюрприз? Потрясающая семейка! Прямо мексиканский
сериал!

– На себя посмотри! Дочь тайных любовников! – огрыза-

юсь.

Кейси снисходительно улыбается и, выждав немного, пока свирепость поднявшейся во мне бури поутихнет, совершает первый шаг к примирению:

– Какой он?

И я уверенно, ни на секунду не задумываясь, отвечаю:

– Красивый!

Домой возвращаюсь поздно, после тренировки в бассейне и урока музыки у меня сил нет даже просто думать. Но Эштон упорно продолжает о себе напоминать:

– Ну как так можно, я не понимаю, зачем же руки распускать?! – возмущается мама.

– Я бы тоже ему вмазал, – отзывается что-то жующий Алекс.

– Ты?!

– Я!

– Да ты мухи не обидишь!

– А ты принимаешь желаемое за действительное!

– Ты же всегда был против насилия!

– Я и сейчас против, но в мужском мире есть вопросы, которые решаются только этим способом и никаким другим.

– Конфликты нужно решать словами! – не сдаётся мама.

– Лер, парень назвал его девочку шлюхой!

Виснет пауза, я вхожу, и мама вздыхает:

– Ну, не знаю!

– Что произошло? – спрашиваю.

Алекс многозначительно поднимает брови, мол “очередная пустая катастрофа”.

– Эштон подрался прямо в Университете, и я не знаю теперь, как защитить его. Вопрос стоит об отчислении!

– Мамочка просто слишком сильно беспокоится об обыденных вещах! – Алекс подходит к матери и, обнимая, целует её в висок.

– О каких обыденных?! Как по-твоему мне завтра объяснять ректору, почему мой мальчик разбил нос сыну судьи?

– Ну, во-первых, Эштон тоже пострадал, а во-вторых, – в этот момент Алекс ворует у мамы из миски котлету, – у него есть смягчающие обстоятельства.

– Подожди, пока сядем за стол, – журит его мама, уже улыбаясь.

– Я с утра ничего не ел! Голодный как волк!

– Почему не пообедал?! Это ещё что за новости?

– Я думал, мы вместе с тобой съездим в ресторан после твоих лекций, как обычно ждал, пока ты освободишься и позвонишь!

– Горе ты мое голодное! – мама с виноватым видом обнимает Алекса за талию. – Я совершенно замоталась с Эштоном! Возила его в клинику и не зря! Парню два шва над бровью наложили и обнаружили сотрясение! Представляешь? Ужас какой!

– У настоящего мужчины сотрясения – это боевые крещения! Без них никак, Солнышко! Вспомни, Алёша сколь-

ко дрался! А у меня этих сотрясений... я вообще со счёта сбился!

– Алёша дрался в школе, а не в Институте! Слушай, а ты мне не говорил, что тебя так часто били!

– Меня били, и я тоже не отставал. Говорю же, в мужском взрослении без этого никак! Так что перестань нервничать! Не забывай, что ваш ректор – мой давний знакомый, не отчислят твоего Эштона, не переживай ты так!

– Не моего, а нашего!

– Окей, нашего, – покорно соглашается Алекс, подмигивая мне.– Соняш, ты чего обниматься-то не подходишь? Я жду уже, жду!

А я в яме. У меня боль разочарования. Щемящая душу горечь и тоска. Кто-то из них произнёс жуткие слова: “его девочку”... И эти невинные слова застряли у меня в горле колючим комом. Значит, у Эштона есть девушка...

Глава 5. Когда ребёнок болеет...

Утро следующего дня начинается для меня сообщением от Эштона:

“Привет. Извини, сегодня и завтра не смогу прийти. Немного занят. К понедельнику, думаю, освобожусь”.

Я даже не сразу поняла, о чём речь. И лишь минут пятнадцать спустя до меня дошло, что я сама просила Эштона прийти в наш дом снова в ближайшее время, чтобы закончить то дело, которое так и осталось неоконченным.

“Ок” – отправляю ответ, и в этом одиноком слове из двух букв заключена вся моя горечь по поводу его девушки...

Однако обязательность Эштона меня удивила. Похоже, он, как и Алекс, не раздаёт пустых обещаний. У парня учёба, девушка, друзья, но, несмотря на это, он помнит об обещании, данном занудной и неинтересной сестре в постылом для него доме. Именно постылом, потому что всякий раз, как он сюда попадает, весь его вид вопит о желании поскорее убраться восвояси. «Почему?» – у меня возникает вопрос. Ведь абсолютно все мы настроены дружелюбно, и даже Алекс старается изо всех сил увидеть в чужом человеке родного, своего ребёнка, своего сына.

В понедельник утром получаю другое сообщение от почти таинственного и порядком странного брата:

“Прости, сегодня снова не смогу. Мне нужно ещё пару

дней”.

Решаю, что он не явится вовсе и, похоже, не собирался изначально. “И ни разу ты не человек слова!” – думаю разочарованно. Очень разочарованно. И у меня для разочарованной уже целых две причины: его девушка – номер раз; мои обманутые ожидания – номер два. Но, конечно, если бы не девушка, причина номер два не имела бы особого значения и, может быть, я даже нашла бы массу оправданий в моей находчивой голове...

В понедельник у меня после школы только один урок испанского, но моя преподаватель его отменяет, сославшись на плохое самочувствие, что совершенно точно враньё и, скорее всего, она попросту ещё не купила все подарки к Рождеству. Освободившись раньше обычного, я решаю отправиться к матери на работу, что делаю не так часто, но очень люблю: всякий раз, заходя в переполненную студентами аудиторию, я испытываю гигантских размеров гордость! Да-да! Это моя мама стоит вон там на подиуме у своего профессорского стола! Это моя мама, такая строгая и элегантная, знающая решение любой сложной задачи, подойдёт вечером поцеловать меня перед сном! Вам она ставит отметки, а мне лепит сэндвичи по утрам!

Но в тот раз, конечно, мне было не до гордости и почитания матери. Само собой, я рассчитывала увидеть Эштона.

При виде меня мама едва не подпрыгнула от счастья и даже чмокнула в щёчку, что для неё верх ласковости:

– Сонечка! Какая ты молодец, что заскочила ко мне! Я сегодня чего-то в депресняке каком-то.

– Почему?

– Сама не знаю, но настроение на нуле. Сплошные проблемы.

– Что случилось?

– Ничего особенно страшного, Слава Богу, по мелочи в основном. Команда Лурдес проиграла соревнования, почетное последнее место заняли; Лёша поссорился со своей барышней, переживает и не хочет приходить на Рождество, говорит, все будут опять прикалываться.

– Все – это я?

– Ну а кто? Сколько раз я просила тебя не трогать его?

– А я его не трогаю, мам!

– Ну, хорошо, не его, а эту тему!

Под “темой” подразумевается склонность брата к слишком частой смене подруг. Я об этом шучу обычно, не выбирая выражений. Его это бесит, а мне нравится, как он бесится.

– Ну ладно тебе, мам! Это ж просто юмор, а он, как известно, продлевает жизнь!

– Кому продлевает? Мне эти ваши ссоры уже в печенку въелись!

– Ну какие ссоры, мам! Ладно, всё! Слова не скажу про твоего Лёшу, раз он такой нежный!

– Да ладно, все это мелочи жизни. Эштон сегодня на заня-

тия не пришёл, это уже серьёзный повод для переживаний.

– Да тоже, поди, у девицы своей застрял! – буквально выплёвываю свою внутреннюю горечь по этому поводу.

Мама бросает на меня осуждающий взгляд:

– Я звонила ему, он сказал, что приболел.

– Врёт! Скорее, перебрал!

– Не думаю. У него голос был охрипший.

– Наивная ты, мам! Я могу изобразить тебе голос умирающего, если хочешь. Вот смотри: *Валерия Витальевна, мне очень жаль, но сегодня я не могу появиться на занятиях – намертво придавлен к кровати длинноногой блондинкой!* – хриплю. – Ой, простите, я хотел сказать, у меня грипп и жар!

– Смешно, – лицо у матери невозмутимо. – Смотрю, ты с брата уже переключилась на Эштона?

– С брата на другого брата, вернее будет сказать! – сообщаю довольно.

– Да какой он тебе брат! Не смей меня! Я же вижу, как ты на него смотришь!

– Ещё чего! Ты что, мам! На фига он мне сдался? Он же пришибленный какой-то!

– Вот поэтому не смей его трогать! Не сладко ему пришлось, видно. Мать сама его растила, мужчины никогда в доме не было. Да и не знаешь ты, что такое нужда, дочь! И не дай Бог узнать!

– А ты знаешь?

– Нужды не знала, но тяжело было очень, когда Алёша

родился. Денег на памперсы не было, дошло до того, что я подгузники ему из марли делала, а потом стирала их.

– Ты никогда не рассказывала мне об этом, – внезапно мне становится стыдно.

– Теперь вот рассказываю. Но голодными мы никогда не были, а у Эштона, похоже, и это было.

– Да ладно! А ты откуда знаешь?

– От верблюда!

– Ну, мам!

– Не для твоих ушей эта информация. Я сейчас к нему поеду, это недалеко, прямо рядом с Институтом. Пойдёшь со мной? Или подождёшь в машине?

– С тобой, конечно! Вдруг он там помирает, может, помогу тебе его реанимировать!

– Дочь! Иногда мне хочется подрезать тебе язычок! И если бы не Алекс...

Для моей матери слово «болезнь» имеет действительно совсем не тот смысл, какой обычные люди в него вкладывают. У неё любая болезнь всегда подразумевает “смертельную” болезнь. И на эту тему я тоже много и дерзко шутила, пока Алекс не рассказал мне, что они прошли с мамой, когда он болел раком, когда у мамы отказывали почки, когда няня нанесла ей четыре ножевые раны, убив моего нерождённого брата и почти убив мою маму. Теперь мне больше не до шуток.

Эштон открывает нам дверь, будучи в когда-то белой, те-

перь уже неясного цвета майке, измятой и влажной и серых домашних штанах. Щёки у него алеют румянцем, каштановая длинная чёлка выдаёт недавнее намерение хозяина привести себя в порядок, но расчёсанной не выглядит. Если бы не мама рядом, я бы смутилась и сбежала, потому что молодые люди, наверняка, именно так и выглядят, когда их отрывают от занятия сексом.

Но Эштон, увидев мою мать в дверном проёме, сияет искренней улыбкой, а когда она приобнимает его, приветствуя, с чувством кидается обниматься в ответ. Решаю, что оторвали мы его совершенно точно не от секса. Может быть, от спорта?

Увидев меня, Эштон как будто расстроился, и я тут же почувствовала себя назойливой мухой, доставшей человека своими ёлками и гирляндами.

– Привет, проходи! – коротко, но по шкале Эштона очень тепло предлагает мне хозяин.

– Спасибо, – отвечаю.

Только в гостиной, залитой дневным светом, обнаруживаю на скуле Эштона огромный такой жёлто-зелёный заживающий синяк, небольшую ранку над бровью с запёкшейся кровью, стянутую двумя аккуратными стежками и прозрачным пластырем.

– Что это у тебя? – восклицаю, совершенно забыв о том, что Эштон же у нас герой, отстоявший честь своей дамы в неравном бою.

– Да так, – отвечает, улыбаясь. – Хэд-шот один пропустил. По глупости. Отвлёкся немного.

– Ты заканчивай, пожалуйста, с хэд-шотами, дорогой друг! – вмешивается в нашу беседу мама.

– Уже закончил, мы же договорились! – отвечает Эштон, заглядывая матери в глаза. И в этом взгляде столько тепла!

“Это ненормально”, – думаю. По всем законам человеческих взаимоотношений, чувств и эмоций он должен её ненавидеть! Ну, или хотя бы испытывать неприязнь! И даже не важно, как именно преподнесла историю своей давней любви его мать, моя занимает рядом с Алексом место, которое с высокой долей вероятности могло бы стать её местом. А Эштон мог бы иметь полную семью...

Квартира у Эштона небольшая, но просторная, сквозь высокие панорамные окна виднеются корпуса маминого Университета. Мебели совсем немного, она простая, но современная. Повсюду идеальная чистота, и я с улыбкой замечаю развешанные в стенном шкафу, словно по линейке, футболки, батники, джинсы – это так похоже на Алекса! Своей оголтелой любовью к чистоте и порядку он частенько прессует Лурдес, но это бесполезно – моя сестра как разбрасывала вещи в младенческом возрасте, так и продолжает делать это до сих пор: трусы, школьные тетради и фломастеры мирно соседствуют по углам, на стуле, столе, кровати и под ней в её комнате. Алекс не может спокойно на это смотреть, и каждый раз принимается раскладывать вещи по местам, бурча

своё извечное “ну как же так можно!”, а Лурдес с каждым годом все жёстче пеняет ему за вторжение в её “личное пространство”.

У Эштона Алекс совершенно точно чувствовал бы себя в полнейшем комфорте. У одной из стен обнаруживаю кучу нераспечатанных коробок, и, судя по размерам, это домашняя техника. Мама тоже их замечает:

– Эштон! Ты до сих пор не распаковал коробки? – в её тоне удивление, граничащее с возмущением.

– Ну... просто, мне не нужно это всё, как я и говорил в прошлый раз.

Только теперь я слышу, насколько в действительности осипший голос у Эштона. Он и в самом деле сильно простужен.

– Ты и карточками не пользуешься!

– Не могу.

– Понимаю. Себя помню – так же тяжело было решиться. Только мне он дядька чужой был, а тебе отец родной. Он любит тебя, уже любит, понимаешь?

Эштон утвердительно кивает, но взгляд отводит в сторону.

– Позволь ему заботиться о тебе! В этом нет ничего унижительного, и никто, конечно же, не делает тебе никаких одолжений. Ты сын, он отец, и присматривать за тобой, обеспечивать всем, чем нужно – его долг! Я уже говорила тебе и повторяю: он не знал, что на планете существуешь ты, а если

бы знал, поверь, его жизнь сложилась бы по-другому! Нет ничего важнее семьи и детей для него! Уж поверь мне!

– Сложилась бы как? – неожиданно отзывается Эштон. – Он женился бы на моей матери?

– Эштон! Женился бы – в этом нет никаких сомнений! И не представляешь даже, как был бы счастлив. Как раз в то время он и твердил мне без конца о семье и детях, все уши прожужжал!

У Эштона вытягивается лицо, а я почти не дышу – похоже, обо мне забыли... Таких откровений от матери на моей памяти нет ни одного!

– А Вы?

– А я была бы замужем за своим первым мужем, и каждый тихо и мирно шёл бы своей дорогой. Он не бросал тебя, не думай. Твой отец – самый порядочный человек и заботливый родитель из всех, кого я когда-либо знала!

– Он был бы несчастлив...

Эта фраза была сказана настолько тихо, практически шёпотом, что у меня душа замерла. Кажется, Эштон уже понял то, что у моей матери ушло больше пятнадцати лет.

Мама подходит к окну, некоторое время задумчиво смотрит на свой Университет, затем также тихо отвечает:

– Никто из нас понятия не имеет о том, какую жизнь он мог бы прожить, сложись всё иначе. По крайней мере, я однозначно была бы уверена, что у меня всё отлично, и я на пределе счастья.

Затем она резко разворачивается и смело направляется в другую комнату, Эштон тут же устремляется за ней. А я совершенно точно ощущаю себя лишней. Иду за ними, чтобы хотя бы не чувствовать себя душой, в конце концов, один из этих двоих игнорирующих меня людей – моя мать!

В комнате оказалась спальня: почти белый пушистый ковёр на полу и прямо поверх него безо всякой рамы огромный матрас. Больше ничего.

Эштон поспешно кидается собирать с пола аккуратно разложенные книги, тетради и листки обычной офисной бумаги, исписанной формулами и расчетами, схемами.

Мама, нахмурившись, держит один из них в руках, долго читая.

– Эштон... – внезапно зовёт его. – Подумай о матрице. Твоя мысль пошла не тем путём.

– Хорошо, спасибо.

Мама отдаёт ему исписанный не «тем путём» лист и быстро кладёт свою руку Эштону на лоб.

– Ребёнок! Ты весь горишь! Термометр есть? – внезапно восклицает.

– Нет...

– Так я и думала! Как ты лечишься?

Эштон с улыбкой пожимает плечами.

– Ты сейчас чем занят был?

Эштон протяжно вздыхает, обдумывая, по всей видимости, свой ответ, но сделать это как следует не успевает:

– Только не говори мне, пожалуйста, что ты с температурой, весь охрипший, решаешь мою контрольную!!!

– Вы ведь сказали до вторника всем сдать, иначе незачёт!

– Но не в том случае, если студент заболел, Эштон! Ты как маленький, ей Богу! Я что? Изверг, по-твоему?!

Эштон снова вздыхает, а я, пользуясь возможностью, спешу напомнить о своём существовании:

– Мамочка, ты, конечно же, лапушка у нас дома, но на своём подиуме в Институте выглядишь довольно таки грозно!

– Да ты даже не представляешь себе, дочь, чего мне стоит порой заставить этих обалдуев учиться!

Затем безапелляционно заявляет Эштону:

– Так, всё, дорогой мой, собирайся, ты едешь к нам – будешь жить в гостевой комнате до полного выздоровления! И вообще, давно пора завести тебе собственную комнату у отца в доме. Соня, дочь, помоги мне собрать для Эштона вещи.

– Не нужно! Я сам! – как-то нервно восклицает больной.

– Ладно. Давай сам, только быстро. Сонь, пойдём глянем, что у него на кухне.

А на кухне совершенно пустой холодильник и на полке в шкафу одинокая пачка макарон соседствует с не менее одинокой пачкой чая.

– Так я и знала! – раздражённо замечает мама. – Ведь говорила же: проверь, как ребёнок живёт! Так нет же! “Он взрослый, я не имею права к нему соваться!”

– Если ты про папу, то он прав, я считаю... – возражаю

несмело.

– Папа он для Эштона, а для тебя Алекс! – успевает нервно высказать мама, но тут же осекается, осознав, по-видимому, свою ошибку.

– И мне тоже он папа! – огрызаюсь, едва сдерживая слёзы. Какая разница, чья кровь в моих венах? Алекс и мой папа тоже!

История Валерии и Алекса в книгах «Моногамия» и «Моногамист»

Глава 6. Притяжение

По дороге домой Эштону стало явно хуже, он без конца кашлял и шмыгал носом, хоть и старался скрыть своё плачевное состояние усердным копанием в телефоне. Но наш неторопливый паром доконал бедолагу окончательно: Эштон запрокинул голову на спинку заднего сидения и прикрыл глаза. В момент, когда он положил ладонь на лоб, словно стремясь придержать свою собственную голову, меня начали мучить угрызения совести за все содеянные грехи: за то, что на пляже позволила снять и отдать батник мне, что он вообще полураздетым развешивал гирлянды в течение двух часов до этого.

Я и подумать не могла, что такие высокие и крепкие парни, как Эштон, в принципе могут болеть! Да глядя на один только размах его плеч, возникает уверенность, что никакая бактерия не осмелится напасть на этот образчик мужской породы! На самом же деле, больше всего стыдно было за то, что так плохо думала о нём все последние дни, неловко стало даже за все отпущенные в адрес брата шутки.

А потом в моей голове случилась мысль:

«Его девушка наверняка не допустила бы ситуации, в которой Эштон мог бы простудиться и заболеть! Она заботится о нем так же, как моя мать всю жизнь печётся об Алексе, любит его, и именно поэтому он и выбрал её...». От этих дум

мне делается так печально и скверно на душе, что я чувствую себя чужой и ненужной.

Весь вечер мама колдует над Эштоном, и мне не до ревности – ближе к полуночи парню становится совсем плохо.

Мы с Алексом пьём чай, сидя на кухне, оба не решаемся лечь, пока мама возится с Эштоном. Внезапно она буквально слетает с лестницы:

– Алекс, я не могу сбить ему температуру: капсулы хватает на час максимум, а потом она снова поднимается!

– Ты Тони звонила?

– Да. Он сказал, это не пневмония – за такой короткий срок она не развивается. Приказал делать растирания, но мне как-то не с руки – парень же.

– Я разотру его, приготовь только воду, ладно?

– Хорошо, сейчас сделаю.

Мама бросается искать в шкафах подходящую ёмкость, и я замечаю, что у неё дрожат руки. Алекс, очевидно, тоже это замечает, потому что резко останавливает её, обнимает и тихонько говорит:

– Ты только не паникуй, ладно? Справимся! Всегда справлялись!

– У меня ещё не было такого, чтоб жар невозможно было сбить! Понимаешь?

– Ты просто не очень хорошо помнишь, Солнышко!

– Если ты о себе, то у тебя совсем другая ситуация была!

– Именно! А у него просто грипп, наш знаменитый “флу”,

и мы его вылечим обязательно, только не нужно переживать и нервничать, ладно?

Алекс нежно целует маму в нос, потом в губы, не слишком усердно, потому что я рядом, и он об этом помнит. Она смотрится такой хрупкой в его руках, настолько ниже и уязвимее, что у меня начинает щемить в сердце: как же хочется, чтобы и у меня был мужчина, в котором можно спрятаться от всех бед, чтобы он также нежно утешал меня и целовал в нос... Ну вот почему везёт всем кроме меня? Маме повезло, девушке Эштона тоже остаётся только завидовать, только я никому ненужная синеглазая Соня, которая лучше всех пишет эссе! Да-да, именно так! Школьные парни приглашают меня только лишь помочь им с уроками и точка.

Алекс без конца твердит, что я самая красивая и умная девушка на планете Земля, тогда почему другие парни этого не видят? Эштон, например? Может, они слепые? В последнее время я всё больше начинаю сомневаться в том, что Алекс говорит мне правду.

Полночи не могу уснуть, не помогла даже “Королева Марго” – моё персональное сильнодействующее снотворное: обычно стоит открыть её, и пары страниц не прочтёшь – тут же в сон клонит. Лежу, разглядывая на потолке узоры пятен света и теней от голых ветвей деревьев из сада, и думаю свои думы. И все они, конечно же, об Эштоне.

И в этих моих думах мы сперва долго держимся за руки, обнимаемся, Эштон целует меня в нос, а потом всё торже-

ственно завершается киношным поцелуем в губы. Сразу после этого я иду под руку со своим красавчиком бойфрендом по школе, все смотрят на нас, девчонки и даже учителя женского пола завидуют мне, а парни сокрушаются, что упустили такой бриллиант в виде меня. Ну, вовремя не заметили, что он одинок и требует оправы. Многие так сильно жалеют, что не пригласили меня на свидание первыми, что даже кусают до крови губы и разбивают костяшки о розовые стены нашего школьного коридора.

Где-то на моменте отвисания челюсти у Бахары, моего главного врага – дочери иранского бизнесмена, не менее удачливого, чем Алекс, я просыпаюсь и обнаруживаю на часах половину четвёртого ночи. Тут же вспоминаю о болезни Эштона и искренне начинаю вся чесаться от переживаний – как он там? Вдруг родители всё же решили вызвать скорую и моего братца увезли в госпиталь? А может, он там совсем один в своей комнате для гостей, и некому о нем позаботиться?

Решаюсь проверить.

Комната Эштона не менее просторная, чем моя собственная, вся залита лунным светом, свободно проникающим через стеклянную стену. Для ноября луна ночью – это такая редкость в наших краях!

Прямо у широкой кровати, где тихо спит Эштон, стоит кресло, а в нём дремлет, облокотившись на руку, Алекс.

Я подхожу к ним так тихо, как только могу, но отец тут

же открывает глаза. Увидев меня, он улыбается и тихонько говорит:

– Ему уже лучше, температура давно спала, не переживай, Соняш!

– Тогда почему ты не ложишься? – шепчу в ответ. – Тебе через час вставать!

– Мама настояла, чтобы я завтра отменил свои дела и остался дома. Ну, ты её знаешь, – тихонько смеётся. – Но я, конечно, все равно на работу поеду, просто позже. А сейчас, правда, пойду тоже лягу.

Я рассматриваю Эштона: он раздет по пояс и укрыт влажной на вид простыней.

– А чего он мокрый-то такой? – спрашиваю.

Отец молча трогает постель, затем аккуратно лоб Эштона:

– Похоже, это он так сильно вспотел, когда температура падать начала. Ты тихонько его разбуди, а я пойду принесу ему смену белья и майку какую-нибудь свою.

– Ладно, – соглашаюсь.

Алекс уходит, а я долго не решаюсь будить больного. Кладу ладонь на его лоб так же, как делал до этого отец, и нахожу его не то, что не горячим, а буквально ледяным! “Наверное, мама переборщила с таблетками, как всегда” – проносится мысль. А за ней другая: “Почему это так странно бьется моё сердце, когда я касаюсь его?”

Эштон спит как убитый. Отец приносит бельё:

– Ещё не разбудила?

– Да он спит как лошадь! – деланно хмурюсь.

– Молодой организм! – отвечает Алекс с улыбкой. – В этом возрасте все парни хорошо спят и не страдают отсутствием аппетита!

– Эштон точно страдает! Смотри, какой худой!

Мы оба фиксируем свои взгляды на голой грудной клетке Эштона, которая ни разу не выглядит худой, а наоборот настолько широкой и сексуальной, что мне резко становится неловко.

– Да ничего он не худой! – уверенно возражает отец. – Я в его возрасте таким же был!

– Но он за столом почти ничего не ест, и дома у него еды вообще не было. У него явно проблемы с аппетитом, точно тебе говорю!

– Это у него наследственное, – Алекс закатывает глаза. – И ни разу не смертельное, раз уж это тело (тут он показывает на себя) ещё не умерло от истощения, – смеётся.

– Пап...

– Да, Соняш, спрашивай, ничего не бойся.

– Если б тебе было сейчас восемнадцать, ты бы выбрал меня?

Отец смотрит на меня некоторое время изучающе, затем уверенно отвечает:

– Ну, фактически я тебя и выбрал в своей реальной жизни, и мне как раз было восемнадцать лет, а твоей маме шестнадцать.

– Я не про маму! Она всем нравится! Я про себя! Ты бы заинтересовался такой девочкой как я? Когда был... молодым организмом?

Алекс долго смотрит в потолок, соображая.

– Ты про секс? – внезапно спрашивает.

Я тут же краснею, хотя все беседы о сексе и предохранении со мной только Алекс и проводит, и ни разу не мама.

– Я думаю, что секс – это неотъемлемая часть того интереса, о котором я говорю. Короче, ты бы в меня влюбился? Если бы тебе было сейчас восемнадцать?

– Однозначно влюбился бы. Но видишь ли, какая штука: в восемнадцать лет парни, даже если и влюбляются в одну, секса хотят с многими. С разными. И часто. Намного чаще, чем ты можешь себе представить.

Шок на моем лице так очевиден, что Алекс тут же добавляет:

– Но это проходит годам примерно... к двадцати пяти! Плюс-минус пару лет.

– Как же жить тогда? – спрашиваю, присаживаясь на постель Эштона. – Столько ждать! Это слишком долго!

Кажется, у меня даже сползла слеза по щеке.

– А ты не жди! Просто живи и радуйся каждому новому дню! – отвечает отец, обнимая меня. – Ладно, пойду у мамы спрошу, чего делать-то с ним... Она всё равно не спит.

Leona Lewis – Run

Сижу на постели Эштона и разглядываю его. Бесстыдно

так разглядываю. Мне нравятся его плечи, руки, грудь – всё такое мужское уже... Не мощное, как у отца, а просто мужское. Местами нежное и утончённое, как шея, например, или его опущенные веки с длинными тёмными ресницами. Или губы... те самые, которые целовали меня во сне. И они были такими же нежными и любящими, как у Алекса...

Опускаюсь рядом с Эштоном на живот и лежу в неприличной близости от его лица, изучая каждую его черту, изгиб, линию. Он забавный! Так смешно сопит во сне своим простуженным носом, иногда шевелит губами. А губы у Эштона точь в точь как у Алекса – тот же контур и полнота, и верхняя чуть вздернута кверху. Внезапно он улыбается, и я обнаруживаю ещё один подарок отцовских генов – маленькую ямочку в носогубной складке и только с левой стороны... Стоп, или для него это правая?

Не знаю, как вообще такое безрассудство могло случиться с моей стороны, но я, ведомая каким-то древним инстинктом, тянусь ещё немного губами и касаюсь ими той самой, влекущей ямочки. Эштон тут же открывает глаза, его взгляд неосознанно скользит по моему лицу, затем гаснет, скрывшись под веками с девчачьими ресницами. Я буквально выдыхаю своё облегчение, но глаза Эштона тут же снова распахиваются, он смотрит некоторое время в мои, затем шёпотом спрашивает:

– Ты что делаешь?

Я тут же выпучиваю по-детски глаза:

– Проверяю, не помер ли ты!

– Что-о-о? – тянет уже в голос, видно спросонья туго соображает.

– Я говорю, что беспокоюсь, не отчалил ли ты в мир иной!

– А ... почему ты в моей комнате?

– Ну, Эштон, ну что ты как маленький, вот ей Богу! Я ж переживаю! Переживательная я очень, понимаешь? – уверенно встаю с его постели и спокойно разваливаюсь в кресле.

– Спать не могла, всё переживала! Дай, думаю, проверю, как там Эштон? Может, он водички попить захотел, а принести некому! Захожу, а тут бледное бездыханное тело, вот я и испугалась, что ты того... Ну, сам понимаешь! Решила дыхание твоё проверить. Но ты не думай, до реанимационных мероприятий дело бы не дошло, нас хоть и обучали в школе, я ни черта не помню, кроме шуточек своих одноклассников. Им, знаешь ли, только дай искусственное дыхание подделать!

Эштон поднимается и садится на постели, простынь с пледом сползают ниже, открывая моему взору его совсем уже не юношеский живот:

– Ты смешная! – заявляет.

А я млею, разглядывая его оголенный торс. Не то слово млею, кажется, мои леди-органы задумали что-то нехорошее. Не то, чтоб я не видела мужчин в плавках, этого добра хватает и в бассейне, и на пляже, да что далеко ходить, летом что Алекс, что Лёша – оба без маек по дому расхаживают, хорошо ещё если в шортах, а то Лёшка может и за стол

в плавках усесться. Но при виде полуоголённого, бледного, больного Эштона у меня впервые в жизни появляется странное ощущение в животе... Кажется, именно это и называют бабочками!

– А у тебя девчачьи ресницы! – сама не поняла, почему и зачем сообщила ему об этом, видно от созерцания его голой груди совсем мозги мои отшибло!

Эштон улыбается ещё шире:

– Я знаю. Ты не первая, кто говорит мне это.

Бабочки разом сдохли.

– О, Эштон, ты проснулся уже?! Очень хорошо, вставай-ка белье твоё поменяем, ой, и впрямь всё мокрое...

Мама, как всегда, вовремя. Заспанная, в пижамном одеянии, слегка растрепанная и пахнувшая кремом для лица. С детства обожаю этот запах – запах мамы. Эштон, похоже, тоже от него тащится, судя по выражению его лица. Встаёт, заматавшись в простыню, и с ангельской улыбочкой строит из себя пай-мальчика:

– Не нужно, Лера, я сам всё поменяю, спасибо!

– Ещё не хватало, чтобы ты больной и с температурой бельё менял!

– Уже всё в порядке, больше нет температуры!

Мама тут же кладёт на его лоб свою ладонь:

– И впрямь нету! Перегорел ты, видно, за ночь. Но горел хорошо, перепугал меня насмерть!

А Эштон блаженно прикрывает глаза... и мне это не нра-

вится! Эй! Это моя мама!

Глава 7. Клик-клик

ZAYN – Dusk Till Dawn ft. Sia

Утром мама как ошпаренная носится по кухне – опять опаздывает.

– Mam, у тебя же по вторникам вроде нет занятий! – тяну сонно.

– Пора экзаменов началась, дочь! Не долго тебе расслабляться осталось – скоро узнаешь, что это такое! Правда, Эштон?

Эштон в отцовской футболке и его же батнике с надписью GAP посередине мирно восседает на мамином любимом месте – кофейном диванчике у самой стеклянной стены. Кофейном не потому, что дизайнер задумал его цветом кофе с молоком, а потому, что мама любит в этом месте пить кофе и проверять свои контрольные. На самом деле, там два кофейных дивана, стоящих друг напротив друга, а между ними уютный деревянный стол. Это особенное место – место для двоих. Для мамы и Алекса. Если вдруг проснуться пораньше, то можно застать их ежедневную идиллию, ставшую традицией: каждое утро они проводят вместе и наедине 30 минут. Пьют кофе, обсуждают планы на день, иногда как дети держатся за руки, но чаще просто целуются. Мы долго ждали момента, когда же им надоест, но так и не дождались. Похоже, они собираются целоваться до самой смерти!

Фокус в том, что кофейные диваны как-то сами собой, по умолчанию, стали неприкасаемыми для всех остальных домочадцев. Абсолютно все почувствовали энергию этого места, места только для двоих.

И вот Эштон... Сидит себе, как ни в чём не бывало, на мамином месте. Сажусь напротив него на диванчик Алекса.

– Доброе утро!

– Привет.

– Как самочувствие?

– Уже лучше, спасибо.

Тут замечаю в глазах больного тень подозрительной иронии. Эштон любит наш вид на залив, жуёт свой блинчик с вишней – мамино фирменное блюдо, и едва заметно улыбается.

– У вас красивый дом и в очень живописном месте. Наверное, лучший из всех, что я видел, внезапно сообщает.

Мама тут же отвлекается, останавливается на несколько мгновений, на лице её озабоченность сменяется мечтательной улыбкой:

– Дом... да, дом у нас замечательный. Твой отец построил его, когда был совсем юным. Двадцать пять ему было. Он хотел, чтобы здесь поселилась его семья, росли его дети... так и вышло, в итоге!

– Вообще-то, ему было двадцать шесть, и этот дом он построил лично для мамы, хотел сделать ей подарок, но она не пожелала даже взглянуть на него.

Эштон напрягается, лицо его выражает крайнее удивление и странный испуг.

– Ой, ну всё! Я в университет опаздываю, – мама срывается в сторону гаража, а я чувствую себя виноватой!

– Мамуль, прости! Ну, прости, пожалуйста! У тебя были очень веские причины, я знаю! – кричу ей вслед.

Догоняю её уже практически у двери в гараж, и с ужасом замечаю, что она плачет.

– Мам, ну что ты, прости меня, дурочку! – обнимаю её и начинаю слезоточить сама.

– Всё в порядке, Сонь, ты тут не причём. Мои ошибки, мои боли.

– Алекс сказал, что если бы не твои ошибки, не было бы меня. Так что с моей колокольни ты всё делала правильно!

– Конечно, правильно, дочь. Слушай, а ты почему в школу не собираешься?

– Мамуль, можно я останусь сегодня? В школе сейчас перед праздниками одна фигня, я от скуки с ума там схожу. Может, лучше мне дома побыть? За Эштоном присмотреть? Вдруг он разболеется снова? А я ему таблетку от температуры дам!

Мама улыбается, часто моргая ресницами, чтобы от слёз тушь не потекла.

– Ясно всё с тобой. Ладно, оставайся, только будь умницей! Я Лёшку в девятнадцать родила, ты даже не представляешь себе, насколько рано это было! Чуть не померла от

напряжения! Помни об этом!

– Ну, мам, ну ты что?! Ты что такое говоришь! Я что, совсем, по-твоему, того! Без мозгов?

– А мозги тут ни при чём – не они в этом деле всё решают, и я тому прямой пример. При всём уме разума не хватило!

– Не переживай, папа провёл полный ликбез, включая методы и методики предохранения. Но ты работай спокойно, мне они не понадобятся, по крайней мере, сегодня точно!

Мама улыбается, нежно целует в щёку:

– Ты умница у меня!

Эштон задумчив и неподвижен всё в той же позе у окна на мамином кофейном диванчике.

– Ты знаешь, как называется место, на котором ты сидишь?

– Как? – спрашивает, не поворачивая головы.

– Кофейные диваны Леры и Алекса. Они тут пьют кофе и воркуются.

– Что делают?

– Воркуются. Ну знаешь, как голуби, клювиками. Это их место, мы сюда никогда не садимся.

– Понял.

– Кофе будешь?

– Да, пожалуйста.

– Тебе с сахаром и молоком?

– Если можно, без, пожалуйста.

– Ты всегда такой вежливый?

Эштон ухмыляется, и эта ухмылка постепенно перерастает в широченную улыбку, и... я таю.

Этот парень просто бог красоты какой-то, когда улыбается! Сердце в моей груди скачет так шустро, что я роняю кофейник на пол, он разбивается вдребезги, раскидав стекло по всей кухне. Не успеваю опомниться, как Эштон уже возле меня, быстро хватая за руку, оттаскивает в сторону и начинает собирать стекло.

– Ты чего?! – удивлённо восклицаю. – Ты же больной! Я сама сейчас уберу!

– Ты такая неуклюжая, ещё порежешься!

Anthony Greninger – Dreamer [Inspirational Piano]

Его глаза, сощуренные улыбкой, мне показалось, залили светом и теплом всю кухню, столовую, гостиную, его спальню, мою спальню, весь наш дом. Я чётко услышала своё сознание, оно громко, уверенно объявило мне: хочу смотреть в эти шоколадные глаза вечно!

Солнце, словно почувствовав оттепель между нами, в одно небольшое мгновение выползло из-за серости, скрывавшей от нас его свет, и затопило своим утренним золотом весь наш дом. Мы оба, не сговариваясь, словно зачарованные, повернули свои головы в сторону панорамных окон, и, не издавая ни звука, боясь спугнуть волшебство момента, стали смотреть на залив.

– Боже, как красиво! – тихо говорит Эштон.

– Да... – согласно тяну я, также едва слышно.

Солнечный диск, непривычно яркий, потому что ноябрь – самый пасмурный месяц в штате Вашингтон, нависает над безмятежной гладью залива, изменив его хмурые серые тона на переливы жёлтого и золотого. От этой картины хочется петь, бежать куда-то, гнаться, что-то свершать.

– Наверное, нужно очень сильно любить женщину, чтобы подарить ей такой дом, – задумчиво произносит Эштон, продолжая собирать стекло.

– Наверное.

– Давно они вместе?

– О, это очень запутанная история, местами похожая на сказку, местами на фильм ужасов. Алекс признался мне однажды, что встретил мою мать, когда ему ещё не было восемнадцати, и влюбился с первого взгляда в неё шестнадцатилетнюю. Но был юн, глуп и поэтому потерял её из вида на многие годы, потом долго искал, нашёл, но она уже была замужем за моим отцом, и у них уже даже был Лёшка.

– Я не знал этого...

– А должен был?

– Не в этом смысле... просто... как-то сложилось впечатление, что это не первый брак у них.

– О! Тут ты в самую точку! Они друг на друге только три раза женились, а сколько было ещё всех прочих!

– Три раза?! – Эштон деланно округляет глаза.

– Да. Целых три. Одного им показалось недостаточно. Двух тоже.

– Может, просто любят свадебные церемонии?

– Нервы они потрепать друг другу любят. А церемония была у них только одна.

– Глядя на них, никогда не подумаешь о таком...

– Ну, сейчас у них период выученных уроков, так Алекс говорит. Собственно, то, что ты видишь, нравится и нам всем. Счастливы они – хорошо и нам. А когда все эти разрывы и разводы были... – я умолкаю, потому что щиплет в носу.

RHODES – Morning

Щиплет сильно, потому что память хранит очень многое. То, например, как Алекс женился на Габриель и перестал официально быть моим отцом, как забирал Лурдес к себе, а обо мне забывал, потому что я ... потому что я не настоящая его дочь – так однажды объяснила мне мои права тётя Габи. Потом у них родился общий ребёнок, и Алекс совсем пропал из вида, перестал даже изредка приезжать. Когда я обнаружила у Габи новый живот, и мама сказала, что у Алекса скоро родится ещё один ребёнок, мальчик, я поняла, что больше не увижу его никогда и никогда больше не смогу называть его отцом, он не будет играть со мной и заплетать мне косы колоском. У него такие нежные и мягкие руки, и он всегда рассказывал мне сказки, так что пытка утреннего причёсывания перед школой незаметно превратилась в самую большую за день радость. Он учил меня плавать, кататься на велосипеде, давать мальчишкам в нос за то, что больно дёргают меня

за мои колоски-косички. Он не позволил маме отрезать мне волосы, когда я заразилась вшами, и всю ночь напролёт возился со мной, чтобы избавиться от напасти. Избавил. И волосы сохранил. Он выслушивал все мои боли и обиды и всегда находил самые правильные слова, чтобы утешить меня, поддержать, успокоить. А его объятия... его волшебные объятия исчезли с появлением Габриель. Они все теперь доставались только ей и Аннабель. Потом, спустя ещё несколько лет, когда Алекс снова стал жить с нами, мама не любила его, отворачивалась, когда он входил в комнату, или совсем выходила из неё, не разрешала ему трогать себя, и однажды я увидела, как он плачет, сидя на полу, у маминой постели. Очень горько плачет. Мне хотелось отдать всё, что у меня есть, сделать всё, что потребуют, только бы он не оставлял нас снова.

Я с шумом выдыхаю, чтобы прогнать застрявший в горле ком:

– Короче, плохо было всем, не только им двоим.

Эштон вдруг кладёт свою ладонь поверх моей:

– Всё равно это лучше, чем совсем без отца! Поверь мне! – говорит негромко.

Но мне не нужны слова, этот жест, его тёплые пальцы, занявшие пространство между моими, словно заполнив собой пустоту, поселяют во мне чувство, не похожее ни на одно из тех, какие мне уже довелось испытать. Захотелось повернуться и обнять его, прижаться к сильной груди, смешать наши энергии в одну и заполнить пустоты друг друга.

Katie Melua – Perfect World

После обеда мы решаем приготовить семейный ужин.

– А ты умеешь готовить? – спрашиваю.

– Конечно! Я вырос в Париже, детка! – Эштон подмигивает мне так искусно, что я в самом настоящем шоке. Да я вообще и не знаю этого парня, оказывается!

– И что, прям все рождённые во французской столице умеют готовить изысканные блюда?

– Ну не все, конечно.

Тут он направляет собственный большой палец на себя:

– Только сааамые способные! – и снова улыбка. Почти до ушей.

– А ты, значит, способный? Ну вот, сейчас и проверим!

– На самом деле, – признаётся Эштон, смеясь, – моя мама вечно училась и работала, работала и училась. Я большую часть своего детства был предоставлен сам себе. Нашёл однажды бабулину поваренную книгу, древнюю такую «Секреты кулинарных чудесниц Прованс», и стал экспериментировать. Первые мои шедевры не захотела жрать даже Вэнди!

– Вэнди?

– Собака моя. Ротвейлер.

– Боженьки мои, у тебя была собака!

– Почему была? Она есть.

– А почему ты не взял её с собой?

– Это было слишком сложно и... дорого.

– Подарок?

– Не понял?

– Собаку ты наверняка получил в подарок!

– Ну в каком-то смысле да: подарил сам себе. И не совсем в День Рождения.

– И что же это был за день?

– Великий День Накопления!

– Чего?! Я о таких не слышала!

– Это день, когда необходимая тебе сумма наконец-то накапливается! – торжественно рапортует Эштон.

– Это должно быть какие-то сумасшедшие деньги!

– Да: триста евро. Я копил их два года, одиннадцать месяцев и четыре дня. Когда дело было сделано, я отправился в зоомагазин и обнаружил, что щенки ротвейлеров ... упс, подорожали. Я очень расстроился, так сильно, что даже тронул своим горем хозяина магазина, и тот предложил мне уценённый товар – Вэнди.

– Что с ней было не так?

– Родовая травма – вывих бедра. Точно, как у меня. У меня тоже вывих и тоже с рождения.

– Да ладно!

– Нет, серьёзно. Мне по этой причине и спортом в детстве заниматься нельзя было.

– Слушай, тебя хиленьким ни разу не назовёшь!

Щупаю его бицепсы, и он тут же их напрягает для пушшего эффекта.

– Из тренажёрки небось не вылезает! – подтруниваю над

ним.

– Какая тренажёрка, о чём ты! Иранский овощной магазин – моя тренажёрка, а в качалке я ни разу не был.

У меня шок:

– Какой магазин?

– Слушай, ты знаешь, в Париже не так, как здесь у вас, у нас там всё больше маленькие магазинчики и лавки, как правило, на первом этаже жилых домов. Вот в нашем доме на Монмартре, где мы жили с матерью, ну она и сейчас там же живёт, прямо под домом была и есть такая лавка. Каждое утро в 5:30 они получают товар – двадцать восемь ящичков с продуктами. Видишь, какросло, и в тренажёрку не нужно!

Эштон подмигивает мне, а я пытаюсь собрать в кучу разбежавшиеся во все стороны мысли. Очевидно одно: мы с ним с разных планет.

– Я не раз была на Монмартре... и всегда с Алексом. Если бы мы только знали, Господи, если бы мы знали, – бормочу чуть слышно.

У меня чувство, словно жизнь дала обухом по голове. Не в первый раз, но от этого не менее впечатляюще.

– У вас есть сладкий перец? – тут же меняет тему Эштон, потому что моя несдержанность уже отразилась на выражении его лица.

– Думаю, да. Сейчас гляну в холодильнике.

Приношу ему перец, и он мастерски, как истинный шеф, вооружившись огромным ножом, одним из тех, которыми

мама с Эстелой никогда не пользуются, принимается рубить его.

– Ничего себе! – вырывается наружу мой восторг.

– Учись! – Эштон снова в настроении, судя по счастливой улыбке на его лице.

Быстрая перемена настроения у них с Алексом – это что-то гениальное, наверное.

– Слушай, а ты любишь путешествовать?

– Конечно! Кто же не любит?

– И где же ты успел побывать?

– В Лионе и Марселе. В Лион с классом ездили – историчка возила, а Марсель – моя персональная награда от директора школы за успехи в учёбе, – Эштон деловито поднимает брови, изображая своим гигантским ножом восклицательный знак.

– Невероятно, – только и могу выдать я.

Столько личной информации в деталях и подробностях! Я и надеяться не могла на подобную удачу! Такой всегда молчаливый, замкнутый и отчуждённый Эштон вдруг расцвел, как майский цвет, и стал источать потоки позитива, радости и уверенности в торжестве добра над злом, солнца над тьмой, и вообще... Счастье появилось в глазах нашего нового члена семьи.

Что же его так согрело?

В тот вечер у нас был большой семейный ужин, приготовленный Эштоном и мной. Ну, если быть до конца честной,

то командовал Эштон, а я только подносила продукты и требуемые посудины. Но наш тандем сработал на славу, мама даже заявила:

– Надо вас почаще оставлять дома одних! Такое счастье – готовить не нужно!

Алекс только улыбался, широко, счастливо, так же точно, как и его сын Эштон. Да все мы улыбались в тот вечер!

История Валерии и Алекса в книгах «Моногамия» и «Моногамист»

Глава 8. Дружба

Katie Melua – Nine Million Bicycles

К вечеру среды ёлочно-гирляндная эпопея, наконец, окончена!

Это мы с Эштоном так наивно полагаем, пока мама не заявляет, таинственно улыбаясь, что отсутствие новых ёлочных игрушек – плохая примета, проявление неуважения к Новому Году, а, следовательно, санкции со стороны фортуны.

Нам ничего не остаётся, кроме как договориться о встрече в даунтауне с целью заняться совместным шопингом, ведь начатое дело нужно же доводить до конца!

– Куда именно мы пойдём? – интересуется Эштон.

– Я люблю моллы, там всегда так празднично и весело, особенно перед Рождеством!

– Хм... Может Волмарт? Там то же самое можно купить, только дешевле.

– Нет, не то же самое! Вот ни разу не то же самое! И вообще я Волмарт ненавижу, он вгоняет меня в депрессию!

– Почему это?

– Сама не знаю, просто ... просто я в молл хочу, – улыбаюсь ему, потому что вовремя не придумала достаточно веский аргумент против Волмарта.

Эштон расплывается в ответной улыбке:

– Окей. Молл, так молл. Девочкам надо уступать – так меня мама учила, – подмигивает. – Особенно маленьким!

И мы расстаёмся почти на неделю – до следующих выходных. Я считаю дни, часы, минуты до новой встречи с Эштоном, но они тянутся так долго, как ни одни дни и часы моей жизни до этого. Хуже всего в школе: мою потерянность заметили уже абсолютно все, а кто не заметил – тому донесли остальные. Кейси бесконечным потоком сыплет крамольные шуточки в мой адрес, так что мне приходится уже защищаться откровенной ложью:

– Кейс! Эштон мне брат! И именно по этой причине он не может стать объектом моих гормональных всплесков, это просто невозможно! Так что давай уже закрывай эту тему с моим первым сексом! Я скоро в школьное посмешище превращусь из-за твоих шуточек! Вот ей Богу!

Но подруга только смеётся в ответ.

Долгожданный день, наконец, приходит, и хотя с самого раннего утра я не сплю, верится всё же с трудом, что это всё-таки случится: мы увидимся снова, и не когда-нибудь, а прямо сегодня!

Выпрыгиваю из машины Стэнтона прямо на ходу, чем заслуживаю его нервные окрики и угрозы пожаловаться отцу, то есть Алексу, но мое состояние нервного перевозбуждения перед встречей с Эштоном граничит с откровенной невменяемостью. Без шапки и шарфа, с душой нараспашку обнаруживаю себя в полнейшем одиночестве на месте нашей пред-

полагаемой встречи – у главной наряженной ёлки рядом с центральным входом.

Настроение моментально падает, но не до нуля, поскольку этот рубеж ещё впереди: после пяти, десяти, пятнадцати минут ожидания. Примерно на восемнадцатой я ощутила дно своего расположения духа, обиделась сперва на Эштона, потом на весь свет и даже на свою карму. На девятнадцатой мой пытливый ум посетила мысль, что мы, возможно, перепутали входы, и мой ... в смысле, просто Эштон ожидает меня где-нибудь в ином месте, но версия быстро отпала сама собой в связи с наличием одной единственной ёлки в этом молле. На двадцатой минуте чёрный и лохматый «меняник-тонелюбит» был достаточно убедителен с версией: «Эштон просто напросто забыл ... или «забил» на тебя и весело попивает пиво со своей девушкой. Если не хуже. Всю двадцать первую минуту Эштон занимается сексом с противной рыжей девицей в моем воображении. Почему рыжей? Думаю, это наследственное – моя мать рыжих недолюбливает, и у неё есть причины. На двадцать второй, подозреваю, я бы увидела Эштона в брачном костюме и с младенцем на руках, если бы не его земная версия, несущаяся на всех парах по тротуару в мою сторону.

– Ещё раз прости за опоздание! – выпаливает мне прямо в лицо, буквально задыхаясь.

– Ещё раз?! – спрашиваю с трудно скрываемой обидой, негодованием, разочарованием и недовольством.

– Ну, я тебе сообщение отправлял ещё из автобуса, что он на двадцать минут позже приехал, и я могу опоздать!

– Из автобуса? Ты же говорил, что Алекс подарил тебе крутую тачку!

– Машина есть, прав нет. На следующей неделе у меня дорожный тест!

Я стою, открыв рот: сколько всего успела перебрать в своей голове, да просто целую жизнь прожила!

– Так нужно же было сказать! Мы бы со Стэнтоном заехали за тобой!

– Это лишнее, – отвечает с ухмылкой. – Я же не девчонка!

Я в ужасе от глупости истинной причины его опоздания, но и в радости одновременно: Эштон не забыл обо мне, не проигнорировал и уж точно не занимался сексом со своей девушкой в течение последних двадцати минут.

– Ладно, – говорю. С тебя мороженое. Итальянское, конечно же.

– Без возражений!

Эштон смотрит на меня в упор с хитрящей улыбкой, от которой я моментально таю и прощаю ему все прегрешения.

Stu Larsen – Going Back To Bowenville

Winter Aid – The Wisp Sings

Tom Francis – From Up There

Я выбираю себе фисташковое мороженое, Эштон – лимонное. Мы сидим на лавочке под натуральной елью, все ещё фантастически пахнущей лесом, горящей жёлтыми огнями,

отбрасывающими свой мягкий тёплый свет на волосы и плечи Эштона. Я разглядываю его украдкой, стараясь не выпячивать свой и без того непомерный интерес, но в такие моменты как этот, околдовывающие своей простотой и очарованием, очень сложно бывает с собой договориться.

Волосы у Эштона немного вьются, поэтому его достаточно длинная челка совсем ему не мешает, подгибая свои концы ровно настолько, насколько нужно. Иногда мне приходится бороться с острым желанием запустить в них свою руку, натянуть и посмотреть, какая же на самом деле у них длина? Очень хочется! Но ещё больше хочется поцеловать его ямочку на щеке, появляющуюся всякий раз, как он улыбается...

Эштон определенно красив. И мне это становится особенно очевидным, когда проходящие мимо нас девушки широко улыбаются ему, не стесняясь показывать свои зубы. Даже взрослые женщины разглядывают его слишком подолгу и слишком пристально!

Эштон сегодня, как и всегда, одет в джинсы и серый батник – неприметную, простую одежду. Но в отличие от проходящих мимо нас заинтересованных дам, я знаю, что под ней скрываются смуглые плечи, крепкие руки, широкая грудь и потрясающе сексуальный живот, который мне уже снится по ночам...

Что происходит со мной? – задаюсь вопросом. Почему я не могу просто выбрать вместе с этим парнем новые ёлочные украшения, к чему все эти мысли о его плечах, ямочке, во-

лосах? И почему мне так стыдно?

Внезапно замечаю, как взгляд Эштона скользит по моей щеке к губам, задерживается на них... Маленькая ямочка у его левой щеки выдаёт едва заметную улыбку, он немного наклоняется, приближая своё лицо к моему, и я... перестаю дышать!

Не знаю, чего я ожидала, буквально трепеща от нетерпения, но Эштон аккуратно и очень нежно вытирает своим большим пальцем мой подбородок:

– Ты такая замарашка! – заявляет непринужденно. – Посмотри, как ты вымазалась!

Ловлю завистливый взгляд проходящей мимо брюнетки с явно приклеенными ресницами, и мне хочется плакать оттого, что ей, глупой, не известно то, что стало для меня уже очевидным: Эштон видит во мне только младшую сестрёнку, не более. Я смогла максимально приблизиться к нему, несмотря на отсутствие у нас общей крови, в отличие от Лурдес и Аннабель, лишь потому, что я больше всех старалась, и потому что в силу возраста у нас, как ни крути, более общие интересы.

Обожаю предрождественскую иллюминацию в магазинах, лавках, парках, скверах или просто в окнах обычных людей – дух и настроение праздника повсюду! Но в моллах – просто сказка! Повсюду ёлочные инсталляции, небольшие заснеженные опушки, а Санта Клаус и вовсе сидит в дремучем

еловом лесу – подходи и фотографируйся в обнимку!

С небольшим, но усилием, мне удаётся убедить Эштона сделать фото на память.

– Ох-хо-хох! Какая прелестная влюблённая парочка забрела в мой лес! – заявляет бородатый дед, вгоняя меня в краску цвета своей шубы.

– Мы вовсе не парочка! – почти выкрикиваю. – Мы ... – и долго не могу сообразить, кто же мы друг другу...

– Друзья! – помогает мне Эштон с мягкой улыбкой.

– Да! – тут же соглашаюсь. – Мы просто друзья!

– Эх-хе-хе-х! – заявляет дед, подергиваясь от смеха. – Друзья, так друзья!

Мы улыбаемся фотографу, а я долго пытаюсь понять, зачем встала наречие «просто», соглашаясь быть Эштону другом. Что? Разве бывают не просто друзья?

В молле мы долго петляем по этажам и уровням, успеваем ещё разок поесть итальянского мороженого, сфотографироваться с почти настоящим Дартвэйдером на память, купить мне новую юбку, потом симпатичную белую блузку, опять мне, пока, наконец, не находим магазин сувениров. Весь в праздничных золотых огнях, он манит меня как мёд сладкоежку своей красотой и длинными рядами полок с милыми, причудливыми безделушками. И именно в этом месте мы находим то, что искали – потрясающий набор ёлочных игрушек в виде планет солнечной системы, самого солнца, луны и галактик. Я влюбляюсь в него с первого взгляда и ед-

ва ли не визжу от счастья, потому что такая находка – большая удача!

Эштон наблюдает за моими всплесками радости со снисходительной улыбкой на губах, лишь предлагая взглянуть ещё на премилейших белочек, набор цветных колибри и семью белоснежных Северных медведей: папу с синим шарфом, маму и медвежонка.

Верчу украшения в руках:

– Слушай, а ... твоя девушка не будет злиться, что ты так много времени с нами проводишь?

– Девушка?!

– Хм... ну да, твоя...

– Почему ты думаешь, что она у меня есть?

– Ну как же... ты же пострадал в неравном бою, отстаивая честь своей дамы...

– А, это... Было дело, но она не моя вовсе.

– Папа сказал вроде, что твоя...

– Так это была информация для его ушей, чтобы не ругался слишком сильно. Там девчонка глупая, конечно, но обидели её зря, а защитить некому. Знаешь из этих, из «ботаников», – улыбается. – Пить не умеет, на вечеринке перебрала и уснула прямо на столе. Кто-то пустил нехороший слух о ней, очень нехороший. Её бедную заклевали уже все с этой историей.

– Да ты прям рыцарь, смотрю. А если то, о чем говорят, правда?

– Неправда, это точно. Я лично отнес её в свою машину, почти сразу, как она вырубилась – как чувствовал, что это нужно сделать. Поэтому честь осталась при ней, а вот слухи всё же поползли.

– А что за слух-то?

– Это не для твоих ушей – маленькая ещё!!!

С этими словами Эштон легонько щёлкает меня по носу.

– Да не маленькая я! И тоже на вечеринках бываю, мне же нужно знать, чего опасаться!

– Уверен, ты и так это знаешь. Алкоголь в больших количествах – это зло, особенно для девочек.

– А для мальчиков?!

– Для всех, но нас хотя бы не могут ... эмм... чести лишить, как вас!

– изнасиловать, что ли?

– Да. Я просто этого слова не знал на английском.

– Это преступление! За это в тюрьму сажают!

– Вот поэтому и нельзя напиваться до беспамятства, как Филиппа!

– Её Филиппа зовут?

– Да.

– Вы дружите?

– Не то чтобы дружим, но после инцидента стали ближе общаться.

– Общаться или встречаться?

– Я ж сказал, мы не пара, никакой романтики нет, и не

было. Так, пару раз кофе выпили вместе.

– А говорили про что?

– Сонь, тебе не кажется, что ты слишком любопытна?

– Нет! Я сейчас как психоаналитик, прощупываю твою ситуацию. Просто парни слепы как кроты и часто вообще не понимают, что происходит вокруг них. Вот я бы на месте той девочки уже точно влюбилась бы в своего рыцаря. Уверена, твоя Филиппа в тебя влюблена или на подходе, а ты и ухом не ведёшь!

– Ну, не знаю! Я сделал, что должен был, и что считал нужным, а дальше уже...

– А дальше?

– А дальше посмотрим.

Эштон забирает у меня из рук коробки с украшениями и расплачивается на кассе. Но избавиться от темы разговора ему не удастся:

– Она тебе нравится?

– Ты это спрашиваешь как сестра? Как психоаналитик или как кто-то ещё?

– Как сестра, конечно. Психоаналитик тоже подходит. А что ты имеешь в виду под кем-то ещё, я не знаю.

– Ну ладно, если как сестра, то немного да, нравится.

– Она красивая?

– Нормальная.

– Блин! Ну вот что это за ответ?! Неужели нельзя решить, красивая или нет?

– Ну а откуда мне знать какие у тебя критерии красоты?

Обычная девушка: две руки, две ноги, голова тоже есть.

– Какого цвета волосы? Глаза?

– Шатенка она, глаза... эмм, не знаю, кажется, зелёные...

А может и нет...

– Ну ты даёшь! Полезть в драку из-за девушки и даже не знать цвет её глаз!!!

– А что, по-твоему, нужно было сперва цвет глаз узнать, а уж потом за честь её впрягаться?

– Ой, ну всё уже, проехали! Посмотри, какое кафе классное! Давай зайдём?

– Давай.

Мы садимся на мягкие диваны у окна с видом на залив, день подходит к концу, и на горизонте, сквозь небольшие трещины в серости облаков просачивается оранжевый свет заходящего солнца.

Мы оба любимся закатом, и Эштон опять улыбается, так мягко и едва заметно, мечтательно...

В кафе почти никого нет, кроме нас, несмотря на предпраздничную суету, и этот факт вносит свою неожиданную лепту в интимность и комфорт нашего уединения.

Я заказываю себе кофе с молоком, Эштон повторяет за мной.

– Может, ты голоден? – спрашиваю. – Парни обычно заказывают себе пиво и картошку с наггетсами.

– Какие ещё парни?! Тебе же только шестнадцать! – де-

ланно возмущается мой гиперпереживательный брат.

– Мой брат Лёшка, например! – быстро соображаю, что ответить и тут же жалею, потому что ни одной даме толика загадочности и намеков на популярность у мужского пола ещё не мешала!

– А! Брату можно!

– А ты что, можно подумать, в шестнадцать ни с кем не встречался?

– Я – парень, это совсем другая история.

– Почему это другая?

– Да потому что! Маленькая ты ещё, чтобы посвящать тебя в эти вопросы!

– А папа так не считает! Мне всё давно уже известно: у вас типа потребности, и вы с ними носитесь как со священной коровой, – подмигиваю ему, стараясь казаться взрослее и умнее, чем он думает.

– Ну, раз ты все знаешь, зачем же тогда спрашиваешь? – отвечает невозмутимый Эштон, потягивая кофе из своей чашки.

Решаю, что лучшим решением в сложившейся ситуации будет смена темы беседы.

– Так может, всё-таки закажем еду и пиво?

– Только если ты хочешь есть, а я не голоден. А пиво пить в компании дамы – плохой тон.

– Мама научила?

– Конечно. Больше учить было некому.

Во взгляде Эштона мгновенно появляется жёсткость, он сжимает губы в тонкую линию и словно весь ощетиливается. Какой-то частью своего мозга я соображаю, что данный эффект вызван нечаянно затронутой темой отцовства.

– Эш? – зову его негромко, и от этого непривычного сокращения он вдруг смягчается, взгляд его делается теплее, ласковее.

– Да, Софи?

– Ты когда Алекса впервые увидел, сразу узнал его?

Эштон поднимает вопросительно брови.

– Ну, в смысле, сразу понял, что он – твой отец?

– Сразу.

– И что ты почувствовал?

– Шок.

– Почему?

– Сходство действительно потрясает. Внешнее, я имею в виду. Странно увидеть собственное лицо на двадцать пять лет старше.

– Ты не знал, что вы похожи?

– Мать говорила мне, но я не представлял, что настолько...

– А... у тебя были какие-нибудь фотографии?

Эштон долго молчит. И мне становится холодно. Чем дольше он смотрит на залив, в уже опускающуюся темноту, тем дискомфортнее мне находиться с ним рядом.

– У матери было только одно фото, и подозреваю, когда

она делала его, ей и в голову не могло прийти, что я его увижу.

Молчу, ожидая продолжения, и Эштон открывается больше:

– Мне не показывали ту фотографию – я сам её нашёл. И на ней... он просто спит. В постели. Больше ничего. Потом, когда мне было шестнадцать, мать случайно наткнулась на фото вашей семьи в журнале, и так мы узнали, где он и как живет.

– Значит, два года назад?

– Значит.

– Почему ты не приехал раньше?

– Я сделал это сразу же, как появилась возможность.

И снова в голосе металл и обжигающий холод.

– Слушай, давно хочу спросить, но не решаюсь... Зачем ты работаешь?

Эштон напрягается ещё сильнее.

– Ну, я в том смысле, что папа... Алекс... он ведь достаточно денег тебе даёт?

– К хорошему привыкаешь легко, а лишиться всего можно в одно мгновение.

– Чего, например?

– Да всего этого. Квартира, машина, бесконечные карты: банковские, клубные, куча вещей, одна дороже другой. Моей матери понадобилось бы работать лет пятьдесят и при этом ничего не есть, чтобы накопить подобную сумму. Хотя, мо-

жет и этого не хватило бы. Подозреваю, кондо, в котором я живу, стоит больше миллиона – в этом случае ни у меня, ни у моей матери совсем нет шансов. Совсем. Поэтому я стараюсь не привыкать. В любой момент... всё может закончиться так же быстро, как и началось.

– Что заставляет тебя так думать?

Эштон какое-то время молчит, и я уже почти теряю надежду получить его ответ, как вдруг он выдаёт то, что причиняет боль даже мне, не говоря уже о родителях:

– У меня нет никаких доказательств, что он мой отец. Что, если нет?

– Самое большое доказательство – твоё лицо. Никто из тех, у кого есть глаза, не имеет ни малейших сомнений в том, что у вас общие гены! – я буквально выплёскиваю на него своё негодование.

– А что, если однажды вдруг он захочет проверить? И результат окажется не тем?

– Ты так ничего и не понял, Эштон! Наша семья УЖЕ приняла тебя, ты УЖЕ вошёл в сердце каждого из нас! Неужели ты смог бы так просто развернуться и уйти, поверив каким-то цифрам на листке бумаги?

Эштон молча отводит свой тяжёлый взгляд в сторону, словно боясь повредить им меня, а я от эмоций не могу усидеть на месте:

– А Алекс? Он полжизни растит чужих детей, заранее зная, что мы ему биологически никто, и не просто растит, да

простит меня Бог, он лучший отец, чем мой настоящий, хотя и тот любит меня безмерно, но их даже сравнивать нельзя... Это не сравнимые... планеты!

– Вы – дети любимой женщины..., – Эштон произносит эти слова так тихо, что я едва могу расслышать их.

Мне сложно понять, что творится у него в душе, а что на уме – и подавно, но во мне горит обида за Алекса, и я уверенно вещаю свои соображения:

– Алекс никогда бы не отказался от тебя, это первое, а по поводу теста на отцовство я лично однажды спросила его, и он ответил, что никогда в жизни не совершит подобную жестокою бестактность по отношению к тебе, твоей матери и самому себе – это второе. Он УЖЕ принял тебя! Принял раз и навсегда! И будет любить тебя любим, запомни это, любим!

Эштон делает глоток из своей чашки, но прекрасный вид из нашего окна его больше не интересует, он смотрит мне в глаза, и постепенно его губы растягиваются в улыбке. Я понимаю, что больше мой собеседник ничего о себе не расскажет. Лимит искренности исчерпан.

– Расскажи лучше, кто именно обижает тебя в школе? – внезапно заявляет.

– Зачем это?

– Ну так я с ним разберусь! На правах старшего брата!

В один момент напряжение между нами лопается, мы оба смеёмся, шутим, делимся историями из школьной жизни и

не замечаем, как этот чудесный вечер, подаренный нам судьбой, незаметно подходит к концу.

Прощаясь, я обнимаю Эштона и с ужасом обнаруживаю, как тяжело мне оторваться от него: ни одни родственные объятия ещё не приносили мне такого удовольствия...

Глава 9. Ожидание

Nelly Furtado – All Good Things (Come To An End) (US Version)

– Я видела его, – сообщает недовольный голос Кейси вместо приветствия.

– Кого?! – сонно переспрашиваю.

– Эштона твоего!

Мой организм просыпается почти мгновенно, сознание быстро заполняет школьный шум и гам, глаза различают ядовито-розовый цвет йога-штанов подружки, сидящей на подоконнике. Не без удивления отмечаю, что она опять сняла весь свой пирсинг, который ещё вчера делал ее похожей на новогоднюю ёлку.

– Отец опять дал тебе денег? – вырывается вопрос.

– Нет. Я же говорю, видела твоего брата и...

– И...?

– И это имело своё влияние на состояние моего внутреннего мира: он расцвёл. Сейчас в моей душе – весеннее цветение сакуры, поэтому внешние атрибуты потеряли актуальность!

– Серьёзно?

– Абсолютно. Поэтому у меня к тебе дело. Когда ты увидишь его в следующий раз?

– Кого?

– Эштона, разумеется!

– Ну... он обещал прийти к нам на Рождество, то есть примерно через неделю.

– Тогда я заявлюсь к вам в гости. Можно?

– Нет! Ты опять будешь строить глазки Алексу! Ты не понимаешь...

– Всё я понимаю! Твоя мать – мудрая женщина, поверь, до таких мух как я ей и дела нет! Это просто игра, невинный флирт! Жизнь невыносимо скучна, и такие вещи делают её всего лишь менее однообразной! Кроме того, твой секси-папочка меня больше не интересует, есть кое-кто получше! – Кейси многозначительно мне подмигивает.

– Если ты об Эштоне... – до меня вдруг доходит суть происходящего. – А где, кстати, ты его видела?

– В молле. Вчера.

– Мы там вместе были!

– Да, пили кофе в Хортоне. Я видела.

– Почему не подошла?

– В шоке была. Ты когда сказала, что он красивый, не уточнила, насколько! Я вчера спать не могла... Это не парень, подруга, это ходячий секс!

– Фу, какая ты!

– Короче, ты определяйся уже давай, брат он тебе или не брат, и если нет, то держи меня подальше – я невменяема, во мне разом проснулись все инстинкты, а вместо крови гормональный коктейль! И знай, когда я в таком состоянии,

как сейчас, на такие пустяки как женская дружба мне наплевать! – подруга многозначительно поднимает кверху свой указательный палец.

– Кейс, мне он нравится, сильно. Это не шутка. Я никогда не видела и не увижу в нём брата. И он первый, в ком я подозреваю мужчину, похожего на моего. Поэтому, прекрати свои игры, пожалуйста!

Кейси достаёт сигарету, медленно закуривает её, с чувством затягивается, и я уже знаю, что сейчас мне придётся выслушивать её философствования:

– Видишь ли, дитя моё... – как всегда издаликает она. – Жизнь очень жестокая штука. Ты, правда, веришь в любовь до гроба, начавшуюся в шестнадцать лет?

– Мне далеко ходить не нужно – родители перед глазами!

Кейси смотрит некоторое время на меня, обдумывая мои слова, ведь она в общих чертах знает историю моих родителей и именно в связи с этим всё ещё верит, что её отец, прославленный адвокат, продолжает тайно разыскивать свою первую любовь – мать Кейси.

– И ты всерьёз считаешь, что он женится на тебе вот прямо сейчас в восемнадцать, и вы будете вместе до конца жизни?

Теперь моя очередь подвиснуть в раздумьях. По правде говоря, так далеко я ни разу ещё не заглядывала. Предел моих мечтаний на сегодня – это поцелуй. Я даже о сексе с парнем ни разу не думала, не то чтобы о семейной жизни!

– Со свадьбой мы пока подождём! – уверенно заявляю.

– Минимум лет десять. Минимум. А скорее всего – двадцать. В наши дни мужчина созревает для семьи годам к сорока – это статистика, детка. И за эти годы, до его сорокалетия, я имею в виду, ему не раз захочется свеженького! Так что, мой тебе совет – не влюбляйся в него. По крайней мере, слишком сильно.

– Разве это можно контролировать... – отвечаю, задумчиво глядя в окно.

Правда, разве можно? Можно запретить себе или приказывать полюбить кого-либо?

This Never Happened Before – Paul McCartney

Мой телефон брякает очередным сообщением от Эштона: он никогда не интересуется как у меня дела или самочувствие словами – просто шлёт мне картинки. Не совсем обычные, все они – до ужаса смешные! Иногда настолько, что я не могу сдержать свой смех и давлюсь им прямо в классе. Ещё немного и учителя начнут жаловаться родителям!

Подготовка к Рождеству ещё никогда не была для меня такой основательной. Я только платье своё выбирала недели две, что уж говорить об остальном!

– Не припомню, чтобы ты так усердствовала перед праздниками! – ехидничает мама.

– У тебя просто память плохая! – отвечаю.

– Раньше не замечала! – улыбается ещё шире.

– А она имеет свойство с возрастом портиться, мам!

– Ну вот, Лерусь, – вмешивается Алекс, – нас с тобой уже и в старики записали!

– Неправда! – восклицаю. – Плохая память – это ещё не старость!

Алекс смеётся, обнимая меня за талию, целует по своему обыкновению в макушку и заявляет:

– Я видел твоё платье!

Мгновенно замираю, потому что Алекс – единственный человек в нашей семье, кто хоть что-то понимает в хорошей одежде.

– Оно потрясающее! Думаю, для выпускного бала в школе нужно будет выбрать такой же красный оттенок.

– Уверен?

– Абсолютно. Он подчёркивает красоту твоих волос и идеально подходит к цвету кожи. Ты как мороженое крем-брюле в клубничном джеме! – подмигивает мне, улыбаясь. – То, что нужно, согласись!

И я расплываюсь в улыбке – никто не умеет так искусно повышать мою самооценку, как отец! Вот совсем никто!

Утром двадцать пятого декабря в доме суматоха – все несутся к ёлке проверять подарки, коих под ней всегда горы – отец обожает выбирать и дарить всякие особенности, готовит их обычно задолго до праздника, продумывает все детали, привозит или заказывает из-за границы. Но в этом году моё сердце трепещет вовсе не из-за них, а потому, что вечером я увижу, наконец, Эштона!

Эштон... Каждая буква в этом простом имени кажется мне самым прекрасным, волшебным звуком на земле...

Я закрываю глаза и вижу его лёгкую улыбку, глубокий карий взгляд, ямочку на щеке... Так хочется обнять его, прижаться, ощутить его силу, согреться теплом, раствориться в безмятежности...

– Сонь! Ты чего в облаках-то витаешь? Подарки открывай! – моя разлюбезная сестра Аннабель стучит мне по голове подарочной коробкой и жуёт какие-то заморские сушёные фрукты – она их страсть как любит, и Алекс об этом, конечно же, очень хорошо знает.

– Не видишь, что ли? Она ж влюбилась! – вопит на весь холл Лурдес, измазав губы и щёки в шоколад своих любимых конфет. На ней уже надето просто невероятное платье из нежнейшего полупрозрачного шифона ментолового оттенка, таких у нас не купишь!

– Боже! Откуда у тебя это платье? – восклицаю не в силах сдержать свой восторг.

– Под ёлкой было! – отвечает моя средняя сестра, набивая рот очередной порцией конфет.

– Алекс, а помнишь, в юности у тебя была футболка такого же оттенка? – мечтательно тянет мама. – Ты в ней такой был... ми-и-илый!

– По правде сказать, не очень помню, – признаётся отец и тут же лезет к маме целоваться.

Я сразу отворачиваюсь, чтобы не мешать им.

– Ну как не помнишь?! Когда ты жил в своей крутой этой квартире в Кишинёве, ты в ней всегда ... эм... в неё передевался!

– Припоминаю... Кажется. Слушай, ну и память у тебя!

– Это ж первые впечатления, мужчина! Из них складывался твой образ в моей голове!

– Ах, образ... Если мне память не изменяет, то в мою квартиру ты попала, когда мы уже...

– Так, всё, проехали! Не помнишь и не надо! Надо будет купить похожую и натянуть на тебя. Освежить память!

– Так купи! Я только её и буду носить, если кое-кто находит меня таким «ми-и-илым» в ней!

The Clientele – (I Can't Seem To) Make You Mine

Я открываю свои коробки: в них платья, не хуже, чем у Лурдес, арабские духи, бельгийские трюфели, французские безделушки из антикварного магазина, которыми я обожаю украшать свою комнату. Наконец, разворачиваю самый маленький подарок и в коробочке от Cartier нахожу просто потрясающий серебристый пояс с изящным бантиком, украшенным камнями, похожими на бриллианты. Я не в силах сдержаться:

– Боже, Алекс, не могу поверить! Неужели это мне?!

Папа, натягивая очередной связанный мамой голубой свитер, отвечает:

– Конечно, Соняш, тебе!

– Не слишком ли дорого? – вопрошает маман с очевидным

недовольством в голосе.

– А при чём тут я? Все вопросы к Санте! – отвечает ей Алекс, смеясь.

Мама только качает головой, распечатывая коробочку, предназначенную ей, и вынимает из неё браслет с сердечком. Лурдес мгновенно пеленгует его и поёт медовым голосом:

– Ма-а-ам! Если тебе не нравится твой браслетик, то я бы с удовольствием его приютила!

– Во-первых, мой браслетик мне нравится, и я никому его не отдам, во-вторых, железное правило никто не отменял – до шестнадцати никаких бриллиантов.

Отец обречённо разводит руками: я, мол, тут ни при чём! Лурдес выпячивает нижнюю губу и, уже запустив режим слёз, клянчит:

– А Соньке можно, да?! У неё там на пояске точно не стекло!

– Соне уже исполнилось шестнадцать лет, дорогая! Все правила соблюдены, так что не устраивай дискуссий! Мне такое платье в мои двенадцать лет и не снилось даже!

Папа обнимает Лурдес, приговаривая:

– Всего четыре года осталось, доченька! И как только тебе стукнет волшебное число, вот мы с тобой оторвёмся!

Мама недовольно ворчит:

– Алекс! Сколько можно уже повторять: не балуй их слишком сильно!

– Девочек обязательно нужно баловать! И целовать, и об-

нимать побольше! – тонкий намёк матери на недостаток ласковости.

Обменялись любезностями. Фактически, это почти ссора у родителей, максимум разногласий и выяснения отношений. На большее они не способны.

Мама снова качает головой, выражая своё недовольство:
– Девочки! За работу! Вечером придут гости, нам с Эстелой нужна помощь на кухне.

– А Эштон придёт? – интересуется Лурдес, и я чувствую явную конкуренцию с её стороны.

– Да, придёт. Обещал, по крайней мере, – отвечает ей отец.

– Может, заедешь за ним? – спрашивает мама.

– Посмотрю, как управлюсь с делами. Но постараюсь! Он, кстати, получил водительскую лицензию вчера!

– Ну, Слава Богу! – с выдохом восклицает мама, улыбаясь. – Но ехать к нам ему далеко и небезопасно – опыта ведь ещё нет серьёзного!

– Смотрите, смотрите! Снег пошёл! – пищит во весь голос Аннабель.

– И правда, снег! И хлопьями! Чудеса... – глаза у отца загораются детским восторгом.

– Ну надо же! Прямо в Рождество снег пошёл! Как никогда... Это подарок, дети! Этот год должен быть замечательным! – наша мама – самая большая оптимистка в доме.

Мы всей толпой выбегаем на террасу, ловим снежинки

ртом и руками, пока они не перестали сыпаться, ведь снег в наших краях – это почти чудо!

Снежные хлопья тихо ложатся на уставшие улицы моего города, скрывая пёстрое, модное, неприглядное и уродливое под первозданным в своей белизне покровом. И это, надо сказать, самое умиротворяющее зрелище из всех возможных – снегопад в Рождество!

Глава 10. Наш первый праздник

Наваяв вместе с мамой кулинарных шедевров, я облачаюсь в своё алое платье, надеваю серебряный поясик и понимаю, что он был подобран специально для этого наряда! Алекса невозможно превзойти во вкусе и предусмотрительности – моё красное платье стало теперь особенным, не просто праздничным, а изысканно красивым!

Я сама себе бесконечно нравлюсь в отражении огромного зеркала моей спальни: в красном приталенном платье с пышной юбкой и открытыми плечами, с сияющим бриллиантами бантиком на моей тонкой талии, в красных балетках в тон платью. Мои длинные каштановые волосы собраны в подкрученный хвост и повязаны тоненькой саржевой лентой. Интересно, понравлюсь ли Эштону?

В течение следующего часа не нахожу себе места, поправляя бесчисленное количество раз собственное платье и ёлочные украшения, беспрестанно выглядывая в окно: «не приехал ли Эштон?!». За последние дни мне пришлось снять с ёлки тонны навешанных сёстрами как попало конфет и печенья – им невозможно объяснить, что новогоднее дерево смотрится стильно только в том случае, если на нём игрушки не более, чем трёх цветов!

Внезапно слышу мамин оклик из кухни:

– Соняш! Кто-то приехал! Встречай гостей!

Моё сердце сперва обрывается, затем запускается вновь и колотится как оголтелое! Я со всех ног несусь в холл и натываюсь на... Кейси!

– Ну-ну, подруга! Не так откровенно! Сделай хотя бы вид, что рада меня видеть! Рождество же! – заявляет Кейси, снимая своё пальто, и я обнаруживаю под ним чёрное платье в пол с огромным декольте и разрезом почти до трусов. Моё настроение стремительно летит в Марианскую впадину. Я, значит, пай-девочка в стиле пятидесятых, а Кейси – сексуальная поп дива?! И никакого пирсинга не нацепила, вот же предательница!

– Кейси! – шиплю я на неё.

– Да ладно-ладно, подруга, не парься! Я здесь, чтобы всё проконтролировать!

– Что, всё?

– Эштона твоего прощупаем, выясним, что он за фрукт, и можно ли доверять ему такое сокровище, как ты, подруженька! – с этими словами Кейси оттягивает мне обе щёки.

– Ты чего творишь! Не видишь! Я же накрашена!

– Мужчины, ценят естественную красоту! Запомни это, детка! – заявляет Кейси и гордо шествует в гостиную, не дожидаясь моего приглашения.

Слышу, как она феерично приветствует мою мать, а та почему-то всегда ей искренне рада, но в этот раз, мягко просит:

– Кейси, ты умница, что приехала, только не безобразничай, ладно!

– Всё под контролем, Лера! Всё под моим тотальным контролем! Ни одна крыса не проскользнёт мимо моего зоркого ока!

Я готова метать молнии. Но выгнать подругу уже не реально!

Слышу шум колёс подъезжающей машины – это брат Алексей, совершенно один, что, конечно, с одной стороны радует, а с другой удивляет: Лёшка и без подружки?!

Сразу за ним приезжает тётя Мэри со своим сыном Эндрю и его девушкой.

– Настя подъедет чуть позже! И у неё новый бойфренд! – торжественно сообщает моя тётя и сестра Алекса по совместительству о визите своей дочери.

Настю я не перевариваю! У неё только имя доброе и ласковое, а сама она вредная и заносчивая. Мама, кстати, тоже свою двоюродную сестру Николь терпеть не может. Видимо, у нас это семейное!

В течение следующего часа к нам присоединяется дядя Марк, папин лучший друг, с какой-то очередной тёткой, которую я не знаю, привозит нам кучу подарков, но мне не до них! Эштона всё нет!

Гости садятся за стол, а я готова лить крокодилы слёзы... Мама звонит отцу по телефону:

– Алекс, ну что там у тебя? – спрашивает по громкой связи.

– В пробке застрял, потерял больше часа! – отвечает он. –

Но уже на пароме, минут через двадцать буду дома!

Мама с милой улыбочкой предлагает:

– Давайте ещё двадцать минут подождём! Алекс вот-вот подъедет!

– Во-о-от! – восклицает дядя Марк на всю гостиную. – Вот как жена должна мужа ждать! Никаких правил гостеприимства, самое важное – это мужа дожидаться!

– Ой, ну всё, Марк! Не нуди! – шутливо треплет мама его плечо и улыбается. – Ты же знаешь, как он не любит, когда мы садимся за стол без него!

– Знаю, поэтому и восхищаюсь тобой, Лерочка! – дядя Марк деланно расшаркивается, ловит мамину руку и впечатывает в её ладошку звучный «чмок».

Дядя Марк с давних пор обожает мою мамочку, но не смеет покушаться на неё, поскольку она – жена его лучшего друга. Этот факт известен всем, кроме его бесконечно меняющихся невест: на лице Лидии, молоденькой девушки родом из Румынии, не то, что недовольство – её губы скривились так, словно мадаму ударил паралич!

Я не в силах сдержать улыбки! Как забавно наблюдать за тем, как другие люди ревнуют!

– А что? Алекс и сегодня работает? – интересуется моя тётушка с ноткой недовольства.

– Да, Мэри, – с непоколебимым спокойствием отвечает мама. – У него была неотложная встреча сегодня, что-то связанное с бизнесом в Австрии.

– Эти люди когда-нибудь отдыхают?! – восклицает тётка с нескрываемым возмущением.

– Поверь мне, отдыхают! Ещё и как! Алекс когда мне рассказывает, КАК они это делают, у меня волосы на голове шевелятся оттого, что творят эти обеспеченные парни!

Тётка поджимает губы:

– Ну вот и цени Алекса! Видишь, как тебе повезло, он ведь всегда отдыхает только с тобой! Не каждой достаётся такой верный супруг!

Надо сказать, чем старше становится моя тётка, тем она ядовитее. Видать, так достала она своего мужа, что тот сбежал к коллеге по работе, которая, по словам тётушки Мэри, похожа на крысу. Мне вот интересно: если ты такая красавица, почему же муж к крысе сбежал?

Но моя мамочка давно привыкла к подобным выпадам и обычно даже ухом не ведёт, хотя Алекс тоже вечно одёргивает свою сестру и маму никогда в обиду не даёт, требует сквозь зубы:

– Маш! Смени тон! Мааш! Тему поменяй!

И мне это нравится! Мужчина всегда должен защищать свою женщину!

The Head and the Heart – Another Story

Не проходит и десяти минут, как шум в холле заставляет меня сорваться с места и лететь отцу навстречу. Мама, конечно же, впереди меня – она – тот самый главный человек, которого хотят видеть встречающим. Потом уже я.

В холле в обнимку с огромными коробками стоит Эштон, позади него Алекс топает на коврике, чтобы сбить с ног налипший снег. На тёмных волосах обоих видны ещё не успевшие растаять снежинки, но щеки горят алым румянцем только у Эштона. Я впервые вижу его в таком элегантном пальто, белой рубашке и тёмных узких брюках, плотно облегающих его стройные бёдра. Совершенно очевидно, что одежду для него выбирал Алекс – совсем другой стиль и подход. Эштон великолепен, так красив, что аж дух захватывает...

– Лерусь, кажется, нас сегодня ночью заметёт! Снег так и валит, не прекращаясь! Небывалый случай!

– Красиво, как в сказке! – отзывается улыбчивый Эштон.

– Красиво-то красиво, только завтра, боюсь, из гаража не выедем, если снегопад не прекратится! – ворчит отец со сдвинутыми в озабоченности бровями.

– Ну и ничего страшного! У тебя завтра всё равно выходной, а Эштон у нас заночует! У него уже и комната своя есть! – мама ласково обнимает гостя за плечи, и он улыбается ещё теплее.

Наконец, Эштон замечает меня, и брови его взлетают:

– Ничего себе! Я и не думал, что ты можешь быть такой!

– Какой такой?

– Эммм... красивой! – выдыхает Эштон свой восторг.

– Покрутись! – велит мне Алекс, улыбаясь почти до ушей.

Я тут же выполняю команду и слышу двойное протяжное мужское ВАУ! На лицах обоих искренний восторг, но у отца,

помимо него, ещё и гордость:

– Я же говорю! Самая красивая девочка во Вселенной!

Мама качает головой с улыбкой, и Алекс тут же добавляет:

– И это не удивительно, если у неё мама – самая восхитительная женщина той же Вселенной!

– Согласен! – тихо примазывается Эштон к отцовским трелям. – Это тебе, Лера, – вручает маме коробку.

– От Санты? – смеётся мама.

– От него, – отвечает Эштон, долго смотрит ей в глаза, затем, словно вспомнив обо мне, поворачивается и протягивает мне маленькую красную коробочку.

– Открывай! – требует отец.

Я рву бумагу и вижу ещё одну коробочку от Cartier, а в ней такой же точно бантик как на моём поясе, только поменьше – для волос.

– Ничего себе, подарочек! – восклицает мама.

А мне грустно. Ясно же, что украшение нашёл и выбрал для меня отец.

Словно прочитав мои мысли, Алекс наклоняется к моему уху и произносит шёпотом:

– Подарки мы выбирали с Эштоном вместе, но эту заколку он сам нашёл для тебя, а поясок я позже купил, для комплекта. Это его находка, не моя. Но главное – он всю осень работал, чтобы скопить достаточно денег для ваших подарков! – последнюю фразу отец произносит с такой гордостью, что даже задыхается!

Моей улыбки не сдержать – кажется, у меня от счастья порвётся рот!

– Ах, вот ты какой, Эштон! – слышу за спиной искусственный голос подруги! – Софья все уши мне прожужжала о тебе! Я – Кейси!

Подруга с ангельской улыбочкой тянет руку для знакомства, а Алекс спрашивает у меня глазами: «Что здесь делает эта девица?», поскольку не очень-то её любит. Я пожимаю плечами, дескать: «я тут ни при чём!».

Эштон в растерянности – судя по оставшимся двум коробкам, которые совершенно очевидно предназначены Лурдес и Аннабель, у него нет подарка для Кейси.

Кейси ловит его мысль на лету: я же говорила, даже мама завидует её проницательности:

– Самый лучший подарок в Рождество – это подходящая компания, не так ли, Эштон?

– Конечно, Кейси, – отвечает Эштон с усиленным акцентом, который надо сказать, день ото дня делается у него всё мягче и мягче.

Подруга без лишних церемоний хватает моего Эштона под руку и собирается уже увести его, но я со всей доступной мне силой наступаю ей на ногу:

– Кейси, позволь Эштону сперва раздеться!

Краем глаза замечаю поднятый кверху большой палец Алекса и его же довольную улыбочку.

Наконец, мы входим в гостиную, и все замирают, созер-

дая Эштона. Он желает присутствующим счастливого Рождества, но родственники не могут ему ответить, потому что их челюсти все попадали на пол! Виснет до ужаса неловкая пауза, и Эштон не знает уже, куда себя деть! Бедолаге настолько некомфортно от этих разглядываний, что его напряжение передаётся даже мне. Я интуитивно хватаю его за руку, и он тут же с благодарностью сжимает мою в ответ, но наше спасение в лице маман уже спешит на помощь:

– Дорогие мои, встречайте Эштона! Эштон – часть нашей семьи, просим любить его и жаловать, так же как любим и жалуем его мы!

Мама обнимает Эштона за плечи, тесно прижимая к себе, а Алекс, громко кашлянув, командует:

– Ну, чего застыли?! Поднимаемся и подходим знакомиться с моим сыном!

На мгновение воцаряется полнейшая тишина, и дядя Марк, не сдержавшись, выдаёт самые искренние свои эмоции:

– Fuck my ass, dude! How many kids've you gotta? (Чёрт возьми, чувак! Сколько у тебя детей?)

– Аллилуйя! Господь услышал мои молитвы! – тут же вслед вопит мой брат Лёшка. – Бог видел, какие страдания я перетерпел в этом бабском царстве и послал мне брата! Ну, наконец-то, колхоз «8 марта» официально можно переименовывать! Да прибудет с нами сила, мужики!

– Лёша! – шипит на брата мама, но ему не до неё, он уже

душит в объятиях Эштона!

А Эштон ни живой, ни мертвый, побледнел так, словно разом всей крови лишился!

– Эштон, Эштон! Эштон пришёл! – верещат мои сёстры и несутся нам навстречу из отцовской библиотеки, облепляют его ноги своими объятиями, повергнув родню в ещё больший шок.

Такого выражения лица у тёти Мэри я не видела ещё ни разу, и она, кажется, единственная, кто не произнёс ни слова.

– Алекс, можно тебя на пару слов? – обращается она к своему брату неестественно мягким голосом.

– Нет, нельзя – я голодный. Лерусь, твой муж безумно хочет есть! – отец обнимает маму и тащит её за стол.

– Прошу всех за стол, ужинать! – объявляет мама, и мы дружной оравой кидаемся занимать места поближе к Эштону.

Надо сказать, у меня в этом деле сноровка – обычно война идёт за право сидеть рядом с Алексом, потому что он знает тысячи невероятных историй, а если немного выпьет, то рассказывает их так, что можно инфаркт получить от смеха. Но место рядом с ним только одно, потому что второе всегда занято моей матерью, и баталии разыгрываются нешуточные.

И на этот раз заранее продуманная стратегия позволяет мне усесться по правую руку от Эштона, правда с другой моей стороны оказывается Настя, и это существенно омрачает мой триумф. Кейси каким-то чудом оказывается прямо

напротив Эштона, но огромный овал нашего большого обеденного стола в гостиной позволяет держать её почти на безопасном расстоянии.

Мама поднимается с бокалом шампанского в руке, стучит по нему своей десертной вилочкой, привлекая внимание многочисленной родни:

– Господа родственники, прошу сосредоточиться! У меня есть, что сказать в это Рождество!

Гомон бесед постепенно умолкает, и мама продолжает:

– Этот год стал для нас особенным и счастливым – мы получили от судьбы невероятный подарок – Эштона! Невозможно придумать ничего более ценного и важного, и я знаю это как никто иной, потому что только мне известно, как сильно Алекс хотел сына... Жизнь иногда больно бьёт, отбрасывая, но случаются и такие невероятные сюрпризы с её стороны! Оглядываясь назад, я благодарю судьбу за то, что она повела нас именно по этому пути, и что сегодня у нас есть возможность сидеть за одним столом с этим невероятным парнем! Честным, порядочным, трудолюбивым! Если кто не знал, то Эштон ещё и мой студент, так что мне уже очень хорошо известны и его человеческие качества! Эштон, это может показаться немыслимым, но я бесконечно благодарна твоей матери за то, что она дала тебе жизнь! И хочу выпить этот бокал за её здоровье!

Эштон встаёт, принимая инициативу, мне не видно его лица, и я уже жалею, что не села напротив, как Кейси. За

Эштоном поднимается и Алекс, а за ним и все остальные. Мы пьём шампанское, а я в недоумении: как можно посвящать тост другой женщине своего мужа? На такой бред способна только моя мать!

Но события в нашем милом семейном и совсем не тесном кругу только набирали обороты. За общим шумом никто не заметил прибытия ещё одного гостя:

– Ага! Не ждали? А вот и я! И с подарками, между прочим!

Лицо у отца вытягивается, затем приобретает то самое выражение, которое случается на нём крайне редко, и даже я, папина любимица, спешу скрыться в такие моменты куда подалее «чтобы не задело!».

На пороге гостиной во всей своей ослепительно-блистательной красе пред нами предстаёт тётя Габриель, папина бывшая жена и мать Аннабель.

– Алекс успокойся, держи себя в руках! Всё нормально, – слышу мамин шёпот.

И тут же её достаточно громкое:

– Проходи за стол, Габи! Молодец, что пришла! Подарки мы любим, так что не стесняйся, дари!

Эштон снова почти не ест – видно, у него стресс. Опять. Но от моей заботливости ему не скрыться, не поможет даже его упорное сопротивление:

– Соня, не надо! Я не голодный. Соня, перестань, пожалуйста, я не могу столько есть!

Но Алекс всегда поступает именно так с моей мамой, и я верю, что это и есть самый эффективный способ накопить человека. Кроме того, постоянные ужимки моей подруги Кейси, которые она почему-то считает флиртом, вынуждают меня тщательнее заботиться об Эштоне, пытаюсь отвлечь его внимание от моей безбашенной подруги.

– Ха! А ты знаешь, дорогуша... – громогласный голос подвыпившего дяди Марка внезапно заглушает все прочие, – какой резкий поворот переживает в данный момент моя карьера?

Дядя Марк одним быстрым движением отодвигает свой стул, поднимается и, трезвоня вилкой по маминому итальянскому фужеру из горного хрусталя, призывает общественность к вниманию:

– Dear sirs and madams! – на лице его сияет такая лучезарная улыбка, какая свойственна людям, уже слегка перебравшим алкоголя и частично потерявшим связь с собственной благоразумностью.

– Мало кто из вас знает, – вещает никогда не напивающийся дядя Марк, – что моему лучшему другу не так давно поступило предложение сняться в кино!

Мамины брови взлетают выше, чем у тёти Мэри, Лурдес хлопает в ладоши, визжа «папочка будет звездой!», а Алекс, сползая со стула, усиленно трёт пальцами свою переносицу, что означает скорую смерть дяди Марка.

– И что вы думаете?! Этот зануда отказался! Такой шанс

дарит ему судьба, а он отказывается! Так что, Лурдес, твой папочка звездой не будет, зато ты можешь рассчитывать на дядю Марка! Мне, конечно, не предложили роль сердцееда, да и на фига мне такая репутация? Я буду играть супергероя! Короче, в марте еду в Голливуд сниматься, представляешь, Лер?!

Затем, едва ворочая языком, добавляет:

– Я буду звездой!

Дядя Марк вскидывает руки к потолку, воображая себя купающимся в лучах славы, мама не может сдержать своего смеха, а папа негромко предупреждает подругу дяди Марка:

– Больше никакого виски! Ему уже хватит на сегодня!

– А зря ты не согласился в актёры пойти! – замечает мама сквозь смех.

– Ещё чего не хватало! – отвечает ей Алекс.

Эштон наблюдает за происходящим с невозмутимым лицом: ни обилие еды, ни моя навязчивая забота не рассеяли его напряжения.

– Хочешь, пойдём в тихое место и выпьем кофе или чаю? – предлагаю ему.

– Хочу! – неожиданно соглашается.

Мы завариваем на кухне две огромные чашки чая и направляемся в библиотеку, где у панорамного окна рядом с наряженной ёлкой я заранее приготовила место, чтобы уединиться и вручить Эштону свой подарок.

Мы усаживаемся на пушистый ковёр, скрестив ноги, жёл-

тый свет горящей ёлки окутывает нас уютом и делает место у окна похожим на сказку. Эштон не отрывает глаз от завораживающего снежного великолепия за окном, а я достаю из-под ёлки коробочку со своим подарком.

– Посмотри! Кажется, Санта оставил это для тебя! – говорю тихонько, и сердце мое замирает в предвкушении: понравится или нет?

На лице Эштона загорается сияющая детским восторгом улыбка, он аккуратно снимает синий бант, обёрточную бумагу, открывает коробочку, чтобы найти в ней золотую цепочку с крестом.

На мгновение я перестаю дышать, мы оба молча смотрим, как сверкает золото на ладони у Эштона.

– Это слишком дорого! – шёпотом произносит он.

– На самом деле, это мама помогла мне придумать подарок для тебя, – признаюсь. – Она сказала, что тебя не крестили, и если ты будешь носить эту цепочку, ей будет спокойнее. Моя прабабушка говорила, что если человек носит крестик при себе, то его Ангел Хранитель сидит у него на плече и охраняет от всех бед! Только я уже не помню, на правом или на левом, – признаюсь со смехом.

– Я обязательно буду его носить! – выдыхает Эштон с улыбкой, расстегивает замок и тут же вешает цепочку себе на шею.

Счастью моему нет предела!

– А ты что, правда, всю осень работал, чтобы купить нам

рождественские подарки?

– А разве правильно покупать их на чужие деньги?

– Они не чужие, – тихонько замечаю. – Алекс ведь твой отец...

– Всё равно это неправильно, – отвечает Эштон.

Внезапно дверь в библиотеку открывается, мы с Эштоном замираем: это Алекс и Габи.

– Какого чёрта ты здесь делаешь? – Алекс буквально рычит на неё.

Услышав это, Эштон тут же порывается встать, поскольку нас не видно из-за диванов, но я останавливаю его, не желая рушить наш уютный мир.

– Алекс не злись ты так! Я совершенно одна в это Рождество!

– Разве ты не собиралась на Гавайи со своим бойфрендом?

Мы чётко слышим, как тётя Габи сперва тихонько всхлипывает, затем будто захлёбывается рыданиями. Эштон снова пытается подняться, и я опять не даю ему, вцепившись в его руку мёртвой хваткой.

– Алекс, он уехал со своей секретаршей в Мексику! Представляешь, какая банальщина! С секретаршей! Этот ублюдок изменял мне!

Алекс какое-то время молчит, затем, уже совершенно иным голосом успокаивает Габи:

– Ты молодая и красивая женщина, нет нужды так убиваться из-за этого недоумка! Ладно-ладно, успокойся...

– Алекс, это на самом деле не так уж и важно...

– А что важно?

– Сколько лет прошло?! Сколько ещё ты собираешься держать меня на расстоянии? Почему я не могу быть в праздники со своей семьёй как все нормальные люди?

– Потому что бывшая жена и настоящая на одной территории – это перебор, ты не находишь?

– Лера намного адекватнее тебя! Она всё понимает!

– Лера никогда не показывает, что у неё на сердце, но мне это и не нужно, я и без того знаю, что ей больно видеть тебя в нашем доме!

– Ерунда это всё! Лере давно уже нет до этого дела, мы нормально с ней общаемся!

– Неужели? И где это вы общаетесь?

– По телефону! Если бы ты не отгонял меня как цербер от своей семьи, то мы бы давно уже подружились!

– Габи, мне кажется, ты никогда не повзрослеешь! Сейчас мы выходим, ты красиво прощаешься, говоришь всем, что у тебя дела, и больше никогда не выкидываешь подобных номеров!

– Алекс! Здесь мой ребёнок!

– Мы это уже обсуждали тысячу раз! Ты сама сказала, что так будет лучше!

– Чёрт! А что мне делать одной в Рождество?!

– Позвони сестре... Я не знаю, подружки же у тебя есть?

– Крис на вечеринке у родителей своего бойфренда, все

подруги с семьями, только я одна!

– Значит, заявись к родителям бойфренда Кристен, там, по крайней мере, нет твоего бывшего мужа и его жены!

– И ребёнка моего там тоже нет!

– Хорошо, в следующее Рождество Аннабель будет с тобой, только продумай праздник заранее, чтобы не вышло так, как выходит обычно! Поняла?

– Поняла. Алекс, можно я останусь, пожалуйста!

Кажется, тётя Габи опять плачет... и мне безумно её жалко! Но не Алексу:

– Габи, я сказал «нет»! Нет, это значит «нет»! Всё, нацепляй свою фирменную улыбочку и постарайся быть убедительной!

Дверь открывается и тут же захлопывается. Мы с Эштоном сидим некоторое время в тишине и неловкости.

– Подслушивать подлю, – заявляет в итоге Эштон с недовольным лицом.

– Согласна. Но мы первыми заняли библиотеку...

– Надо было уйти... Неприятная сцена.

– Тебе её жаль?

– Очень. Моя мать тоже сегодня одна.

Мне нечего ответить и хочется плакать, но вовсе не по причине жалости к отцовским «бывшим» – наш счастливый тет-а-тет нарушен, атмосфера уюта и тепла утрачена безвозвратно!

Чай больше не пьётся, разговор не клеится, и мы решаем

вернуться к гостям. Однако в гостиной уже пусто и только мама с Эстелой убирают тарелки со стола.

– А куда все подевались? – спрашиваю.

Мама бросает на меня недовольный взгляд:

– А вы где были?

– В библиотеке.

Мама рисует бровями удивление, и я чувствую исходящее от неё напряжение.

– Чай пили, – уточняю.

– Чай – это хорошо! А мы вот только с ужином закончили.

– Давай помогу с уборкой?

– Да мы с Эстелой и сами управимся. Народ вон весь на нижней террасе в снежки рубится. Девчонки уже дважды за сменой перчаток прибежали! Идите и вы на воздух с Эштоном!

– Я бы с удовольствием! – отвечает Эштон с улыбкой. – Пойдём?

– Мне переодеться нужно... И тебе папин батник какой-нибудь найти, а то снова заболеешь!

– Не заболеет, у него уже иммунитет! А если в снежки играть – никогда в жизни не замёрзнешь! – отец вернулся из гаражей, уже выпроводив, по-видимому, Габриель.

Забрав из моих рук тарелки, он с подозрительной настойчивостью предлагает:

– Твой брат на пару с Настей развернул настоящую Бородинскую битву на террасе! Надо срочно вмешаться и хоро-

шенько отделать этого Наполеона, так что переодевайся, бери Эштона, и покажите «класс»! Сёстрам помощь нужна!

Во мне моментально вспыхивает азарт, я подбегаю к Алексу, чтобы чмокнуть его в щёку, но прежде, чем успеваю сделать это, в стекло гостиной с громким хлопком врежется крупный комок снега.

Далее происходит нечто странное: отец вздрагивает так, словно его больно ударили, и цепенеет с перекошенным лицом. Он выглядит настолько странно, что мне даже страшно подходить к нему. Но это и не нужно, для этого есть другой человек: мама уже рядом с ним, прижимает его голову к себе и шепчет прямо в ухо:

– Я здесь! Всё хорошо! Я с тобой! Я рядом! Я живая и всегда буду с тобой!

Смотрю на Эштона – у него шок: глаза по блюдцу, губы сжаты в напряжении, руки вцепились в спинку стула. Мы с ним оба понимаем, что стали свидетелями того, что видеть нельзя: отцу плохо. Почему, не знаю даже я: мне рассказали многое, но не всё. Однако я помню, что творилось с Алексом, когда мама чуть не умерла в больнице после нападения.

Сегодня моя мама жива только благодаря Алексу, он буквально вытащил её «с того света», и это одна из тех тысяч причин по которым я так безумно люблю его и уважаю. Но тогда... Тогда все думали, что он сошёл с ума – его действия и слова не вписывались в рамки нормальных людей. Алёша говорит, что Алекс выглядел жутко... Настолько жутко, что

нас с сёстрами даже не возили в ту больницу. Очень долго не возили. И когда я впервые его увидела – он приезжал навестить нас к тёте Мэри пару недель спустя, когда мама потихоньку оживала – я с трудом узнала его: он стал седой, худой, бледный и ... безжизненный. Как будто тело осталось, а души нет. Он улыбнулся тогда, обнимая меня, и я поняла, что душа на месте, просто очень измучена, словно тяжело переболела. И так страшно было видеть его таким внезапно состарившимся!

И в этот момент, глядя на то, как мама приводит его в чувство, напоминая, что она рядом, я понимаю: есть внутренние, душевные раны, которые не заживают и не заживут никогда.

Беру за руку Эштона и увожу его. Он молчит, не спрашивает ни о чём, и я ему благодарна – у самой ком в горле от нахлынувших воспоминаний. В таком состоянии я всё равно ничего толком ему не смогу объяснить.

Когда мы, уже переодетые, возвращаемся в гостиную, стол накрыт к чаю, Эстела хлопчет над вазочками со своим печеньем, а мама гладит волосы Алекса, положившего голову ей на колени и вцепившегося одной рукой в её щиколотку. Я знаю этот его неуловимый для других жест – часто замечала, что отец всегда старается сохранять физический контакт с матерью. Как-то мама шутила, рассказывая, что он даже во сне всегда держит её за ногу, чтобы не сбежала. Мне тогда было лет десять, и я решила проверить, не врёт ли мама,

разве можно всю ночь держать человека за ногу? Оказалось, можно. Правда держит – за щиколотку. И держит до сих пор.

– У вас всё в порядке? – спрашиваю.

– Всё хорошо, Соняш! Развлекайтесь! – отвечает Алекс, поднимаясь с материнских колен, и я снова замечая тот самый, невидимый для всех остальных, жест: он отпускает её щиколотку, но тут же его пальцы оплетают мамино запястье.

Безумная история любви родителей Алекса и Леры в книгах: Моногамия и Моногамист

Глава 11. Снежки и поцелуи

Tom Cochrane & Red Rider – Boy Inside The Man

А во дворе настоящее сражение! Вся родня без исключения в возрасте до двадцати пяти лет с мокрыми штанами и красными физиономиями пытается подбить глаз моему брату Лёшке, который пребывает в настоящем эмоциональном угаре, давая имена всем своим бомбам, минам и ракетам, которые, чего не отнять, все до единой попадают в цель. И ведь не скажешь, что этому парню двадцать пять лет! И для меня загадка: где он натаскался такой меткости, если снег в наших краях – это настоящее чудо? Вспоминаю, что братец половину своей жизни играет в водное поло, и почти отчаиваюсь добиться справедливости в этом бое.

– А твой брат – молоток! – подмигивает мне Эштон. – Но мы его всё равно подобьём!

– И не надейся, он годами нападающим играл в водное поло – каждый день тренировки! Это бесполезно!

– На войне решающую роль играет не меткость!

– А что?! – интересуюсь с недоверием.

– Стратегия!

Не успеваем мы занять оборонительную позицию, как в мою руку попадает снаряд.

– Эй, полегче! Я ещё не окопалась! – кричу брату.

– На войне, как на войне, сестрёнка! Победители не щадят

презренных! – с этими словами брат залепляет своим снежным снарядам Лурдес прямо в шею.

– Ну, ты и козел! – вопит сестричка по-русски. – Он же холодный!

– Долой всякую шелупонь с поля боя! А ну, кто на «Я» осмелится боем пойти?

Я вопросительно смотрю на Эштона, ожидая героических мужских движений, однако мой однополчанин и не думает шевелиться. «Вот же трус!», – думаю про себя. А вслух со всей доступной мягкостью сообщаю:

– Я же говорила, он непобедим в этом состязании!

Эштон только усмехается, продолжая наблюдать за происходящим.

Пока я леплю снаряды, стоны и крепкие словечки подбитых не перестают скрашивать наш Рождественский вечер. А Эштон всё наблюдает... Но на этот раз я замечаю едва различимую улыбку на его красивых губах и хитрый карий взгляд – в его голове явно зреет какой-то план.

Алёша попадает Настиному бойфренду прямо в голову, тот орёт:

– Fuck, fuck you fucking ass! I gonna kill you Russian bastard! (Чёрт тебя побери! Я убью тебя русский засранец!)

– И не мечтай, подлый янки! Мы французов под Москвой били! Мы Гитлера замочили, и вас, слабаков, замочим! – с этими словами мой брательник залепляет белую мину прямо в глаз Эндрю. В этот момент Эштон в какую-то долю секунды

выскакивает из-за своего сугроба, и его снежок со снайперской меткостью летит моему брату в череп. Но Лёха, конечно же, отбивает снаряд открытой ладонью, иначе не бывать ему лучшим нападающим среди юниоров в сборной Сиэтла столько лет подряд! Я сияю от гордости за брата, пока тот во всю глотку орёт:

– Ах ты подлый французишка! И ты на русского богатыря войною идёшь! Эх, и не учит вас, недоумков, история!

И брат мой единокровный запускает два снаряда подряд, Эштон, само собой, уворачивается от своего, а вот я... А я так и стою с лицом, всем залепленным противным холодным снегом.

Мне так обидно, что не передать словами: это, конечно, игра и притом честная, но как же, блин, больно и неприятно! Снежная каша, обжигающая мою кожу, проникла, кажется, даже за пазуху! Я стряхиваю снег, всхлипывая, а Эштон помогает мне, приговаривая:

– Ну, ты чего так расстроилась? Это же просто игра!

– Больно! – честно признаюсь ему.

Эштон выламывает из стоящего рядом куста длинную палку, привязывает к ней свой белый шарф и поднимает над нашими головами:

– Эй ты, русский типа ниндзя! Как насчёт того, чтобы ввести правила?

Думаю, Армани понятия не имел, что его шарф будет голубем мира. Пусть и временного.

– Никогда ещё русскому богатырю «Хранцузия» правил не диктовала! Запомни это, мальчик! И книжку себе по истории купи!

– Окей, книжку куплю, но в современном цивилизованном мире мы иногда садимся за стол переговоров! Может, ваш непобедимый и грозный «Я» хотя бы попробует выслушать?

– Слабаки! – орёт Настя из Лёхиного окопа, – никаких переговоров, все вы будете нашими рабами!

– Я предпочитаю вассалов! – возражает ей мой брат.

Эштон, смеясь, продвигает дипломатическую линию:

– Я вот что предлагаю: уже почти стемнело, девочки замёрзли, и нам нужно определить победителя.

– Мы с Алексом победители, ты что, не понял ещё что ли? – опять орёт Настя, привыкшая величать моего брата Лёху Алексом, что совсем не правильно. – Нас ни разу не подбили!

– Так и меня ни разу даже не задело! – тут же парирует ей Эштон.

– Это потому что ты трус и в окопе сидишь! Позорище! В нашем роду таких ещё не было!

Последние слова Насти неприятно задели Эштона, я это сразу увидела по перемене в его взгляде и исчезнувшей улыбке.

– Хорошо, пусть так. Алексей, я предлагаю вот что: играем на выбывание, считаем только попадания в голову пар-

ням. Девочек выбиваем только целясь в корпус, за попадание в лицо стрелок считается убитым. Что скажешь?

– Идёт, – тут же отзывается мой брат.

– Согласен на поблажки женщинам, они, правда, хорошо уже подмокли, – подаёт голос Эндрю из-за своей ёлки.

– Но у меня условие! – у моего брата всегда нескончаемый поток идей. – Победитель раздаёт пинки под зад всем побеждённым, кроме девочек! Будем считать это данью!

– Окей! – соглашается Эштон, снова улыбаясь.

Подзывает меня знаком:

– Какое минимальное расстояние тебе необходимо, чтобы сделать меткий бросок?

– Метров 5-7 – не больше. Я не очень меткая.

Эштон вздыхает, думает какое-то время, затем посвящает меня в свой план:

– Пробирайся как можно более незаметно вон к той ёлке, видишь её?

– Да.

– Спрячься за ней и жди, пока я не подам знак.

– Какой?

– Эммм, я просто громко крикну: «Алексей – трепач!».

– Тебе это дорого будет стоить!

– Посмотрим ещё! Как только услышишь это, выбегай из-за своей ёлки и двигайся в сторону бассейна. Как почувствуешь, что точно можешь попасть – запускай снаряд, поняла?

– Поняла. Только ты ори вот что: «Лёха – косой, набитый

колбасой!» Запомнил?

Эштон повторяет раз десять русскую фразу, пока она буквально не отлетает от его зубов.

– Слушай, а что это значит? – внезапно интересуется.

– Не бойся, ничего ужасного, но Лёха бесится жутко! – сообщаю с невероятным удовольствием.

– Ладно, сейчас я попробую выбить Эндрю, а ты не высовывайся, поняла? На тебе вся миссия завязана!

– Поняла.

– Отлично.

Спустя двадцать минут на поле боя из выживших остаёмся только мы с Эштоном и Лёха с Настей. На счету обоих снайперов примерно равное количество жертв, и Лёха уже не так весело вопит свои кричалки.

– Давай, пробирайся к месту диверсии, – получаю команду.

Как только я выдвигаюсь ползком из нашего сугроба, Эштон пульей вылетает из-за него же, метая снежки в Лёху, и несётся в сторону, противоположную от моей ели. Офигевший брат начинает обстрел, но поздно: Эштон уже в другом окопе, в опасной близости к нашему Наполеону.

– Лёха!

– Чего тебе?

– А ты не трепач? – интересуется, смеясь, Эштон.

– А ты не офигел ли, шпана мелкая?! – вижу, что брат мой начинает злиться.

– Может, и шпана! – отзывается Эштон с подозрительной иронией. – Главное, чтобы наш герой трепачом не оказался и не получил бы пинок под зад!

Народ на поле битвы начинает ржать, и я чётко вижу, что Эштон моего брата УЖЕ вывел из равновесия.

– Это от тебя, что ли, детсад? Молоко вытри с подбородка, Бэмби!

– А если и от меня? – с этими словами Эштон бросается на открытое, ничем не защищённое пространство.

– Вот ты дурак, Эштон! Тебе конец! – пророчит во всю глотку Эндрю, давясь от смеха.

– Он не дурак! Он гордый камикадзе! – возражает ему Дерек, Настин бойфренд.

– Эштон! Завали его! – пищат хором Кейси, Аннабель и Лурдес, и в этот момент я люблю сестёр самой нежной любовью.

Внезапно слышу наш позывной: «Лёха – косой, набитый колбасой!» Просто кошмарный акцент Эштона вызывает непередаваемую бурю эмоций: народ ржёт так, что никаких комиков не надо! А брат мой слегка так багровеет...

Покидаю свою ёлку, бегу что есть мочи куда условлено, и каково же моё удивление обнаружить, что брат понятия обо мне не имеет, да ему, кажется, вообще нет никакого до меня дела! Вся его багровая злость и внимание сосредоточены на выскочке Эштоне! А меня, похоже, никто даже и соперником не считает! На расстоянии «прямо перед носом» Лёха,

наконец, замечает меня, но поздно: моя рука уже совершила свой судьбоносный бросок! Вымученный долгим ожиданием, а оттого намертво слепленный снежный не то что ком, а вообще сугроб, благополучно прилуняется на ясный лик моего единокровного брата, залепив ему всю физиономию, подло проникнув за шиворот и, кажется, даже за пазуху...

На какое-то мгновение на поле сражения воцаряется смертельная тишина, брательник одним медленным движением снимает с лица свой позор, смотрит в мои глаза своими ангельски синими и дьявольски злющими:

– Ну всё, Сонька! Прощайся с жизнью! – с этими словами он срывается с места, а я не жду – спасаюсь, потому что знаю, чем чревата угроза – он точно закопает меня в сугроб, а я это жечь как не люблю!

Лечу с нечеловеческим визгом от рассерженного поражением Бонапарта, слышу свист, смех, чей-то крик:

– Лёха, так не честно! Подставляй Софье зад!

Внезапно обнаруживаю себя в тупике – на площадке за бассейном, огороженной от следующего далее обрыва к морю толстым стальным поручнем. Тут же торможу, но манёвр нарушает мою устойчивость, в одно мгновение мой чемпионский зад шлепается на невероятно скользкий под снегом мрамор, и прежде чем мой мозг успевает что-либо сообразить, я вылетаю с террасы, снайперски проскочив между поручнем и подлым гранитом...

Haux – the river song

И я под ёлкой. Почти по плечи в сугробе. Не передать словами, как стонет моя задница, и горят исколотые еловыми ветками щёки!

Шок, боль и обида вольным потоком тут же хлещут из моих глаз...

Вижу над собой тень – мужская фигура одним тарзанским прыжком перемахивает через предавшую меня ограду и плюхается рядом со мной в сугроб.

– Ты цела? Не ушиблась? Голова болит? Руки? Ноги? Спина? – это Эштон.

Я отрицательно мотаю головой, и по какой-то неясной причине голос этого парня, вопросы, которые он задаёт с бесконечной тревогой, вызывают во мне новую бурю эмоций, и я рыдаю...

Эштон тут же прекращает меня трясти и щупать, и ... и я впервые в жизни слышу его невыразимо красивый французский:

– Mon Dieu, comment tu m'as effrayé, Sophie! Dieu merci, tu va bien! (Господи, как же ты напугала меня, Софи! Слава Богу, с тобой все в порядке!)

У него такие крепкие, большие руки...

Эштон резко притягивает меня к себе, его пальто распахнуто, и моё лицо оказывается плотно прижатым к тонкой ткани белой рубашки, нежно пахнущей его туалетной водой и чем-то ещё... Это «что-то» настолько приятное, терпкое... Оно погружает меня в очень странное состояние и вызывает

в моём невинном теле уже знакомые реакции... Я ощущаю щекой крепкую как камень мышцу его груди и слышу ускоренный раз в сто сердечный ритм: бух, бух, бух...

Мой мозг в эти мгновения не способен понимать что-либо, но звук, который я слышу, прекраснее самой гениальной музыки, запахи, ласкающие мои избалованные рецепторы, вызывают во мне такой ответ, какой не под силу даже самому изысканному и дорогому аромату...

В моём сознании происходит мощный сдвиг, чувства обнажены и опасны как провода высоковольтной линии, по моим нейронам одним нескончаемым потоком идёт цепная реакция со скоростью, ещё не описанной ни одним законом физики...

Я закрываю глаза, чтобы услышать тихий, но чёткий голос своей души: ЭТО ОН! И ни одна моя клетка, ни один мой атом не имеет намерения с ним спорить...

– Да всё нормально, Эштон! Там ёлки и кусты растут не просто так! Твой отец не строит дома, опасные для жизни! – вещает голос моего брата, повисшего на стальном поручне над нашими с Эштоном головами.

– Расслабься парень, здесь нельзя ни покалечиться, ни убиться! Блин, у него губы белые, Лёш! Тащи валерьянку! – стебётся Эндрю.

Но я знаю: за этими бестолковыми шутками и напускным спокойствием они оба прячут свой испуг. Всё-таки я могла не так удачно приземлиться! Или приснежиться?

Эштон немного ослабляет хватку, и я слышу уже не такой прекрасный его французский:

– Putains de connards! (Чёртовы придурки!)

– Да ладно тебе, Эш, всё ж обошлось! – мой брат знает «франсе» не хуже, чем я. – В нашей семье всегда всё кончается хорошо! Выбирайтесь оттуда! Совсем стемнело, сейчас будем фейерверки запускать!

Оба исчезают, но через пару мгновений луноподобная физиономия брата возвращается с сообщением:

– И это, сестра, не хочу огорчать, но своим эпическим полётом «над гнездом кукушки» ты лишила себя права пнуть меня под зад!

– Почему это?! – отзываюсь.

– Да потому, сестрёнка, что уговор был на пинок от победителя, а не от белки-летяги! Так что прими мои глубочайшие сожаления и искреннее сочувствие, но зад мой такого позора не потерпит!

– Сволочь лживая! Нечестный редиска! – ору на русском, чтобы у Эштона уши в трубочку не свернулись.

Неожиданно чувствую, как объятия единственного достойного мужчины снова делаются плотнее, и с глубоким вздохом его подбородок опускается на мою макушку. Но с места мы так и не сдвинулись – оказывается, в этом сугробе не только мне так уютно и спокойно.

А вы замечали, что под ёлкой всегда так сказочно! Хочется тихонечко лечь под неё и ждать чудес...

Вдруг Эштон хмыкает, его рука копошится в моих волосах какое-то время, и через мгновение на моей ладони оказывается фиолетовая бабочка из блестящей фольги, затем розовая, за ней жёлтая и снова фиолетовая.

– Забавно, – слышу немного хриплый голос Эштона у самого своего уха, – в тот день, когда мы с тобой развешивали гирлянды и хлопали хлопушки вокруг этих ёлок, мне приснился очень странный сон...

– Какой?

– Твои длинные волосы и в них стаи фиолетовых бабочек, только... не хлопушечных, как эти, а настоящих! Представляешь?! Словно я знал, что ты свалишься под эту ёлку! В тот день я ещё подумал, что это место, у борта вашего бассейна, небезопасно.

– Оно и было таким: тут были обломки скалы и валуны, пока Алекс лет пять назад не накрыл тут все грунтом и не посадил ёлки с кустами...

Мы молчим некоторое время, потом Эштон едва слышно и снова на своём языке задумчиво признаётся:

– Как будто знал, что ты свалишься в этом месте... или кто-то другой...

– Или кто-то другой, – повторяю его слова.

London Grammar – Non Believer

Внезапный, безобразно громкий хлопок взрывает окружающую нас тишину, и тёмное небо освещается заревом золотого фейерверка. Сразу же за ним ещё один и ещё, зал-

пы сменяются один за другим, раскрашивая небо над нашими головами огненными цветами, замысловатыми узорами, волшебными кружевами.

Ёлка, приютившая нас, загорается голубыми огоньками, развешанными нашими же с Эштоном руками ещё месяц назад, и я внезапно ощущаю себя в самой настоящей сказке... Разворачиваюсь немного, чтобы взглянуть на Эштона, и нахожу на его лице восторг, похожий на мой собственный. В его глазах впервые нет ни тени холодности, ни озабоченности, ни обременённости тяжёлыми внутренними мыслями, и я понимаю, что в это мгновение он так же безгранично и безусловно счастлив, как и я, забыв все свои огорчения, если они когда-либо у него были.

Я вижу, как в его тёмных выющихся прядях играют цветные яркие вспышки, замечаю капли растаявшего снега на его нежной коже, ресницах, завитых кончиках мальчишеской чёлки, вспоминаю, как гулко билось его сердце, испугавшись за меня, и внезапно ощущаю себя самым счастливым, самым везучим, самым влюблённым существом на планете...

Контур его по-детски приоткрытых губ внезапно становится для меня соблазном, перед которым ни одно благоразумие не может устоять, и я сама не замечаю, как мои собственные легко трогают их в самом невесомом и самом невинном поцелуе из всех возможных...

Несколько сладких мгновений мы соединены моим неж-

ным касанием, но Эштон замирает, и страшный жгучий стыд медленно разливается по моим венам... Я опускаю голову, жар приливает к моим щекам, тяжесть разочарования так велика, что мне кажется, я умру под её весом.

Бесконечные взрывы фейерверков над нашими головами более не интересны ни одному из нас, Эштон тоже опускает голову, и его губы упираются в мою щеку... Спустя ещё мгновение они скользят по ней до подбородка, целуют его, затем нежно трогают мою нижнюю губу, переключаются на верхнюю, и я медленно схожу с ума. Эштон раскрывает свои губы шире, обхватывая мои с такой жадностью, словно его аппетит набирает силу с каждым касанием, каждым моим вздохом, смешавшимся с его выдохом.

Время внезапно останавливает свой ход в измерении моей личной Вселенной, яркие цветные вспышки фейерверка раскрашивают волосы Эштона своим волшебным светом, и из-за них мне совсем не видно его лица, но в эту секунду моей жизни, в это самое важное в ней мгновение я вдруг понимаю, что он и есть «тот самый»... именно он! И никто другой никогда не сможет заменить его, восполнить потребность в его касаниях, шоколадном и невыразимо умном взгляде, такой многословной молчаливости, едва заметных сдержанных улыбках, но главное, самое главное – в его таких крепких, уверенных, надёжных объятиях.

Это был первый в моей жизни поцелуй. Самый первый, самый волшебный, самый трепетный поцелуй!

Никогда не думала, что губы мужчины могут быть такими нежными, не чересчур мягкими и не слишком жёсткими, не влажными и не сухими, а такими, каждая ласка которых отдаляет тебя от твоего собственного рассудка, от страха, растерянности, неуверенности в себе... Ты словно паришь на необъятных белых крыльях в небосводе своих чувств и эмоций, облака щекочут твои ступни, ты улыбаешься блаженной улыбкой и наивно не догадываешься, что всё это не навсегда, это лишь мимолётное мгновение, настолько быстрое, что останется в памяти быстро гаснущим следом кометы, по имени Любовь...

И это губы мужчины... Не мягкие материнские, не ласковые отцовские, не нежные поцелуи сестёр. Это губы, дарящие волшебство, разгоняющие чувственность, насыщающие тело и душу пёстрыми разливами эмоций. Любовных эмоций.

Он настойчив, но не слишком, он нежен, но и дерзок в то же время, он ласкает, жадно поглощая меня, а я лишь женщина в его руках, покорная, податливая, любящая.

Ещё никогда в своей жизни я не ощущала себя такой умиротворенной, защищенной, спрятанной от всех невзгод и тягот в самом центре планеты, имя которой «любовь мужчины»!

В ту секунду мне казалось, что наш поцелуй – это апогей всех моих ожиданий и желаний, что с него и начнётся мое бесконечное, но простое счастье любви с тем самым челове-

ком, которого все ищут, многие ошибаются, некоторые даже гибнут в поисках, но большинству так и не удаётся его найти.

Я не знала тогда, в свои юные шестнадцать лет, как огромны были мои ожидания, ведь мальчик, так сильно похожий на своего отца, вовсе им не был. А Алекс, мой отец и мой отчим, купал в своей любви мою мать так, что она иногда захлёбывалась собственным счастьем. И мне хотелось так же! Я и не представляла себе, что отношения между взрослыми мужчиной и женщиной могут быть иными: менее нежными, менее преданными, менее страстными.

В тот безумно красивый, созданный семейным счастьем и любовью праздник мне было невдомёк, что у судьбы на мой счёт имелись совсем другие планы.

Глава 12. Разговор Алекса и Леры об Эштоне (Бонус к Моногамии)

SYML – God I hope

José González – Stay Alive

Смотрю на своего благоверного и тихо себе завидую: весь мой, целиком и каждой своей клеточкой в отдельности. Красивый до изнеможения, неправильный, неидеальный, наломавший дров, так сильно обидевший меня, так больно терзавший, но ... но такой родной!

Лежит себе и балдеет на нашей брачной постели... Именно брачной! Вот же фетишист-затейник... Любит, чтобы всё правильно было, всё по полочкам: чтобы дом большой и уютный, чтобы спальня только такая, как мне нравится, и чтобы любовью заниматься на ней, а не сексом! Признался совсем недавно, что самый большой кайф для него, это когда мы дома. Я, конечно же, возразила, что правдой это никак не может быть, мужчины тянутся к разнообразию – научно доказанный факт! И если уж и приходится с одной и той же самкой... простите, женщиной, то уж хотя бы в разных постелях... Ну, в другой обстановке. За самку получила выговор и следующее глубокомысленное утверждение:

– Первобытный мужчина чувствовал себя если не в полной, то хотя бы в относительной безопасности в своей пещере. Мы ж тоже боимся, просто не признаёмся вам, жен-

щинам, нам же нужно держать лицо! А так... тоже страшно. Вдруг тигр неудачно нападёт и ногу откусит, или там мужик из соседнего племени, пошире торсом и кулаком покрепче, возьмёт да и утащит самое дорогое в свою пещеру?! А пока ты дома, то есть в пещере, можно и расслабиться. А если сюда ещё и сладенькое добавить в виде любимой женщины в брачную постельку... Ммм – весь кайф!

– Вот уж не думала, что вы такие «бояки», на самом деле!

– Ещё какие. Беда может в любой момент заявиться! Вот Артём твой прохлопал тебя... И я этого боюсь! А вдруг явится такой весь из себя Алэн Делон, понравится тебе и...

– И выкинет такой же фортель как ты?

– Именно! Ты даже не представляешь себе, как это страшно! А пока ты в брачной постельке живёшь полной жизнью, риски стремятся к нулю!

– Ну ты и теорию развёл, дорогой! Во-первых, Делону до тебя как до луны, а во-вторых, он же дед старый уже!

– Так и я не молодой.

– Тоже мне немолодой! Сколько тебе? 45? Какие твои годы! Мужчина в самом расцвете сил, как Карлсон! И потом, даже молодые не начинают каждое утро с секса.

– С любви.

– Секса!

– С любви!

– Ладно. Уступлю. Я же женщина, мне положено уступать.

– То-то же. Не забывай об этом.

Загибает одну свою руку за голову, вторую небрежно кладёт на собственный живот, лежит так какое-то время, разглядывая меня с улыбкой, которая из мягкой как-то незаметно трансформируется в подозрительную.

– Мне не нравится, как он на тебя смотрит.

– Кто?

– Ты знаешь.

– Не знаю!

– Всё ты знаешь, и всё замечаешь. Думаешь, пройдёт у него это?

– Пройдёт.

– Если он полезет к тебе, я убью его.

– Что ты несёшь, Алекс?! Ну вот серьёзно? Как ты можешь такие вещи говорить о своём ребёнке?! О сыне своём!

– Мне плевать, кто он и кем мне приходится, если он пялится на мою жену.

Спустя время и со вздохом:

– И он моложе...

– О Боже, очередная дурь в твоей голове! И где мне брать силы, чтобы всё это терпеть? Ты со своей ревностью задолбал уже!

– Это от ущербности, ты же понимаешь. Чем старше я становлюсь, тем сильнее страх, что ты переключишься на молодого. Вот ты возишься с моим коленом каждый вечер, трастишь уйму времени чтобы приготовить все эти компрессы, потом наложить их, потом посидеть со мной, и очки ещё эти

идиотские... На его фоне я чувствую себя... развалиной!

– Нет, ну ты совсем сдурел, честно. Ревновать к собственному сыну! У тебя, видать, сегодня вместе со спермой часть мозга вытекла.

– Фу!

– А про сына такие вещи жене говорить не фу?

– Определённо выглядит отвратительно, но от факта не уйдёшь – он от тебя глаз не отводит. Я вначале думал, позлить меня хочет, а теперь понял: нет, он просто залип так же, как и я. Ты представляешь, что его ждёт, если он такой же моногам! Я тебя не отдам! Сразу предупреждаю! Убью его!

Смотрю на своего мужа в отражении зеркала, ищу подвох, и, конечно же, нахожу: в улыбке, в расслабленной позе, в транслируемом спокойствии и полнейшем комфорте.

– Ты издеваешься да? Не пойму только, зачем разыгрываешь весь этот спектакль, Отелло!

Расплывается в широченной улыбке:

– Помочь тебе хочу!

– В чём?

– Душу облегчить! Ты же хочешь спросить, как всё прошло, как она выглядит, о чём мы говорили, и как вообще вышло, что Эштон мог родиться в то время, когда у нас с тобой такие страсти кипели. Давно хочешь! По глазам вижу, по жестам, в молчании твоём слышу все эти вопросы. Но ты ведь не спрашиваешь. Молчишь и мучаешься. А зачем? Просто спроси меня! И я отвечу на каждый твой вопрос.

Чёрт... Никогда не выходите замуж за слишком умных мужчин! У моего вот обнаружился восемнадцатилетний сын... И конечно, встреча с его матерью была неизбежной. Нет, я в нём уверена на все двести процентов, жизнь научила доверять и не оглядываться и всё такое, но... Но он ездил к ней сам, он был у неё дома, на её территории... И она ведь когда-то соблазнила же его... А если учесть пунктик по поводу предохранения, сам факт рождения Эштона уже очень о многом говорит.

– Как она выглядит? – тихонько спрашиваю.

– Иди ко мне!

– Ты сказал, ответишь...

– Конечно, отвечу, но сначала обнять хочу и прижать к себе!

Послушно иду к нему, лезу в нашу постель.

– Вечно ты торопишься одеться, никогда не даёшь налюбоваться на тебя! А потом ругаешься, что у меня прелюдии слишком медленные и ты на работу опаздываешь... А как иначе? Мне же насмотреться нужно! – улыбается и целует моё лицо.

– Так что там с нашей... темой?

– Ужасно она выглядит. Жизнь её измотала и жутко осознавать, что частично по моей вине.

– Почему о сыне не сказала тебе?

– Банально не знала как. Я уехал, не оставив ей никаких данных о себе.

– А Марк?

– А Марк тоже, хоть и позже. Так неудачно вышло всё это... Для неё. Они виделись в общей компании незадолго до его отъезда, но она ничего не спросила у него, потому что ждала, что я сам ей позвоню. А потом, через месяц, когда узнала, что беременна, уже и спрашивать было не у кого – и Марк уехал, а он нарочно свои координаты никому никогда не давал. В принципе, я так же поступал, не поверишь, от них бывало не отделаешься, но вот Амбр... С ней как-то иначе всё было с самого начала. И я бы оставил ей свой номер телефона американский, если бы она попросила, но она... предпочла гордо ждать моего шага. Потом было не до гордости: ребёнок родился с проблемами, очень деньги нужны были, а как найти меня, она не знала.

– С проблемами?

– Да, он крупным был, ей вовремя операцию не предложили и пока доставали, вывихнули бедро, ручку тоже повредили, но не так страшно. Но главное – у него асфиксия была, достаточно серьёзная. Это привело к проблемам впоследствии. С речью. Как у Алёши примерно. Она сказала, он до четырёх лет молчал, и некоторые специалисты даже подозревали аутизм. На самом деле, мне было страшно всё это слушать, Лер. Страшно и стыдно, потому что это моя ответственность и обязанность быть рядом с женщиной, с матерью моего ребёнка, да и вообще... Это была очень тяжёлая поездка, Лерусь. Я всё ждал, когда же ты спросишь, чтобы

выговориться, потому что камнем всё это лежит на сердце. Я очень виноват перед ней. И перед сыном, конечно, тоже.

– Алекс, он таким парнем достойным вырос... Я же всё замечаю, кто, с кем, кого, они же все как на ладони у меня. Его все хотят! Как и тебя! Ты передал ему это...

– Если б мог, не передавал бы.

– Но он справляется совершенно иначе! Я вижу, что понимает и свою привлекательность, и то, как девочки выются... Выются, но не вешаются. Боятся его. На лекциях один сидит. Сколько раз видела, как девчонки подсаживаются, он на ухо что-то шепнёт, и их как ветром сдувает. Теперь даже не садятся, говорю тебе, побаиваются его.

– Может он гей? Странно это...

– Ты только что ревновал меня к нему!

– Да я просто прикалывался! Но он глаз с тебя не сводит – это факт. Я ещё не начал париться, но скоро уже начну.

– Он точно не гей. Девочек зажимает иногда, то в столовке, то в коридоре. Но меня заботит отсутствие сердечных привязанностей и нежности к противоположному полу. Он их просто использует, Алекс. Это плохо, я считаю.

– Это он за меня мстит! – заявляет, улыбаясь.

– Зря ты так шутишь. Мне пришлось стать свидетелем неприятной сцены в библиотеке. Я в стеллажах копалась, и он просто не заметил меня, поэтому я увидела всю его жестокость. Он жестокий, Алекс, очень.

– Рассказывай.

– Девочка рыдала. Влюбилась сильно, это видно. Смотрит на него, как на Бога, а он – ледяная глыба. Выслушал все её мольбы и просьбы молча, ни слова не произнёс, а потом просто сказал «ты мне не интересна» и ушёл. Я успокаивала её полчаса, так жалко девчонку стало, своя вон такая же точно есть! Соня, похоже, тоже по уши...

– Я знаю, и это меня СИЛЬНО беспокоит! Я уже поговорил с ним в Рождество, расставил все точки. Он к ней не сунется, не переживай.

– Алекс, кто его знает, а в праве ли мы вмешиваться? Как бы дров не наломать.

– Девочки в Сонином возрасте влюбляются по несколько раз в год, всё пройдёт у неё. Главное от Эштона убережь, он способен сильно ранить её, я это чувствую. Вот знаешь, прямо ощущаю исходящую от него угрозу. И мне тяжело, потому что, с одной стороны, сам должен ему много и обязан хотя бы сейчас во всём помогать, но с другой, Соня... Ты знаешь, кто Соня для меня.

– Знаю. У вас коннекшн с её двухлетнего возраста.

– Раньше. Я на фотки её младенческие любовался часами, у меня их много было. Представлял себе, что это мой ребёнок, из-за цвета волос... Ты же светлая.

– Артём тёмный...

– О нём я вообще предпочитаю не думать.

– А откуда фотки у тебя были?

– Ты что-нибудь о детективах слыхала?

– Да ладно!

– Я же говорил тебе, что всегда держал руку на пульсе. А вдруг бы у тебя беда случилась? А вдруг бы помощь моя нужна была?

– Это больше похоже на прикрытие.

– Нет, это правда. Я все те пять лет чувствовал себя ответственным за тебя и Алёшу. Я вас семьёй с самого начала воспринимал. Не было ни единого дня, в котором ты была бы любовницей. Я тебя женой своей всегда считал, можешь смеяться, конечно.

– Да я не смеюсь, ты просто глупости говоришь такие! Какой женой?

– А кем ещё? Штамп в паспорте делает пару мужем и женой перед людьми, а реально брак заключается, когда в голове и сердце появляется абсолютная уверенность в том, что это именно тот человек, с которым хочешь по жизни до самого конца идти. Что это он приедет однажды спасать тебя, не побрезгует онкологией, и не пожалеет оторвать месяцы от своих детей только чтобы спасти тебя. Что будет возиться с твоим стареющим коленом, выпрашивая у сестры настойку через пол планеты. Я ведь не ошибся с выбором, теперь ты понимаешь?

– Ты тоже со мной повозился, помнится...

– Я сам наломал дров, по моей вине с тобой случилось то, что случилось.

– А если бы не по твоей? Сиделку нанял бы?

– Конечно, нет! – целует в макушку. – Вот поэтому я и говорю, женой тебя видел с самого начала! Только женой и больше никем!

Hollow Coves – These Memories

После обеда мы вылетаем в Европу, в Италию, по плану – Рим и Флоренция. Это МНЕ захотелось, а он всегда соглашается... Не знаю, как решает свои дела и вопросы, как откладывает встречи, и как, в итоге, это отражается на его работе, но никогда мне не отказывает... Да я и не злоупотребляю, но если вдруг захочется, как сейчас, вырываю нас обоих из привычной рутины, и вот мы только вдвоём, только я и он, наслаждаемся друг другом и контрастами древней Флоренции.

У нас всего четыре дня на этот раз, и времени мы не тратим.

Толкаю его, он поддается, упирается спиной в каменный борт набережной Арно и улыбается. Тёплые ладони не отпускают мою талию, муж вжимает меня в себя и не отрывает взгляда.

– Как хорошо, что нет здесь никого... – шепчет тихонько.

– Это потому что пасмурно!

– Давай всегда гулять, когда пасмурно?

– Давай... – договорить не успеваю, потому что его губы уже на моих губах.

Мой Алекс любит целоваться. И умеет... Ох, как умеет! Он вообще любит и умеет всё, что касается телесных кон-

тактов, особенно, если они связаны со мной, его женой.

Только со мной! Я знаю, что у него никого больше нет, не будет и не может быть. Он убедил меня, предъявил такие аргументы, вес которых отбил охоту «подозревать» навечно.

Поэтому я не ревную. Не ранят скольльзящие по его лицу, рукам, груди, талии чужие женские и не только взгляды, не беспокоят сообщения незнакомок, неизвестно как раздобывших его номер, на которые он НИКОГДА не отвечает, не вызывают подозрений заискивающие улыбки женщин-коллег, их звонки и елейные голоса. Я твёрдо знаю, что всё это – мимо. Потому что взгляд, которым он сейчас рассматривает меня, поправляя мои растрёпанные Флорентийским ветром волосы, говорит больше, чем могут сказать любые слова... И хотя при каждом удобном случае я слышу бесконечно знакомое бархатное «Я люблю тебя!» то шёпотом, то песней, то стихами, то криком, но чаще стоном... мне известно всё и без слов.

Муж вжимает меня в своё мощное, горячее тело, и это один из таких моментов, когда я позволяю себе полностью расслабиться, раствориться в его силе, душевном тепле, мужском умении дарить уверенность, безопасность. Я чувствую себя ребёнком, маленькой слабой девочкой, но далеко не беззащитной – моя защита обнимает меня кольцом сильных мужских рук, закрывает большой грудью, словно щитом, от всех невзгод. Поэтому у меня есть только одна забота – сохранить его, моё чудище-чудовище, защитить, уберечь от

самого себя...

Никто не знает его таким, каким знаю я. Никто из окружающих нас людей и не подозревает о его контрастности. Он ровно настолько же силён и успешен, насколько ранен, изломан и уязвим внутри. Его съедают собственные страхи, обиды на самого себя, людей и даже на меня. И хотя мы давно простили друг другу ошибки, их острые шипы навсегда останутся в наших сердцах.

Поэтому нам обоим так важно, зализывать раны нежностью и лаской, поэтому мы, два сорокалетних, стоим сейчас на набережной Арно, и вместо того чтобы фотографироваться или хотя бы любоваться на Золотой мост, целуемся затяжным, бесстыжим поцелуем на зависть молодёжи...

Лежим в своём номере, усердно отлюбив друг друга, несмотря на туристическую усталость и буквально отпадающие ноги, умотав себя и любимого двойным раундом.

– Задолбали итальяшки! – внезапное недовольство.

– Что так?

– У меня пятка свисает!

Моё замученное сексом тело тут же разбирает хохот...

– Нет, ну серьёзно! Этот номер не из дешёвых, почему они так уверены, что туристы такие же «коротыги», как они?!

– Любимый, они просто даже не подозревают о существовании кинг-сайза! Это исключительно американское изобретение!

– Вот же ж блин! Я бы обязал в описании номера указы-

вать метраж кровати!

– Ну, хочешь, я твоей пяточке табуретку подставлю?

– Да причём тут пятка, вообще! Мне тут развернуться негде, места для манёвров мало! Миссионеры долбанные!

Я снова смеюсь:

– Ну, хочешь, перетащим одеяло на пол и на полу...

– Вот ещё! Я что тебе, подросток, чтобы на полу женщину свою любить?!

– Ну, для разнообразия...

– Чёрт! Всегда забываю, что разнообразие в твоём понимании, это смена места!

– Я бы не сказала, что забываешь...

Алекс долго рассказывает мне о своей новой яхте – его собственном проекте от начала и до конца, строит её сам на собственной верфи в Сиэтле. Да, теперь у нас есть верфь и в Сиэтле тоже – это чтобы и любимым делом заниматься, и от жены далеко не уезжать. Мой муж имеет некоторые непоколебимые жизненные принципы, и моё нахождение под его зорким оком ранжируется в списке MUST едва ли не под номером один.

– Сколько лет ты только со мной? – внезапно вырывается.

Честно сказать, я не хотела спрашивать. Просто, когда настолько сильно доверяешь человеку, бывает, расслабляешься до такой степени, что мысли иногда самовольно превращаются в слова.

Он умолкает на некоторое время, затем:

– Не понял, ты слушаешь меня вообще?!

– Да, конечно!

Не могу сдержать свой тихий позорный смех:

– Прости, просто вырвалось, я не хотела тебя перебивать...

– Подожди, что значит, вырвалось?! – он возмущён. Я бы даже сказала зол, но мой муж никогда на меня не злится, поэтому «возмущён».

– Ну...

– Лера! Ну сколько можно уже, а? Есть вопрос – будет ответ! Сколько уже мы повторяли этот урок, жена?! У тебя что, с усвоением материала проблемы?

– Ну всё! Разошёлся уже, как самовар на льду! Успокойся!

– Как я могу быть спокоен, если ты опять за своё взялась?! – даже приподнялся на локте, так его это взволновало!

– Тише! Тише! – иду на попятную. – Я ничего не скрывала и не держала в уме, клянусь! Вот только подумала, тут же и брякнула, поэтому и вышло так не попад! – вру.

– Не обманываешь?

– Конечно, нет! Как я могу обманывать ТЕБЯ, моего любимого мужа?! Зачем? С какой стати?

– Точно?

– Точно, – целую его в нос.

– Ладно, – заваливается обратно на спину, моя голова у него на плече, держит обеими руками, словно боится, что кто-нибудь отберёт. – Что там за вопрос-то был, напомни!

– Я забыла уже.

– Лера!

– Ладно, ладно! Я вдруг спросила себя, а потом и тебя...

сколько времени я одна у тебя...

– Всю жизнь, ты же знаешь, только ты! Сто тысяч раз повторял!

– Я не об этом...

– А о чём?

– О сексе...

– Любовью я занимаюсь только с тобой! И это тоже я уже говорил, помнится.

– Ладно, проехали.

Молчим. Ровно столько, сколько ему нужно, чтобы вспомнить и подсчитать.

– Восемь лет. Последняя Габи была, как раз тогда, когда...

– Не надо... – прошу.

– То надо, то не надо! Сама же спросила!

– Да, сама. Но там больно, поэтому и прошу – не бери.

– Ты ни в чём не виновата. Это всё я.

– Виновата, – шёпотом, потому что на голос сил нет, горло свело судорогой.

У моего мужа на руках цветы и птицы... Поэтичные картины скрывают цену моей ошибки... и жестокости по отношению к нему.

У меня в мозгу есть переключатель, им и славюсь.

Переключаю его:

– Я просто уточнить хотела, а вдруг ты там иногда, кого-нибудь для разнообразия, так сказать... Хелен свою, например! Она так о тебя глазки свои точит, бедолашная!

– Вот знаешь, Лерун, сейчас бы тебя наказать, как следует, но так колено разнылось!

– Я же тебе говорила, не становись в эту позу, а ты всё своё «я не мужииик что ли!» – передразниваю его.

Он смеётся. Кажется, болезненное место удачно обошли. Молодцы мы с ним! Давно так научились.

– Если я буду слишком нагло пользоваться твоей благосклонностью, боюсь, с твоей стороны могут начаться мои самые нелюбимые штрафные санкции!

Это он на частоту секса намекает. Да, в последнее время я чаще сверху из-за его коленки, и сил, конечно же, не так много, как у него, поэтому в процентном соотношении частота эпизодов несколько снизилась. Поэтому муж мой, подзреваю, подвирает мне по поводу этой коленки, чтобы добиться своего...

– И что? Вот прям целых восемь лет и только со мной? – мягко целую его в уголок губ, поднимаюсь своими маленькими поцелуями выше, продвигаюсь к виску и утыкаюсь, наконец, носом в волосы, жадно вдыхаю их пряный запах, тот самый, который, наверное, до самой глубокой старости не перестанет сводить меня с ума... – И даже ни разу ни на кого заинтересованно не посмотрел?

А я знаю наверняка, что не смотрел. И это не хвастовство.

Это боль. Его боль. Моя боль.

– Я вижу, тебя всё-таки нужно наказать! – сообщает ровным голосом. – Жалеть не буду, сразу говорю. Снимай пижаму!

– Я же только надела её!

– Ладно, тогда я сам!

И всё. Это называется – нарваться. И вот что мне вечно неймётся?!

История любви родителей Алекса и Леры в книгах: Моногамия и Моногамист

Часть 2

*Свети ему пламенем белым –
Бездымно, безгрустно, безвольно.
Люби его радостно телом,
А сердцем люби его больно.*

*Пусть призрак, творимый любовью,
Лица не заслонит иного, –
Люби его с плотью и кровью –
Простого, живого, земного...*

*Храня его знак суеверно,
Не бойся врага в иноверце...
Люби его метко и верно –
Люби его в самое сердце!*

8 июля 1914

Максимилиан Волошин.

Глава 13. Разочарование

Ólafur Arnalds – Hands, be still

– Сонь, ты чё? Влюбилась, да?

Не откликаюсь. Молча соплю в две дырочки, повернувшись к стенке.

– Чё, правда влюбилась?

Я молчу. Лурдес тоже. Слава Богу, наконец-то! – думаю.

– Бедненькая!

Всё. Всхлипываю. Кажется, даже хрюкнула от горя.

– Сонька, давай, я тебе свои любимые духи подарю, а? И тот браслетик с сердечком, который мне мама месяц не отдавала? А я вот отдам и прямо жалеть не буду, вот честно!

Во-первых, сестра говорит со мной по-русски, а делает она это только в том случае, когда ей что-то очень нужно. Во-вторых, если у меня не слуховые галлюцинации, моя меркантильная сестричка только что предложила мне безвозмездно две самые большие на сегодняшний день свои ценности.

Всё это верный признак того, что я действительно очень плохо выгляжу. И это пока только Лурдес, а что же будет, когда поднимется тяжёлая артиллерия?

И почему влюбляться так стыдно? Даже в какой-то степени позорно?! Ты словно лишаешься одежды, становишься совершенно голым и беззащитным, но и это ещё не конец: наступает момент, когда и твоя кожа, и ты превращаешься в

слабое, уязвимое, подверженное любой боли существо.

Даже самая невинная шутка способна вывести тебя из равновесия, любое необдуманное слово обидеть, неприятность повергнуть в состояние глубокого горя, отчаяния и безысходности.

Он не звонит и не пишет. Вот уже четыре недели как. До сегодняшнего дня моё нежное «Я» крепилось, как могло, маскировалось глупыми шуточками и анекдотами каждый вечер за ужином и видно перестаралось, потому что сегодня отец с серьёзным лицом спросил, всё ли у меня в порядке...

Я разрыдалась прямо при всех. Но пока Алекс гладил меня по голове, обнимая и успокаивая, я всё же собралась с мыслями и выдала версию о грозящей несдаче экзамена по науке.

Никто не поверил. Но и выматывающих душу вопросов задавать не стал.

А это были только первые ласточки. Самые первые. Самые первые несдержанные эмоции... Сколько ещё их будет? Тогда, в свои наивные шестнадцать я и понятия не имела, насколько взрослой УЖЕ была моя ситуация.

Сразу после того, что произошло между нами, Эштон был тем же парнем, какого я знала все предыдущие дни и недели. Он остался на ночь, а утром уехал с Алексом прежде, чем я проснулась. Ничего, совершенно ничего плохого я не увидела в этом, но, конечно, огорчилась – хотелось увидеть его глаза именно утром, когда человек, пережив ночь с мыслью,

либо принимает её, либо нет.

Но он уехал. Просто уехал. Конечно, в моей романтично-девчачьей голове сразу же прижилась версия: «Ему просто было с отцом по пути!». И эта идея игнорировала все прочие, главная из которых: «Он мог бы оставить любое сообщение – письменное, устное, послать СМС или написать записку и толкнуть её под дверь, да мало ли у влюблённого парня найдётся способов связаться с девушкой?».

«Просто это – Эштон...» – упирается моя мечтательная натура. А Эштон – это отсутствие каких-либо правил, предсказуемости, логичности.

К вечеру я поняла, что причина моего испорченного настроения – отсутствие звонка... Одного банального звонка... Просто единственного нажатия кнопки напротив моего имени...

Он мог бы написать: «Привет? Как дела?» или «Привет, как настроение?» или... «Прости, очень много дел!» или... «Скучаю, занят». Да даже смешной дружеский шарж, наскоро намалёванный его рукой простым карандашом на клочке бумаги, коих не так давно я получала ежедневно по несколько штук – был бы замечательным.

Но он не звонил и не писал. Ни в тот день. Ни в следующий. Ни в один из следующих за следующим.

Поначалу я просто ждала, выискивая оправдания, а потом, когда вполне разумно мою голову посетила мысль набрать его номер самой, я поняла, что уже слишком поздно,

чтобы выглядеть естественно.

Недельное молчание оглушающе громко вопило очевидную истину: ТЫ ЕМУ НЕ НУЖНА, ИНАЧЕ ОН ДАВНЫМ-ДАВНО ПОЗВОНИЛ БЫ САМ.

– Да набери его первой! Мы же не в восемнадцатом веке, чтобы блюсти идиотские условности! Ещё наши бабки пережили эмансипацию, а ты застряла в прошлом! Просто позвони и выясни, что происходит! Это же элементарно! – вызывающе нервно призывает меня бессменная подруга.

Но это легко только на словах и в советах, а вот в реальности...

А в реальности, я гипнотизирую его номер вот уже три недели. Написала сотню неотправленных сообщений, даже попыталась рисовать. В основном почему-то получается только его красивое лицо, и никакого намёка на игривость и лёгкость в восприятии ситуации.

Утром тридцать пятого дня «без Эштона» решаюсь спросить у матери всё ли с ним в порядке. Оказалось, она не видит его.

– Он не ходит на занятия?

– Нет, Эштон уехал к матери на каникулы и задержался. Кажется, она приболела. С успеваемостью у него всё нормально, поэтому пару недель незапланированных каникул ему не повредят, – отвечает мама с улыбкой.

– Понятно...

Я не знаю, что именно мне понятно, и что я теперь испы-

тываю: облегчение или же ещё большее огорчение? Его нет в городе, поэтому он не звонит. Но мог бы написать. Мог бы предупредить об отъезде, по крайней мере!

– Соняш... – мама опускает свою мягкую тёплую ладонь на моё плечо, – ты не хочешь поговорить?

– Нет!

И это было «нет» ужаленной истерички.

– Смотри... иногда всё что нужно – просто поговорить. И желательно с самым близким человеком.

Самым близким... У меня таких двое: мама и Алекс. Но в моей ситуации мама не советчик – всё, что она может посоветовать – это блюсти гордость и достоинство, как будто кого-то они сделали счастливым.

Долгожданная встреча произошла неожиданно, как, в общем-то, и всё в жизни. Это была суббота – обычный шестой день недели, когда родители заняты друг другом с неизменной пометкой «наедине», а мы, то есть дети, дохаживаем кружки и секции, «недопосещённые» в будние дни.

Я поняла, что он в нашем доме, будучи ещё в дверях, – услышала голоса.

Эштон играл в карты с Алёшей, развалившись на одном из многочисленных диванов гостиной. Сразу удивила эдакая поза прожигателя жизни – далеко выдвинутые вперёд колени, сам он – в состоянии полулёжа, голова небрежно откинута на спинку дивана. Расслабленность в положении тела, жестах, свободно болтающейся коленке. Мы не виделись почти

два месяца, за это время у него существенно отросли волосы, и чёлка почти полностью прикрывала глаза, если он забывал убрать её быстрым нетерпеливым движением. Модная футболка нежно-голубого цвета, тёмные узкие джинсы и дорогие часы на руке – Эштон едва ли походил на себя прежнего. Теперь он выглядел эффектно, как те парни, которые хотят впечатлять, чтобы овладеть...

Та скорость, с какой моим изголодавшимся взглядом были выцеплены все эти детали, испугала даже меня. Но даже это не натолкнуло мой пытливый ум на мысль о серьёзности происходящего.

– А короля? Короля захваеешь? Бери, бери, салага, – приговаривает мой брат, посмеиваясь.

– Хорошая карта, почему не взять? Сейчас буду отбивать твои шестёрки, твоими же королями, брат!

– Шестёрки вышли!

– В прошлой игре.

– Вот чёрт, точняк... А блиин! Какая рукожопая сволочь месила колоду?!

– Да ладно тебе, Лёш, не надо так неприветливо о себе! – Эштон в крайне благоприятном расположении духа.

– О чёрт, это ж я был... – брат играет в озадаченность.

– Что, шестёрки?

– Хуже, семёрки! И на погоны не оставишь...

Наконец, Алёша замечает меня:

– О, Сонька, рад видеть! Что-то ты долго сегодня! Я уж

начал переживать, думал даже дёрнуть наших голубков...

– Не стоило, Лёш, так беспокоиться! Просто решили с девочками с испанского выпить кофе в Хортоне.

Эштон добывает карты из колоды, не утруждаясь поздороваться со мной хотя бы взглядом... Внутри моего глупого тела чёрной кляксой растекается разочарование и... обида!

– Привет, Эштон, – говорю негромко, но с максимально доступной твёрдостью.

О, Чудо! Кажется, у меня даже не дрожит голос!

– Привет, Софья.

Он поднимает свои глаза, наконец... Но лучше бы, лучше бы не делал этого! Холод... Ледяной северный взгляд пронизывает всё моё существо тысячами болезненных игл безразличия. Всего пару мгновений и тот, о ком я мечтаю каждую ночь, кому пишу ни разу не отправленные любовные письма признаний, снова сосредоточен на игре.

– Твой ход, Лёш.

– Так ты только ж отбивался вроде...

– Ты отбил две мои десятки валетом и дамой, и, кстати, мог бы перевести...

– А чёрт... Дебильная игра, опять забыл...

Брат нервно бросает карты на стол.

– Я в шахматы могу тебя на лопатки уложить!

– Не сомневаюсь.

– Что сдрейфил?

– Да нет, разумно признаю твоё превосходство, учитывая

тот факт, что я не знаю даже, как двигаются фигуры.

– Да ладно, ты гонишь, парень?! Как в девятнадцать лет можно не уметь играть в шахматы?!

– Обыкновенно. Ты не умеешь, если тебя не учат.

– Так в чём проблема? Давай научу!

– А давай, – Эштон вновь расплзается в улыбке, но лишь один мимолётный взгляд на меня, поселяет на его лице серость.

Я в ауте. В полном. Он обижен на меня? За что? Как? Почему?

У меня миллион вопросов к нему, но ни одной возможности задать их.

– Вы голодные? – ищу причину не подниматься к себе, ведь шахматы – игра для двоих! Лучше бы они продолжили играть в дурака – был бы повод не уходить.

– О, Сонь, мы голодные как ... как два бездомных пса! Да Эштон?

– Я не голоден, – коротко, чётко, холодно.

– Да не гони! Сколько мы здесь уже? Часа два?

– Три часа двадцать две минуты, – сообщает всезнающий Эштон, бросив быстрый взгляд на часы. – Кстати, о времени: когда родители вернутся?

– Когда надоест шпилиться...

– Алёша! – я едва ли не взвизгиваю.

– А что?! Я просто называю вещи своими именами!

– Это родители, имей уважение! Да здесь я, в конце кон-

цов!

– А вот за это прости, сестра! Совсем забыл... про тебя! – не пойму серьёзно извиняется, или это просто издёвка.

– Про еду, зато, никогда не забываешь!

– Еда – это святое, женщина! Особенно для настоящего мужчины! Пора бы уже и знать! Замуж не сегодня-завтра! – брат подмигивает мне, потому что он, похоже, единственный, кто ничего не подозревает о происходящем в моей голове сумасшествии.

Все остальные, включая Эстелу, знают – я это вижу в их глазах, но деликатно молчат.

– Один из настоящих только что признался, что не голоден, – цепляюсь к словам.

– Да врёт он, скромничает, не хочет тебя напрягать! – улыбается мой, вечно-весёлый брат.

– Может, просто не претендует на звание «настоящего»... – произносит рот великолепного Эштона...

Великолепного, потому что с этими словами он поднимается с дивана, давая моим жадным глазам возможность наслаждаться: стройное тело, строгие контуры плеч, обтянутых дорогой тканью дизайнерской футболки, соблазнительные в своей умеренности бицепсы, сильные руки с едва заметно выпирающими венами на предплечьях и тыльной стороне кистей, отросшие и почти полностью скрывающие шею волосы, делающие его похожим на городского денди... Движения... Они другие теперь! Более уверенные, дерзкие, про-

думанные. Глядя на него, возникает ощущение, что этот человек никогда и ни в чём не сомневается. Именно таким чётким взмахом руки его смартфон скользнул в задний карман джинсов, давая понять, что хозяин собрался отчаливать:

– Мне пора уже, Лёш! Поздороваться с родителями не получится, увы, передай ... отцу, что я был. Папку с документами оставил на столе в его кабинете.

– Слушай, оставайся ещё на пару часов, поедем потом вместе! Мечтаю прокатиться на твоей тачке, поорать на тебя маленько для профилактики!

– За что? – Эштон искренне смеётся, округлив глаза.

– Как это за что?! Нет предела совершенству в вождении спортивного автомобиля, мой друг!

Эштон улыбается, похлопывая брата по плечу.

– Как-нибудь обязательно преподашь мне пару своих уроков, главное сам лоб не расколоти!

Эштон уходит.

Уходит, не попрощавшись.

Со мной.

Не сказав ни слова.

Не удостоив даже взгляда.

Больно. Больно. Больно...

– Вот урод! – восклицает брат, едва Эштон скрылся в раздвижных дверях, ведущих в гаражи. – На пять косарей облегчил мои карманы сегодня!

– На сколько? – выдавливаю, только бы не выглядеть

слишком подозрительно, только бы не вызвать вопросы, которые хуже Голгофы.

– Пять штук, сестра! Пять грёбанных штук за каких-то два часа!

Я молчу, потому что о подобных способностях Эштона и не подозревала.

– Может он карты пометил?! – брат не согласен признать поражение в умственном состязании.

– Вряд ли... – сообщаю рассеянно, – просто слишком сообразительный. Чересчур...

Эштон... Теперь сомнений не осталось – между нами ничего нет. Как и не было.

Глава 14. Первый срыв

Мы с моей родной сестрой Лурдес совершенно не похожи, и не только потому, что между нами четыре года разницы в возрасте, у нас разные биологические отцы, национальности, цвет волос и глаз, мы – диаметрально противоположные личности, зеркальное отражение друг друга в противоположащих плоскостях. Мне шестнадцать, и меня ни разу не целовал мальчик, Лурдес двенадцать, и она преуспела в этом вопросе так, что уже сбилась со счёта. Я не люблю компании и с трудом нахожу общий язык с людьми, у Лурдес же практически все выходные расписаны по минутам, и даже по ночам её не бывает дома – очередной sleeperover (ночёвка) у очередной двухсоттысячной подружки. Мы разные, но мы сёстры и большую часть времени ладим и проводим вместе.

Алекс полулежит на гостевом диване с планшетом в руках, пытается делать в нём свою работу, но сидящая рядом Лурдес не прекращает свои трели – явно что-то выбивает. Я бы предположила, что вымаливает прощение за очередную свою выходку, но слишком уж она настойчива: тут явно присутствует особенный интерес.

– И волосы у меня дебилские! Достал уже этот баран на голове! – ещё немного и выдавит настоящую слезу.

– Нормальные у тебя волосы, Лу! Не говори глупостей! – не выдерживает отец.

Алекс терпеть не может, когда мы недооцениваем себя или критикуем, причём это касается не только внешности.

– У Соньки вон нормальные, прямые, их можно заплетать и укладывать, как захочешь, а у меня только этот баран идиотский!

– Лурдес! – отец уже нервничает. – Не нагнетай! Скажи прямо, чего ты хочешь?!

– Чтобы меня любили, а ты только Соньку свою любишь!

– Тааак... Чувствую, мне придётся сильно потратиться. Но ты же знаешь, без маминого одобрения ничего не выйдет! – отвечает отец, посмеиваясь.

– Ты Соньке вечно твердишь, что она самая красивая, а я что?! А я, по-твоему, страшная, да?

Это уже удар ниже пояса, даже отец не ожидал подобного выпада. Отрывает от планшета глаза, смотрит поверх очков на Лурдес, внимательно изучая её. Похоже, она всё-таки развела его – он уже не так уверен в том, что его родная дочь упражняется в искусстве манипуляции. Его лицо выражает озабоченную серьёзность:

– Ну что ты, доченька?! Что ты такое говоришь? Как ты вообще можешь такие вещи думать и произносить вслух? Конечно, я люблю вас всех троих и все вы красивы, каждая по-своему. У каждой из вас свой характер, темперамент, взгляды на определённые вещи... Но все вы – мои дочери! И для меня всегда будете оставаться самыми лучшими из лучших!

Лурдес мгновенно меняется в лице, словно её застали врасплох:

– Пап... Лёшка делает вечеринку в своём доме. Я сильно хочу с ними!

Отец некоторое время молчит, затем со вздохом разочарования поправляет очки и снова погружается в свою работу.

– Пап! – моя сестра не привыкла отступать, если ей что-нибудь нужно, клещами выдерет, но не сдастся.

– Ты мала, дочь, для таких развлечений!

– Лёшка – мой брат, у него дома будет полно народу, почему я, его сестра, не могу пойти?!

– Потому что он и его друзья взрослые, и у них будут взрослые развлечения.

– Вот я и присмотрю за ним, чтобы не был уж слишком взрослым!

– Боюсь, за ним уже бессмысленно присматривать, – не сдаётся отец.

– А если Сонька пойдёт?

– А она пойдёт?

Сестра резко разворачивается, гордо тряхнув своей потрясающей гривой:

– Сонь! Ты идёшь к Лёхе на вечеринку?

– Меня не звали, – отзываюсь.

– Так сама позовись!

Да, это моя сестра Лурдес, знакомьтесь. Для неё непреодо-

лимых преград нет, как и неразрешимых проблем, вопросов, на которые не было бы ответов. Главное, нет таких её желаний, которые бы, так или иначе, не удовлетворялись. Почти нет.

– Гордость не позволяет! – отвечаю, но уже предчувствую своё поражение.

Хватка моей сестры – не та хватка, от которой можно отделаться.

– Соняш! Сестрёнка моя любимая! Ты же знаешь ведь, что я тебя из всех больше всех люблю и уважаю! – тёмно-карие глаза сестры смотрят в мои с мольбой, находясь уже в десяти жалких сантиметрах от моего лица.

– Сочувствую тебе, Сонь! – смеясь, подтрунивает над нами отец.

– Что? Больше отца с матерью?

– Ну не передёргивай, они из другой Лиги, там – другие законы. Я имела в виду выбирая между тобой и Аннабель, например...

– Лурдес! – одёргивает отец.

– А что, Лурдес?! Ты сам-то, кого больше всех любишь?

– Всех он любит одинаково! – это уже мама. – И точка!

Сколько уже можно мусолить эту тему, Лурдес?! Вот чего тебе не хватает?

– Вечеринки! Папа сказал, что я могу пойти, только если Сонька пойдёт!

– Ну, я такого не говорил... – отец пытается откреститься

под натиском маминого осуждающего взгляда.

– Во-первых, не Сонька, а Соня, во-вторых, что ещё за вечеринка?

– У Алёшеньки, мам! В его чудесном домике на озере! Там такая крутизна будет! Он Скейтера пригласил, понимаешь? Ты хоть можешь понять, что за тусня там намечается?!

– Лурдес! – мама включает профессора математики. – Что ещё за Скейтер?

– Это диджей такой, он сейчас в моде, на пике своего полёта, я думаю, – отвечает ей отец. – Кислоту творит парень, я бы не сказал, что гениально... но для молодёжи пойдёт, – заключил.

– И что? Вы обе хотите идти?

Лурдес складывает ладошки на груди и умоляюще смотрит в мои глаза. Я вспоминаю, как не так давно сестра искренне утешала мою рыдающую по неразделённой любви душу, и отвечаю:

– Да.

– Хорошо, идите. Скажу Лёше, чтобы присмотрел за вами.

Лурдес уносится, подозреваю, хвастать подругам о том, как будет в субботу тусить с взрослыми. Надо сказать, моя сестра выглядит не на тринадцать лет, ей на вид не менее пятнадцати, а если накрается и джинсы свои напялит с высокой талией, так и все шестнадцать. Отец знает, о чём печётся, и эти мысли можно с лёгкостью прочесть в его глазах, когда он смотрит, как сестра наряжается в школу, на вече-

ринку, к друзьям.

Сажу в своём диване дальше, делаю вид, что читаю книгу. Родители чуть поодаль воркуют о своём, пока мама возится с коленкой отца. Иногда краем глаза наблюдаю за ними: мама аккуратно накладывает отцу на колено оранжевую кашу из заморского фрукта, название которого никак не могу запомнить, чтобы снять воспалительный процесс. Отец упал недавно во время пробежки, или сказал, что упал... Подозреваю, коленку его мучает возраст, а не воспалительный процесс, просто ему никак не хочется мириться с тем, что процесс физического увядания запущен.

Покончив с жижей, мама начинает наматывать на отцовскую ногу бинт, её руки гипнотизируют своей нежностью, мягкостью движений, и, похоже, не только меня...

– Иди ко мне! – шёпотом.

– Я ещё не закончила! – в голос, но не громко.

Несколько мгновений тишины, затем одно ловкое движение и мама уже лежит на отце, возмущаясь:

– Пусти, говорю! Сейчас вся эта каша на диване будет!

Мать злится, и отец её отпускает.

Я снова читаю, но мысли мои далеко... в мыслях моих Эштон. В мечтах моих бестолковых его улыбки, взгляды и даже поцелуи. Много поцелуев...

– Я хочу тебя поцеловать! – совсем тихий шёпот.

Тут же едва различимые звуки поцелуя или... поцелуев, затем снова, ещё тише:

– Хочу тебя! Сильно!

– Тише! Соня же услышит!

– Да не слышит она, наверняка в наушниках, смотри, даже головы не видно, книжку читает! Так что там с моими желаниями?

Я натягиваюсь как струна, к щекам приливает жар... А они продолжают шуршать:

– У тебя колено больное, ты опять собираешься скакать на нём?!

– Ты сверху!

– Опять?!

– Я же больной! Ну давай же соглашайся, ты такая сладкая, особенно когда мажешь эту жижу на меня... Чёрт!

– Соня услышит...

– Да не слышит!

И я взрываюсь:

– Всё я слышу, всё я вижу и всё я понимаю! Достали вы уже!

Запускаю книгу в панорамное стекло столовой и что есть мочи бегу наверх, в спальню, рыдать.

The Moon Theory – My Existence

Чего взбесилась – сама не понимаю. Наверное, слишком откровенный разговор родителей оказался тем спусковым крючком, который высвободил накопившиеся за последний месяц эмоции.

К тому моменту, когда мама тихо вошла в мою комнату,

и, присев рядом, положила горячую ладонь на мою спину, мне уже было дико стыдно за выходку.

– Соня, прости нас, пожалуйста!

Ещё и прощения просит... Я молчу, не отвечаю, потому что в горле ком, её ласка снова растревожила мои наболевшие эмоции – жалко себя до ужаса.

– Сонечка, я папу еле сдержала, рвался к тебе извиняться, не злись на него, пожалуйста! Он, правда, был уверен, что ты в наушниках!

– Я не злюсь, мам!

Всё! Хлынуло! Опять... Плечи мои трясутся, и уже нет ни сил, ни желания сдерживаться.

Ощущаю маму на своей спине, она обнимает меня, затем отрывается, гладит мою голову, руки, плечи, и вдруг я слышу нечто, что даёт мне понимание, что никакой Алекс никогда не заменит мне мать, и что она всегда будет для меня человеком номер один просто потому, что она – мать.

– Бедный, бедный мой ребёнок! Ох уж эти Соболевы! И откуда только они берутся на наши головы! – шепчет тихонько больше себе, чем мне.

И я вдруг чувствую, как лавина моего негатива стекает в никуда, в одно мгновение становится легче, из груди вырывается судорожный выдох, останавливающий истерику и слёзы.

Она знает. Она очень хорошо меня понимает, не только потому, что женщина и мать, а потому, что сама это пере-

жила. Они разные, и Алекс, и его сын, но есть в них обоим нечто необъяснимое, почти мистическое, не просто привлекающее, а притягивающее так сильно, что любая попытка увернуться причиняет самую настоящую, почти физическую боль.

– Я знаю, как сильно болит, знаю... – тихо шепчет мама. – Но выжить можно... Я же выжила, значит и ты сможешь!

– Не хочу, чтобы Алекс приходил...

– Понимаю. Поэтому и остановила его! – смеётся. – Не представляешь, что было, я еле справилась с ним! Ни угрозы не действовали, ни доводы...

– Что он хочет от меня?!

– Ничего не хочет, Сонь. Он безумно любит тебя, просто безумно, да ты и сама это знаешь. И сам не рад, что так явно это выходит, девчонки ведь ревнуют, да и неправильно это, но ничего не может с собой поделаться – всё ему в тебе нравится: как мыслишь, как ведёшь себя, к чему стремишься.

– Я похожа на тебя, в этом всё дело.

– Да, я знаю. И он это знает, но... сделать ничего не может. Сказал мне сейчас, что не имеет права быть счастливым, если ты несчастна, представляешь? Смешной...

Мне больно. Больно теперь уже за отца. Я знаю, он сейчас внизу терзает себя, ругает, мучает – это в его духе, в его характере.

– И что... он тоже знает о...моей проблеме?!

– Конечно. Неужели думаешь, не заметил? Алекс, кото-

рый всегда держит тебя в поле зрения? Признался недавно, что вы уже месяц не говорили по душам, страдает, скучает по тебе.

– Как я могу говорить с ним о... о таком?

– Но говорить нужно, Соняш. Тебе легче будет. Выбери меня... Я знаю, тебе привычнее отцу открываться, но... в этих вопросах, наверное, лучше между нами девочками!

– Лучше... – соглашаюсь.

– Оно ведь как, если ничего больше не будет у вас – то поболит, а потом понемногу на спад пойдёт. Главное, Соня, если чувствуешь, что с его стороны точно ничего нет, не ищи с ним встреч, не пытайся понравиться – бесполезно это. Их, этих Соболевых, привлечь ничем нельзя, их реакции непредсказуемы и необъяснимы. Все, абсолютно все, кто нас знают, задаются одним и тем же вопросом: почему она? Веришь, я и сама до сих пор точно не знаю, но в отличие от всей предыдущей жизни теперь хотя бы примерно догадываюсь.

– Почему? – это вопрос века.

Мама молчит, и мне кажется, что от её ответа зависит моя жизнь.

– Почему, мам?!

Разворачиваюсь и смотрю в её синие глаза... Красивые... Мои тоже синие, но оттенок... оттенок у матери необыкновенный, такой тёмный, глубокий цвет!

– Причины нет, и никогда не было. Просто влюбился и всё. На ровном месте. Я ничего не сделала, ничего! О красоте

своей выдающейся вообще молчу. Он говорит, что увидел меня в толпе, глаза понравились. А мало ли красивых глаз, Соняш? И в каком это, интересно, месте мои – красивые?

– Цвет, мам... Цвет редкий, если долго смотреть – затягивает. И потом, никто не влюбляется с первого взгляда, понравиться человек может, это так, но любовь... она приходит потом!

– Если Алексу верить, то у него как раз всё с одного только взгляда и вышло.

– Ты неверно его поняла. Невнимательно слушала...

– Он рассказывал и тебе тоже?

– Да...

– И?

– Ты прыгнула – это его прибило, он испугался за тебя. Пока искал тебя там, в той воде, пережил всю свою жизнь наперёд – это сильнейшее эмоциональное потрясение. А потом романтика, вы двое, утро, море...

– В этих же обстоятельствах было полно других девчонок и большая часть в разы красивее и смелее меня.

– А может, он хотел несмелую?

– И такие были. Поверь, там были всякие. Вопрос открыт: почему?

– Ну не знаю...

– Вот и я до сих пор доподлинно не знаю. Больше скажу – он тоже не знает. У него одна теория: «ты была мне предназначена, я тебя сразу узнал». Бред какой-то.

– А если не бред, мам? Если это правда?

– А если правда, отпусти Эштона из своего сердца. Не похоже, чтоб он узнал тебя...

– Не похоже... – снова соглашаюсь. – Значит, нет никакой закономерности, как и никакой надежды.

– Ну... надежда всегда есть. И закономерность найти можно, если очень захотеть.

Снова смотрю в синие глаза, ищу поддержки, неужели поможет? Неужели найдёт, за что зацепиться моему глупому сердцу?

Мама улыбается так тепло:

– Соняш, они же отец и сын... Если я понравилась отцу, то ты, по идее, могла бы понравиться сыну...

– Я думаю об этом вот уже третий месяц, мам! Но он отвернулся, ему плевать, он... он...

– Поцеловал и пропал?

– Да!

Снова слёзы. Снова в висках жар, снова обида давит грудь.

– Сонечка, а если он не моногам, как его отец?

– Не понимаю...

– Нагуляться парень хочет, вот и всё. Что-то почувствовал к тебе, что-то светлое, хорошее, потому и поцеловал. А потом подумал и пожалел, потому что девочек они хотят в этом возрасте много и разных, вспомни брата своего! Как там в песне было? «Девушки бывают разные, чёрные, белые, красные!» – мама тянет эту строчку из незнакомой мне пес-

ни на козлий манер, и мы обе заливаемся смехом – эмоции у обеих шаткие, из горя в непредсказуемую радость.

Отдышавшись, мама продолжает:

– Он просто решил не обижать тебя, Соняш. А избегает, потому что стыдно или самому тяжело. Если есть чувства у него, поверь, вернётся и будет в ногах валяться... а если нет, то и не нужно!

– Эштон и валяться?! Ты ни с кем его не перепутала?

– Ни с кем! Шучу я просто! – снова смеётся.

И я тоже смеюсь. А потом мы долго обнимаемся.

– Мам...я так завидую тебе..., но ты не думай, по-хорошему только!

– Не завидуй Соняш, меня эта зависть людская чуть со свету не сжила. И знаешь, что скажу тебе... – внезапно замолкает.

– Что?

– Не известно ещё что хуже: отсутствие этой их любви или наоборот...

– Я знаю, как тебе досталось, мам.

– Не всё знаешь. Увернуться, укрыться невозможно, нельзя. Скажешь себе: не хочу, не буду! А что толку? Если он решит, что ты его женщина – конец. Или поддашься, или изведёт и тебя, и себя. А быть с ними... Ох, Соня... Лучше бы ты влюбилась в парня попроще...

– Тогда и счастье будет проще...

Мама смеётся, целуя в макушку:

– Да... Чувствуется воспитание, приложил мой муженёк руку к твоему уму основательно, я смотрю. У тебя свои-то мысли есть на этот счёт вообще?

– А если они такие же? Может, мы мыслим одинаково!

– Не может, Соня! Сорокапятилетний мужик, дважды пытавшийся покончить с собой, переживший рак, смерть троих своих детей, болезнь любимых, потерю всей семьи в раннем детстве, не может мыслить так же, как невинная шестнадцатилетняя девочка, которая кроме полной семьи и чрезмерного достатка со всеми вытекающими ничего не видела!

– Видела...

– Что ты видела?

– Видела, как он сидел на полу и горько-горько рыдал у твоей постели, посреди ночи, чтобы никто не знал, что он на пределе и выбился из сил, пытаюсь достучаться до тебя! Видела, как прощался со мной, и я знала, глубоко в сердце понимала, что вижу его в последний раз!

– Соня... Соня... Что ты такое говоришь?!

– То, что ты не видишь, не замечаешь! Маленькие люди тоже страдают, всё видят и всё чувствуют! Что вы там творите в своей спальне за закрытыми дверями, сексом занимаетесь или душу друг другу рвёте непониманием, недоверием, ненавистью, обидами, или что ещё там у вас было, мы не видим, но чувствуем за утренним столом, по вашим взглядам, словам, по отсутствию одного или обоих сразу! Мама! Как же страшно было, что он снова уйдёт! Ты не понимаешь, как

страшно! А он не уходил, ты ушла!

И снова слёзы...

– Соня, Сонечка! Мне плохо тогда было, очень плохо, прости глупую, что твоей боли не замечала, словно замороженная была...

Мы молчим, потому что наговорили обе слишком много. Потом вдруг умозаклучение:

– Поэтому, Соня, я и говорю – уж лучше не играть с ними в эту любовь! Ну его к чёрту, это фееричное счастье, такое, какого ни у кого больше нет...

– Надо было не играть, а просто жить... И ничего плохого не было бы!

Мама снова смеётся, вместо того чтобы обижаться:

– И в кого только ты такая разумная у меня?! Столько мудрости нынче в молодом поколении! Никто, Соняш не знает наверняка, что было бы, если бы... и если бы... и если бы... Нет у истории сослагательного наклонения! Могу сказать одно тебе: сейчас без него не выживу, так привязал, каждой клеткой, каждой мыслью, каждым вздохом. Никому его не отдам. Никому! Но если отбросить меня на двадцать лет назад – не села бы в его машину. Сознательно ни за что не пошла бы повторить всё это снова... А кто его знает, что ещё меня ждёт впереди?!

Улыбается ещё шире и целует в щёку так долго и нежно, как только мама может.

– Это для вас, молодёжи, мы старички безнравственные, а

у нас-то жизнь в самом разгаре! Будет тебе сорок, поймёшь меня! И чем старше становишься, тем больше хочется успеть прожить каждый отпущенный день полноценно. И стыд куда-то исчезает, и зажатость, мелочи становятся мелочами, больше понимаешь истинную ценность вещей. Так что ты не обижайся на нас, малость перегнул твой любимый отец палку, но это... это – мы и наша жизнь. Постарайся понять нас.

– А я понимаю, и всегда понимала и Лёшка тоже. На наших глазах ведь вы чудили со своими страстями. Психанула сегодня... потому что накопилось! Виновата! Признаю!

Мы обнимаемся, и в этот момент в дверь тихо стучат, словно скребутся, и я даже знаю, кто это:

– А можно мне тоже с вами пообниматься?!

Кто ещё может войти с таким вопросом? Правильно! Только отец! И не войти, а проскакать на одной ножке! И мама права: как вообще он собирался с ней делать то, что собирался? С такой-то ногой?

Глава 15. Первый удар

Не могу сказать, что я не ожидала увидеть объект своих душевных чаяний на вечеринке у брата, скорее, допускала такую возможность. За последние месяцы в моей многострадальной голове накопилось уже достаточно выводов по текущей ситуации, и все они сходились в одной точке: выбросить Эштона из головы. Памятуя о последнем эпизоде нашего общения, которое началось и закончилось емким словом «Привет», эта задача уже казалась вполне выполнимой.

Проще говоря, я решила «забить».

Настроение значительно повысилось уже после того, как брат соизволил позвонить ровно за день до мероприятия и пригласить мою персону на вечеринку по случаю Дня Его Великолепного Рождения. На радостях я даже выбила место в партере для лучшей подруги Кейси, что давало нам расчудесную возможность наклепать и запостить в соцсетях фото с «очень взрослой вечеринки» и тем самым поднять свои рейтинги. И вот в такие моменты понимаешь: а жизнь-то – прикольная штука, когда тебе шестнадцать!

Дом брата находится на озере. Именно «на», а не «у»! Это проект Алекса – он создал, он построил. Небольшой, но вместительный дом расположен на понтонной металлической подушке и фактически плавает в озере. Дом брата был одним из первых, сейчас подобных там – целые улицы,

и виной этому чуду – недостаток свободного места под строительство на улицах самого Сиэтла. Ну и... крутизна, само собой! На первом этаже расположен огромный холл, соединённый с кухней и столовой так, чтобы из любой точки жилого пространства был доступен потрясающий панорамный вид на озеро Вашингтон и виднеющийся вдали Сиэтл. На втором – две спальни, сауна, просторные ванны с джакузи и ещё куча мужских заморочек... Понтонная подушка спроектирована таким образом, чтобы перед домом имелась терраса. В летнее время это, пожалуй, самая интересная часть – отделанная дубом площадка вмещает на себе небольшой бассейн, барбекю и патио.

Savages – You're My Chocolate

Именно там я его и увидела. Заметила сразу же, как вошла. И почти так же сразу поняла, что сил на «забить» нет. Нет, и не было.

Его тяжело не заметить, он выделяется среди прочих своим ростом, статной фигурой и настоящим, ни разу не поддельным безразличием к окружающему. Брат рядом с ним, его тоже легко найти, благодаря всё тому же росту и блондинистой шевелюре. С ними ещё несколько парней и не только, девушки тоже есть.

– Давай подойдём? – спрашивает Кейси неуверенно.

– Нет, не могу...

Сил нет на ногах стоять, а подойти...

Вижу Лурдес, она уже в центре внимания, брат обнимает

её, целует в лоб, принимая подарок, оборачивается, шарит глазами по переполненному людьми холлу в поисках меня, я машу ему рукой, но он не замечает и возвращает своё внимание компании.

– Давай хоть подарки подарим Алексею? – это снова Кейси и снова неуверенно.

– Успеем ещё, весь вечер впереди. Не переживай, получит он твой мундштук!

– Зря ты с таким пренебрежением о моём подарке! Я, между прочим, его в Индии в лавке антикварной нашла! Он так-то состояние стоит!

– Да, а ещё его курили беззубые индийские рты. Я на месте брата усомнилась бы в полезности этой вещицы!

– Ну, знаешь ли, современные методы стерилизации ещё никто не отменял, а если хочешь быть оригинальной с подарком для парня, у которого, как ни посмотри, всё есть, и куда ни плюнь – всё лучшее из лучшего, то как мозги ни напругай, всё равно косяк выйдет!

– Мать моя женщина... – меня осеняет догадка. – Лёха?! После всего ты запала на моего брата?

– А что? На общем фоне он выгоднее всех смотрится! И потом, со всех сторон твой братец выгодная партия, а как он снежки метает! Да после Рождества он вообще мой герой, в душу запал его бросок левой, понимаешь?

– Да, брат у меня – что надо. И снежки метает и мячи. И с достатком всё в порядке, и с внешностью. Всё хорошо,

кроме одного – не нагулялся! – ржу в голос.

– А это ничего! Я его приручу. Ты за это не переживай, подруга! Пусть главное в рученьки мои попадёт, а дальше уже не выскользнет! Я себя знаю!

Это правда. Кейси не бросают. Она бросает. Потому что скучно ей, надоедают парни. И это именно я однажды неосторожно предложила ей обратить внимание на более взрослых, если уж ровесники не дотягивают умом до её высот. На свою голову! Вот она и запала на моего брата!

Брат обнимает меня со спины:

– Соняха! Ты куда пропала, сестра? Подарок где?

Целую его в лоб:

– Я – твой подарок. Ты не рад?

– Ещё как рад! А материальное где?

– А Кейси по части материального! Мне её не переплюнуть, поэтому я и стараться не стала!

Кейси с дикой ужимкой вручает Лёше коробку с золотым бантом, затем медленно и долго целует его в губы.

– Это чё было щас?! – цедит брат сквозь зубы по-русски.

– Она на тебя запала с Рождества ещё, – тоже отвечаю на родном.

– Скажи ей, что я занят!

– Сам скажи!

– Я серьёзно, Сонь! Не нравится мне эта игольница! Избавь меня от неё!

– Ладно, всё, вали!

– Грубиянка!

London Grammar Stay Awake

Я вижу его постоянно. Куда бы ни ткнула свои глаза, они всё равно всегда самовольно ищут и находят ЕГО. А он не взглянул на меня ни разу, ни одного. Весь вечер занят, беседуя с кем-нибудь. Чаще всего это парни, хотя и девочки трутся около него почти постоянно. Особенно настойчива брюнетка с длинным предлинным хвостом идеальных блестящих волос. На ней короткий чёрный топ и джинсы с высокой талией, потрясающе плоский смуглый живот, привлекающий аккуратным недешёвым пирсингом. Ещё у неё татуировки – звёзды на шее и непонятная загогулина на руке. Не знаю ни кто она, ни её имени, но девица впечатляет внешностью и уверенностью в себе. Не нужно быть слишком внимательным, чтобы понять: в этот вечер у неё на моего Эштона имеются планы. А может, и не только в этот вечер.

Сам он не реагирует ни на неё, ни на всех прочих, более скромных в обнажении своих желаний и интересов представительниц женского пола. И даже им, незаметным для него, я завидую, потому что они рядом. Потому что могут заглянуть в его глаза, перекинуться парой слов или даже прикоснуться... Так хочется положить руку поверх его руки... Прижаться щекой к груди, ощутить тепло его жаркого тела, услышать сердце...

– Подруга! Твой брат этот сводный совсем ошалел, паразит такой!

– Не поняла?! – вот это заявление, думаю.

Но зная свою взбалмошную подругу, не спешу расстраиваться.

– Твой этот ...как его... Эштон! Клеился ко мне только что, ты прикинь?! Девка на ночь ему нужна!

– Не ври.

– Зачем мне врать, подруга! Я спрашиваю: «На кой ты мне сдался?» А он: «Я таких интересненьких как ты ещё не пробовал! Ты такая цветная только снаружи или и внутри тоже?» Вот же козёл, а?!

– Почему сразу козёл, может ты ему действительно понравилась... – и у меня даже получилось произнести эту фразу равнодушно.

– Да потому что даже ребёнок знает, что клеить подругу своей бывшей категорически запрещено законом человеческого благоразумия!

– Ну, бывшей меня едва ли можно считать... – продолжаю держаться.

– Поцелуй был?

– Ну, был.

– Значит, бывшая! А он – гад редкостный, и ты радуйся, что не запуталась в его паутине «по самое не могу»!

А если запуталась? «По то самое не могу» и даже без его участия?

– Есть у меня тётка родная... Терпеть её не могу, хотя человек она ничего так... Но бесит до потери сознания своей

вонюю изо рта! И всё знаешь из-за чего?

– Из-за чего?

– Из-за нервов, моя дорогая. Видишь ли, муж её, кобель редкостный, шляется всё шляется, никак не нагуляется. А она всё переживает, всё ждёт его, и так уже двадцать пять лет! Году на пятнадцатом на нервной почве расстроился у неё желудок, и стала она вонять похуже фабричной свинюшки. Я ей говорю: тётка, ты так смердишь, будто в тебе слон издох! Выгони уже своего кобеля и живи нормально! «Не могу, говорит, люблю его не могу!». Вот такая история. И не желаю я тебе подруга такой же доли. Эштон-то твой гуляка, смотри, у него же на морде написано: «Хочу бабу! Бабу хочу!».

– Прекрати уже, – смеюсь. – Терпеть не могу, когда из режима философа ты переходишь в режим пошлячки! Не бабник он, я же вижу!

– Плохо видишь ты, Софья. Ой, плохо... – тянет, загадочно улыбаясь. – Вижу, по глазам понимаю, хочешь ты стать миссис Стинки!

Мы ржём, и мне становится легче.

– Конечно, ты права, и, конечно, никто ко мне не лез! Пытаюсь развеселить тебя просто и хоть малость «подрихтовать» идеальный образ мусье Эштона в твоей влюблённой голове, подруга! Смотреть на тебя больно: глаза щенячьи, моська кислая, словно горькую таблетку проглотила! Ты сюда на праздник пришла, а не на поминки! Хорош в себе ва-

риться уже, давай, веселись!

– Буду, честно буду! Сейчас соберусь и буду!

Ближе к восьми названивает отец, спрашивает, как ведёт себя сестрёнка. Вру, что примерно. Правда ему не понравится – мои глаза уже успели увидеть сестру, целующуюся с каким-то парнем, старше её лет на 5. Пыталась промыть мозги:

– Лурдес, тебе только тринадцать, ты хоть понимаешь, что толкаешь его на преступление?

– Целоваться не преступление, сестра, не выдумывай! И да, никакого секса, я всё помню, всё понимаю!

– Лу, ну а как же с нравственной стороны? Ты же только сегодня с ним познакомилась, а уже к себе в рот запустила, разве так можно?

– Ещё как можно! Целоваться прикольно и приятно! А ты со своей нравственностью до сих пор не целованная сидишь, стенку весь вечер подпираешь!

Ну, вообще-то целованная... Один раз...

– Папа сказал, что Стэнтон за тобой в девять приедет.

– А ты?

– А я ещё не решила, с тобой ехать или побыть ещё. Папа разрешил мне на ночь остаться, но что-то не хочется.

– Не советую на ночь. У брата и так спален мало, а желающих «отдохнуть» много. Пожалей людей, не лишай их радости!

– Глупости не говори! Слышал бы тебя папа!

– А что папа?! Папа сам не без греха! Замучил уже нашу

мамулечку!

– Так, всё: я ничего не слышу, ничего не слушаю!

– Страус!

– Пошлячка!

Через полчаса Кейси заявляет мне, что брат мой зануда, но её такие мелочи не огорчают. Действительно, не огорчают, ведь подруга уже нашла себе пару и удаляется искать приключений в ночном Сиэтле.

Мне грустно. Грустно и... не понятно: почему все помещаны на сексе? Ну вот прям все? Неужели это так... приятно?

Лурдес удаётся уговорить меня ехать домой вместе с ней, и самый главный её аргумент:

– Какой смысл тебе оставаться, если ты не веселишься, а только настроение людям портишь своей угрюмой физиономией?

Неужели так заметно? – думаю. На самом деле я весь вечер старалась улыбаться, общаться с друзьями брата, многих из которых знаю, и лишь изредка, украдкой, поглядывала на одного единственного интересующего меня человека в этой веселящейся массе.

И этот самый человек оказался в полном одиночестве на террасе как раз в тот момент, когда за сестрой приехал Стэн-тон. Уйти было выше моих сил. Я поняла, что нам нужно поговорить. Вот просто один честный, искренний разговор должен поставить точку моим мучениям.

Какая ещё точка нужна тебе, наивная ты дура?! – вопил мой разум. Но сердце упёрто хотело разговора. Оно его и получило.

Flora Cash For Someone

Я просто подошла и встала рядом, не глядя ни в его лицо, ни в глаза. Он тоже на меня не взглянул, продолжал всё так же пялиться в темноту ночного озера.

– Как дела? – спросил, как ни в чём не бывало.

– Нормально. У тебя?

– Тоже.

И тишина. Неловкая, тягучая.

На террасе холодно: несмотря на мягкий и тёплый климат, март – не самый удачный месяц для ночных прогулок в тонком платье. Меня пробирает дрожь. Эштон не сразу, но замечает это, снимает свой модный пиджак и накидывает мне на плечи.

– Спасибо, – говорю.

– Да не за что.

– Сам-то не простудишься?

– Нет, – улыбается.

Улыбается! И всё, я пластилиновая масса. Мягкая, податливая, не имеющая ни воли, ни формы, ни устремлений... Нет! Устремления есть, и главное из них – прикоснуться. Хоть пальцами, хоть рукой, хоть с самого краешку, только бы потрогать его...

Тянусь к губам, не потому что я какой-то там грёбаный

стратег, а потому что нет никаких сил сдерживать себя: до безумия, до дрожи, до умопомрачения скручивает желание целовать его лицо...

Я ещё не знаю, что вкус поцелуя моего возлюбленного так и останется волшебным Рождественским воспоминанием: Эштон мягко уворачивается, меня несёт волна эмоциональной инерции, припадаю к его гладко выбритой щеке, ощущая возбуждающую нежность кожи.

– Соня, Сонечка, Соняш, не надо! Прошу тебя, остановись! – шёпотом.

Ощущение, будто грудную клетку зажали между двумя плитами – не могу сделать вдох, судорога свела лёгкие...

– Почему? – выдавливаю тоже шёпотом, потому что голоса нет и сил нет тоже.

– У нас ничего не будет, – и это уже ровный, практически безразличный голос.

– Почему? – ещё одна попытка, всё также страдая от асфиксии.

– Потому что мы не можем!

Теперь судорога сковала, кажется, и мою челюсть, я только чувствую, как обжигающая горечь стекает по моим щекам, тяжесть отчаяния не даёт сделать вдох, но моё тело отказывается сдаваться, выдав судорожный порыв: я всхлипываю, успев-таки хватануть воздуха. Эштон, совершенно холодный и безучастный к моей истерике, встаёт и медленно направляется к двери. Внезапно останавливается и, не пово-

рачивая головы, вбивает в моё сердце очередной свой удар:
– Подумай сама: мы слишком молоды, чтобы создать что-то стоящее. А развлечься проще с теми, с кем тебя не связывают семейные узы.

Наконец, у меня появляется голос и силы сопротивляться.

– Я думала, у нас нечто большее, нежели...

– У меня нет, – коротко поставил точку.

Мне кажется, меня душат: вцепились мёртвой хваткой в моё тонкое горло и давят, не позволяя даже шелохнуться, чтобы защитить себя. Глаза заливают, щёки тоже, солёные воды моего горя стекают даже по горлу, пропитывая ворот строгого платья...

Он ушёл, и я даже не смотрю ему вслед: слишком тяжело, слишком больно!

Flora Cash – Down On Your Knees

Стэнтон уже уехал и увёз с собой мою сестру. Кейси тоже нет. Я одна, совершенно одна... Ах нет, нас двое! Я и моя неразделённая любовь!

Тящу своё тело наверх – в спальню брата. Никогда не казалась себе такой тяжёлой... Вроде бы всегда худышкой была, и тут на тебе: еле ноги волоку!

Заваливаюсь на его широкую кровать, какое-то время самозабвенно рыдаю, затем, уже выбившись из сил, разглядываю на потолке блики света фонарей, отражаемого от поверхности бассейна или озера, я не знаю. Не замечаю сама, как погружаюсь в мутный, тягучий сон.

Будит меня шум открываемой двери, шорохи, возня и женский приторный смех. Спросонья не сразу соображаю что это, лежу, прислушиваясь, пока знакомый голос не прошибает моё измождённое за этот вечер тело:

– Сними блузку, бюстгальтер оставь... И расскажи мне, что умеешь?

В этот момент я подскакиваю на кровати, как ошпаренная, сто лет ищу выключатель, чтобы врубить свет торшера в моём персональном кошмаре.

Шикарная спальня брата освещается, наконец, хоть и тусклым, но светом, и мы, впервые за весь вечер, да что там вечер, за последние несколько месяцев сталкиваемся взглядами.

На его лице даже не шок... он потрясён, разочарован, раздосадован и разозлён одновременно. Мой взгляд скользит по его телу: рубашка расстёгнута, на груди руки белокурой девицы с не самой идеальной фигурой. А где брюнетка? – всплывает в моей голове глупейший вопрос.

Сама она в вишнёвом кружевном бюстгальтере, едва скрывающем её просто необъятную грудь. Настолько большую, что ткань не способна скрыть выпирающие детали... Мой невинный мозг тут же пронзает подлая догадка о том, почему он просил её не снимать долбаный лифчик – так действительно сексуальнее...

Мне кажется, я сойду с ума. Сегодня точно чокнусь!

Его руки на её бёдрах, он даже не пытается их убрать, то

ли не считает нужным, то ли растерялся сам...

– Я думал, ты уехала с Лурдес... – зачем он это сказал, я даже не поняла.

Зачем? Зачем мне это идиотское оправдание? Ты ничем мне не обязан, и не должен отчитываться за свои поступки! Хочешь удовлетворять свои физические потребности? Пожалуйста! Я мешать не стану!

Вылетаю мимо них по лестнице вниз, стараюсь спрятаться, затеряться в толпе, боюсь, что побежит за мной, не хочу видеть ни его лицо, ни его глаза. Спустя время никто не спускается, нервное сумасшествие понемногу отпускает меня, я уже понимаю, что все последние минуты находилась в каком-то тумане, наверное, это и называют шоком.

Прихожу в себя, начинаю чувствовать своё тело, понимать собственные мысли.

А они всё не спускаются, и я понимаю... Теперь уже всё понимаю. Я – мелочь. Я – небольшое недоразумение, не способное помешать чьим-то планам. Он пытался объяснить мне, что не стал бы снимать девочку, зная, что это могу увидеть я. Он хотел сказать, что не собирался причинять мне боль. Но причинил. Случайно позволил увидеть. И раз уж так вышло, не посчитал нужным отменять то, чем намеревался заняться.

Мне нужна ванная...

Isaac Gracie – Silhouettes Of You

Боль, боль, боль...

Нестерпимая, пронзительная, обжигающая...

Я не плачу, я рыдаю, со всхлипами и подвываниями, благо в ванной есть джакузи и шум воды, наполняющей его, позволяет мне скрыться за своей ширмой...

Мне кажется, что жизнь моя кончена. Осознание того, что он там в той комнате, в комнате брата... Они там... Понимание того, чем заняты, что делают друг с другом и друг для друга...

Секс всегда был для меня абстрактным понятием, но только до того момента, как в мою жизнь тихо и без разрешения вошёл Эштон. Я стала интересоваться в сети... Читать, смотреть ролики. Многое из увиденного показалось отвратительным. Уверена, он такого не делает сам и не позволяет женщинам вытворять с собой подобные вещи.

Стараюсь не думать, не проецировать, не представлять. Но картинки лезут в голову сами... Чёртово воображение! Чёртова творческая моя натура! Да, школьный тест выявил в моей голове склонность к творчеству большую, нежели у кого-либо ещё в нашем классе. И всё из-за воображения, всё из-за него! Не такое оно у меня как у всех, а куда как более проворное, цветное, дерзкое.

Но умный тест оказался прав: в моей голове действительно живут целые миры, и я большей частью своей незамысловатой предыдущей жизни пребывала в них же. Никто об этом не знал, никто не догадывался, кроме Алекса. Он знает. Знает, и уверяет меня, что это не так и плохо, главное,

не забытья в мечтах, вспомнить вовремя, что есть реальная жизнь.

И вот она явилась, моя реальная жизнь. Ворвалась диким цунами со странным для французского происхождения именем «Эштон». Мне больше не нужны мои миры, где ждут невинные и ничего не требующие принцы, имеющие от мужчин лишь внешность.

Мне нужен мой настоящий Эштон, мой молодой мужчина из плоти и крови. Мужчина, потому что поступки мужские... Я хочу его целиком со всеми желаниями и потребностями, со всей его физической горячностью и душевной холодностью, со всей отстранённостью, болями и проблемами, какие есть, и я готова, созрела физически и духовно быть полноценной женщиной для него.

Готова. Только ему это не нужно.

Не сразу замечаю, как разрывается мой телефон. Это Алекс, звонит уже в третий раз. Стараюсь успокоиться так быстро, как это возможно, поднимаю трубку:

– Да, пап, Лурдес доехала? Всё в порядке?

– Что у тебя с голосом?

– Всё в порядке с голосом...

– Я же слышу, Соня, что случилось?

– Ничего, ровным счётом ничего не произошло! У меня всё отлично!

– Я сейчас приеду. Сейчас заберу тебя. Не заказывай такси, поняла меня?

– Пап, прошу тебя, не надо, не усложняй!

– Соняша, доченька, скажи мне, где ты сейчас?

– У Алёши...

– Сонь, я знаю, что у Алёши, где именно?

– Ну... в холле, с его гостями.

– Не обманывай. Ты не в холле, ты в ванной!

Оглядываюсь, ищу глазами камеры: неужели он может видеть меня? Безопасность – большая тема в нашей семье, но чтобы в ванной у брата...

– А Лёша знает, что ты за ним следишь?

– Я не слежу за твоим братом, Соня. Мне не сложно понять, где ты, по фоновым звукам. Прошу тебя, не делай глупостей: ни одно огорчение в жизни не стоит её. Я сейчас приеду за тобой, и мы поговорим. Решим все твои проблемы до единой, я обещаю тебе! Слышишь?

– Пап, у меня, правда, всё в порядке. По крайней мере, я точно не собиралась делать то, о чём ты подумал!

– Честно?

– Честно!

– Хорошо. Выходи оттуда и жди меня, поняла?

– Поняла.

Не успеваю даже умыться, как в дверь уже ломится брат:

– Софья, открывай!

Ну конечно, отец уже позвонил ему, а как же иначе.

– Открой, чёрт тебя возьми, или я выломаю эту дверь ко всем чертям! – орёт во всю глотку брат.

Само собой, мне уже не до собственной зарёванной морды, спешу уgomонить его, пока мой позор не стал достоянием общественности.

– Ты чего орёшь-то так! – заталкиваю его в ванную, потому что дверь спальни напротив может в любой момент открыться.

– Сонь, ты чего зарёванная-то вся? А сестра? Какого хрена не сказала ничего, почему отец мне звонит?

– Лёш, он как всегда нагнетает!

– Не как всегда и не нагнетает! Почему глаза красные? Почему на щеках пятна?

– И что? Порыдать мне уже нельзя без того чтобы не отчитаться?

– Отчитываться не обязательно. Просто не делай глупостей!

– Да я не делала, блин, никаких глупостей! Задолбали вы оба уже!

– Вы – это кто? Я и Алекс? Или я и...

– Ты и папа. Лезете мне в душу вечно, всё вам нужно знать, всё контролировать!

– Я старался не лезть, и во что это вылилось? Отец звонит и орёт на меня как потерпевший, почему, видите ли, его Соня сидит одна в туалете и плачет! О чём это, мол, я, твой брат, думаю, когда такое происходит?! А мне, ты знаешь, вот больше делать нечего, следить только, чтоб ты в туалетах не рыдала! Всё! Приводи физиономию в порядок и спускайся

со мной. От меня ни на шаг, пока отец за тобой не придет.

Умываюсь, поправляю незатейливый макияж. Брат у меня отходчивый, а потому уже подмигивает в зеркало:

– Расскажешь, кто обидел? Или тайны свои только отцу доверишь как всегда?

– Никто не обидел, Лёш. Честно. Я сама себя обижаю, а сделать ничего не могу.

– Не понял... – тянет брат. – Влюбилась что ли?! Опаньки... Вот это номер! И он здесь? Кто? Скажи мне, кто? Я должен это знать, сестра, ради твоего же блага!

Отец приезжает неожиданно скоро: ночной город очень быстрый без пробок. Люди, парни, девушки, сразу кидаются здороваться с ним, тянут ему руки, он отвечает, но не всем – сразу как вошёл усердно шарит глазами по периметру, знаю, ищет меня.

Находит, на лице его сосредоточенность тут же сменяется расслабленной улыбкой. Я пробираюсь к нему, и теперь только понимаю, как правильно он поступил, что приехал за мной. С силой вжимаюсь в знакомую родную грудь. Его руки заключают меня в кокон спокойствия и умиротворения. Этот человек никогда не предаст, не бросит в беде, не останется равнодушным. Мне хорошо, боль отпускает, мой отец и без слов может вылечить, развеять плохое, найти ему объяснение, обнадежить, что хорошее не за горами.

Он целует меня в лоб, в макушку, в ухо. Подозреваю, он и сам не отдаёт себе отчета в том, что ласкает меня прилюд-

но. Он переживал. Он сильно беспокоился, тревожился обо мне. И только увидев, успокоился: тревога волной сошла с его собранного тела и сосредоточенного лица.

Отрываюсь от его груди, поднимаю глаза, хочу встретиться с его умным, всегда понимающим меня взглядом, но Алекс смотрит не на меня. Он смотрит на Эштона.

И мне становится страшно... Они сцепились взглядами не как отец и сын, а как два соперничающих самца в прайде, где есть место только для одного... Отец словно хрипит: «Я тебя уничтожу!». Эштон дерзко отвечает: «Только посмей! Во мне уже достаточно силы, чтобы рискнуть!»

Глава 16. Испанские каникулы

Nick Cave – Do You Love Me?

Потом были месяцы тянущей тоски, болезненного принятия, осознания, примирения.

Любить нелегко. Любить тяжело, любить трудно, любить сложно.

Больно любить.

Но я – женщина. А женщины – кошки: выживают почти всегда. Почти везде находят выход, даже там, где, казалось бы, его нет.

Моя проблема – мне нужно видеть его. Хотя бы изредка! До одури необходимо, до потери контроля, до изнеможения.

И именно поэтому нас изолировали друг от друга. Полностью.

Но кем была бы женщина, если бы не её хитрость?

Мне всё ещё шестнадцать, но за последний год я, кажется, повзрослела лет на пять. Если не на десять.

У меня есть парень – Ирман. Мы встречаемся и даже целуемся. Родители довольны, особенно Алекс. Брат подтрунивает, прося не тянуть со свадьбой, сестра делится советами.

Но никто из них не знает, что в сердце всё также живёт высокий парень, равнодушно обдающий мир холодом своих умных, почти всегда прищуренных глаз. Мой Эштон. Моя

беда, моё благословение, моя боль.

Я играю роль и, надо заметить, моё актёрское мастерство стало для меня открытием – верят все!

В июле, за завтраком, я впервые закидываю идею общесемейного совместного отдыха на каком-нибудь курорте, мне вот абсолютно точно плевать на каком, главное, чтобы ОН был там:

– Мы вырастем, скоро наступит момент, когда собрать всех и только нашей семьёй уже не удастся. Лёшка вот-вот женится! – шучу, хотя у брата действительно наметились, наконец, серьёзные отношения. Вроде бы.

– Да, было бы неплохо... – мечтательно тянет мама.

– А идея действительно отличная! – тут же подхватывает Алекс.

И никто из них не заметил, как нервно теребили мои пальцы друг друга, спрятавшись под столом. Никто не заподозрил, что в этот момент вспотели мои ладони, подмышки, покрылся испариной лоб.

Никто не услышал имя «Эштон», никто не понял, что именно он – причина моей внезапной любви к семейному отдыху. Я не видела его почти полгода. Почти полгода бездушной ломки. Полгода попыток выкарабкаться, вылечиться, выползти на свет, и найти хоть что-нибудь, за что можно зацепиться.

Я понимаю, что больна затяжной хронической хворью, но ничего, ровным счётом ничего не могу с собой поделывать. Я

– наркоман, лишённый воли, притупивший рассудок своей слабостью.

И все мои поступки, все мысли, все слова – один сплошной обман, имеющий своей целью привести к главному – к дозе.

Мои глаза жадно поглощают всякое его движение, каждый жест, когда он выходит из машины. «Главное, самоконтроль, главное, не выдать себя!» – напоминаю. Иначе, конец – нас разорвут снова, вновь растащат в разные стороны, не оставляя даже шанса...

Самые близкие люди хотят уберечь. Меня уберечь. Защитить. Не понимают, что делая это, заставляют ненавидеть...

И вот он приближается к семейному джету, который понесёт нас на своём борту через всю Атлантику, в то место, где у отца с матерью было волшебство. Место, куда они возвращаются вновь и вновь, которым оба болеют, как и друг другом, к отцу на родину – в Испанию.

Я вижу его идеальную фигуру, обтянутые модной футбольной руки, сильно отросшие волосы, беспорядочно перебираемые ветром... Каждый его шаг – повод для восхищения, и даже взмах руки, закидывающей на плечо небольшой рюкзак, заставляет моё сердце жалко стонать...

– Привет всем! – он улыбается.

– О, здорово, Братан! – это Алёша.

– Эштон! – киваю, не отрывая взгляда от своего сотового, в котором ничего не вижу. Ровным счётом ничего – перед

глазами пелена с голубым отливом...

Десятичасовой перелёт даётся мне с невероятным трудом. Не важно, что в самолёте есть комната для отдыха с огромной двойной кроватью, где четыре девочки, включая маму, легко поместились с целью провести это путешествие в Царстве Морфея, что имеется душ и всяческие развлечения в виде телевизора, настольного мини-тенниса и так далее и тому подобное. Самое тяжёлое – привыкнуть к мысли, что ОН здесь! Всего в каких-нибудь десяти метрах от тебя, и ты в любую, вот в абсолютно любую секунду можешь поднять глаза и упереться ими в его грудь, плечи, или растрёпанные кудрявые волосы. Да, теперь, когда они отросли, это стало особенно видно – у него такие же шикарные волосы, как и у отца, только иного оттенка.

Почти все часы Алекс с Алёшей обсуждают мировые новости и политику – никогда не могла понять, почему мужчинам это так интересно? Эштон почти всё время молчит и лишь иногда вставляет короткие реплики. Его обособленность бросается в глаза. Не знаю, интроверт ли он, но в компании отца и Алёши раскрываться не спешит.

В Каталонию мы прибываем в девять утра, заселяемся в большую виллу, которую Алекс не так давно подарил матери в День Рождения. Это чудесное, даже райское место находится неподалёку от Золотого Пляжа, достаточно близко, чтобы пользоваться благами цивилизации, но и на приличном удалении, обеспечивающем относительную приватность

и спокойствие. У нас нет частного пляжа – в Испании они запрещены, но мы уверенно считаем территорию напротив нашей виллы своей.

Индивидуальных комнат не хватает, поэтому Алёша поселится в одной спальне с Эштоном, причитая, что его обделили и как всегда обидели. Меня бы так обижали... Нам с сёстрами достаются отдельные спальни, у Лурдес с Аннабель – даже с видом на море. Но я не в обиде: меня устраивает всё, абсолютно всё, и даже соседский сад под моим окном вместо лазурной глади с белыми треугольниками частных яхт, коль скоро, завтракая, я буду сидеть за одним столом с НИМ!

Capital Cities – Swimming Pool Summer

Мальчики заваливаются спать, не завтракая, и только Алекс сопровождает нас на пляж. Отец – всегда отец: выбирая между потребностью в отдыхе и безопасностью своего цветника (так он нас называет), он всегда выберет последнее. И только мама – его ангел-предохранитель от глупостей и нещадного отношения к здоровью, находит способ убедить и укладывает своего ненаглядного мужа спать прямо на пляже. И вот, уже практически отрубаясь на её коленях, отец выдаёт вялое напутствие:

– Не пускай их самих в воду...

– Конечно, не пущу! Спи-спи, – приговаривает.

Они, порой, умиляют меня. Два самых важных в моей жизни голубя... Люблю, когда они вот так же воркуются, как сейчас, значит, всё хорошо, значит, всё будет просто замеча-

тельно!

После обеда братья выползли досыпать на пляже: Лёшка на шезлонге, Эштон на оранжевом, раскалённом солнцем песке. Причём спал только Эштон, брат мой, свин редкостный, невзирая на всю серьёзность отношений со своей новой девицей, занялся разглядыванием обитателей соседних вилл... вернее, их обитательниц.

Началось всё с того, что Алекс позвал маму купаться. Она вроде как согласилась, вручила ему свою руку и даже разрешила довести себя до самой кромки воды. Затем изящно потрогала ножкой краешек моря, скривилась и замотала головой. На этом взрослая часть была окончена и началась детская: Алекс, злорадно улыбаясь, схватил её в охапку и, совершенно не церемонясь, потащил в воду! В одно мгновение маман из профессорши превратилась в девчонку: принялась вопить как потерпевшая и хлестать Алекса по его непонятной татуировке во всю спину, чем вызвала у него только хохот.

Прижаренный к песку Эштон вдруг очнулся, шевельнулся, поднял голову и застыл, созерцая родительское представление.

– Вот Алекс даёт! И ведь не скажешь же, что чуваку скоро сорок шесть! Правильный у него взгляд на жизнь! – восхищается мой брат Лёшка.

Тем временем Эштон проявляет небывалый интерес к происходящему: нашёл надувной круг Абби и устроил себе

подголовник, чтобы наблюдать за резвящимся отцом с комфортом. Или за ними обоими. Я даже заметила некое подобие улыбки в поднятом уголке его рта.

Алекс какое-то время резвится с мамочкой, затем, решив, очевидно, что с неё достаточно, медленно, неторопливо так выходит из воды и вышагивает в нашу сторону своей фирменной модельной походкой: из всех знакомых мне мужчин ТАК ходит только отец. Если не знать его карьерных подробностей, то можно решить, будто он всю жизнь только по подиуму и передвигается!

Подходит ко мне, усердно отряхивая свои волосы обеими руками – делает вид, что страшно занят, и ему ни до кого нет дела, но по знакомому прищурю, скрывающему хитрющий карий взгляд, я моментально понимаю, что сейчас что-то будет.

Успеваю только понять, а вот осознать – возможности нет: буквально взлетаю со своего шезлонга, потому что для двух натренированных мужских рук моё не самое наделённое формами тело легче пушинки. И вот, не успев произнести ни звука, я уже вишу вниз головой у Алекса на плече. С опозданием, но начинаю верещать, чем ожидаемо вызываю дружный смех трёх единиц мужского пола.

– Мамочку остудили, теперь твоя очередь, Соняша! Только не брыкайся! Ты уже слишком большая девочка, чтобы тебя шлёпать при всех! – приговаривает отец.

И вдруг слышу наглое:

– Помочь? – это Эштон.

От неожиданности этого предложения оторопела не только я, но и отец тоже: остановился, на пару мгновений застыл, но тут же нашёлся:

– Позаботься о Лурдес!

– Окей, – принял задание Эштон.

Сестра сорвалась было с места, чтобы спастись бегством, но разве можно противостоять двум крепким молодчикам, по странным обстоятельствам состоящим с тобой в родстве?

Изловив Лурдес, Эштон, следуя полученному заданию, также поволок её в воду, ну а Лёша без особого труда справился с Аннабель. Хуже всех, надо сказать, пришлось Эштону: моя сестра способна перекричать даже Соловья Разбойника, что уж говорить о ленивом испанском пляже, уставившемся на нас непонимающе-одобряющими взглядами сквозь брендовые очки.

И что тут началось в воде! Война народная, не на жизнь, а на смерть: девочки против мальчиков! Воды морской, изрядно солёной я выпила в тот раз, наверное, литра три – не меньше! И меня топили, и я топила, а брат мой Лёшка не брызгается, а устраивает настоящий морской душ – долго в детстве тренировался. Вот с ним не сравнится никто!

Это был счастливый день, счастливый его эпизод, один из тех, что остаются в памяти на всю жизнь. Я никогда в своей истории ещё не слышала, чтобы мама так бурно хохотала, взвизгивала, кричала Лёшке и папе дразнилки, получая

от них ответы в виде нещадных брызг. И отец смеялся так, словно в его жизни ни разу не произошло ничего плохого, даже Эштон позволил себе расслабиться и выдать порцию эмоций веселья, а что говорить о нас, о девочках! Столько мы не пищали, не смеялись и не резвились ни разу! Так вопили, что все трое охрипли...

В каждом из нас заключена радость, и именно в такие моменты она словно получает выход, выплёскивается, выбрасывается огромными порциями, от которых аж дух захватывает! И ты упоительно смакуешь одну и ту же карамельную мысль: «Господи, как же хорошо! Как же всё-таки хорошо!».

Глава 17. Мужчины и женщины

Вот всё было бы прекрасно, если бы не некоторые личности! Вот ей Богу, ни ума, ни фантазии! Это я о том, что случилось вчера вечером: не прошло и десяти дней семейного, подчёркиваю «семейного!» отпуска, как эти двое выдумали себе развлечение:

– Мам, пап! – басит мой ненаглядный братец, – мы с Эштоном нашли на берегу Феррари в рент, всего 69 евро в час! Короче, едем кататься!

Ага! Кататься они едут! Вот же уроды!!! Разделись, расчесались, гладко выбрились и надушились, оба в рубашках вместо маек, в узких джинсах, облегающих их тугие задницы, хотя кататься куда как удобнее в широких шортах с пальмовыми листьями! И не жарко же в таком-то пекле!

– Да ради Бога, только постарайтесь не вляпываться... в неприятности!

– Презервативы при мне, хватит на обоих! – скалится брат.

Протяжный вздох от мамочки, усмешка от Лурдес, и деланно скромные ладошки на уши от Аннабель. Взгляд, полный ненависти – от меня. Взгляд, способный превратить в пепел... Серый, сухой, вонючий пепел! Жаль, что это всего лишь мои фантазии...

Их не было всю ночь, явились только под утро, уже со-

всем не такие свежие и наглаженные, а изрядно помятые и растрёпанные... Не знаю, девиц они снимали или куриц, уж больно потоптано выглядят эти петушки!

Мама, увидев их, снова громко и протяжно вздохнула, на что мой любимый и многоуважаемый отец ей выдал:

– Ну что ты хочешь?! Молодая кровь! Это только я тут в выгодном положении со всеми бонусами и бенефитами, а им каково две недели на карантине находиться?

Вот честно, не ожидала от отца такого предательства! Вот ни разу не ожидала!

Уставшие, вымотанные ночные герои собрались было прикорнуть прямо на пляже, как их внимание привлёк виднеющийся вдалеке большой корабль. Даже оторвали свои задницы от шезлонгов и к морю подошли, как будто это способно было их ощутимо приблизить к объекту!

– Это военное судно! – лицо отца выражает обеспокоенность. – Странно, что подошло так близко к пляжу!

– Да ладно тебе, Алекс, третью мировую сегодня не развяжут, не нагнетай!

– Ты просто, Лерусь, не слишком владеешь информацией...

Алекс резко поднимается, и даже многострадальное колено у него не болит, подходит к парням, они о чём-то говорят, устремив свои взоры на корабль. Лёша, как обычно, что-то доказывает, размахивая рукой для пущей весомости своих доводов, отец кивает, улыбаясь. Эштон натянут, как струна,

руки скрещены на груди – он закрыт.

– Обрати внимание на стойку Эштона... Он словно пытается что-то доказать... Тебе так не кажется? – внезапно замечает мама.

Действительно, ноги Эштона выпрямлены и расставлены в стороны, так, словно он стремится придать своей позе максимум устойчивости и внушительности. Даже в цветах их характеры: у Алекса шорты кричаще-красного, у Лёшки пиджонски-белые и самые короткие из всех, у Эштона чёрные с растительным белым принтом – ничего выделяющегося, ничего, что могло бы натолкнуть на суждения о его характере, темпераменте, личности.

– Сонь, посмотри, наши – самые красивые на этом пляже! – мама даже не пытается скрывать свой восторг.

И это правда, трое образчиков мужской отборной породы: плечи, руки, рост, стройные ноги, торсы у всех троих как на подбор! Не качки, но рельефные самцы, точно!

– Алексу в этом ноябре исполнится сорок шесть, а ведь не уступает же молодым! – хвалит мама своего мужа.

– Он следит за собой, всю жизнь занимается спортом, поэтому и выглядит так, – отвечаю только чтобы поддержать разговор, потому что отцовские достижения в плане внешности – наименьший из моих интересов на сегодня – мои глаза прикованы к плечам парня, скрестившего руки на груди.

– Для Алекса спорт – не источник красоты. Он хочет быть сильным! – мама смеётся. – Представляешь, какой детсад?

Нет, всё-таки мужчины отчасти навсегда остаются детьми!

– Лёшка уж точно качается, чтобы девочки легче снимались!

– Не говори так, он никогда никого не снимает! Ищет «своё», имея пример Алекса перед глазами.

– Мам не выгораживай! Эштон тоже ищет своё?

– Эштону ещё рано...

– То есть, это нормально, что они оба шляются?! У каждого своё оправдание?

– Соня! Где ты только слов таких понабралась! Вроде бы русских классиков читаешь, а выражаешься на родном языке как ямщик, честное слово!

– Эмоции прут, мам. Противно смотреть, просто.

– И много ты видела?

– Да уж побольше твоего!

Лицо у матери перекашивается:

– Ты имеешь в виду вечеринки?

– А ты думала, они там только вербально общаются?

– Ну вообще-то...

– Языки используют – это точно, но не только для слов!

– Господи, Соня, ты серьёзно огорчаешь меня! Зачем говорить матери такие вещи? Вот зачем? Ну что я могу сделать? Что? Эштон вообще не мой ребёнок, а брату двадцать пять, Соня! У твоего отца в этом возрасте уже подросший сын был! У каждого мужчины свой темперамент, кто-то более спокоен в сексуальном плане, кто-то менее... А гены...

От них никуда не денешься!

– Ты на папу намекаешь?!

– Оставь Алекса в покое, доченька, иначе меня сейчас вывернет! Ты же отцом его называешь, как можешь думать о нём в таком контексте?!

– А я и не думаю, это ты чего-то завелась!

– Да не заводилась я! Оставь их в покое, возраст у них такой, понимаешь?

– Нет, не понимаю! Если девушка так себя ведёт – то сразу шлюха, а если парни – так вроде даже это и веса им прибавляет!

– Соняш, не я создавала этот мир, его законы и нравы! Запретить им ничего не могу... А если бы и запрещала, кто стал бы меня слушать? Соняш, я знаю, в чём причина твоей нервозности, потерпи ещё недельку, пожалуйста!

– Всё в порядке, мам. Ты не те выводы сделала! Всё хорошо...

Поняла сама, что поступаю необдуманно – родители могут и домой меня отправить, только бы не огорчались мои очи, и не страдала нервная система от безразличия объекта одержимости! Нужно ловить момент – когда ещё появится возможность видеть Эштона каждый день и в неограниченном количестве?

А Эштон... Эштон прекрасен, невзирая на отвратительный характер, холодность, отстранённость, упрямство. На мою боль неразделённой любви. И я люблюсь им почти по-

стоянно, потому что не любоваться невозможно... Нет никаких сил сдерживаться и не использовать драгоценные секунды отпущенной возможности скользнуть взглядом по тревожной линии его молодых плеч, груди, пресса, стройных ног и ягодниц, так соблазнительно обтянутых чёрной тканью с белыми контурами осиновых листьев... Мне нравятся его волосы! Сухими, мокрыми, короткими или отросшими, как сейчас...

Вот они оба выходят из воды, направляются к нам, похожие на модели с обложки модного журнала. В движениях брата сила и уверенность в себе, а Эштон – это красота и изящество, пугающая мощь в очерченных мышцах его натренированного тела. Они оба приковывают взгляды, оба заставляют отдыхающих дам сдвигать на нос очки или поднимать их наверх. Девушки справа, девушки слева, девушки отовсюду ласкают их своими взорами, привлекая неестественно громким смехом и более чем смелыми бикини. Каждый день я веду подсчёт загорающих топless, и с каждым новым днём нашего здесь пребывания современных девиц, готовых обнажить бюст, становится всё больше...

Парни подходят к нашим шезлонгам, находят у матери свои солнечные очки и усаживаются на песок чуть поодаль – вроде, как и с нами, но о чём беседуют, не слышат: и лёгкий летний ветер и шум волны сегодня играют на их стороне. Но мне не нужно слышать, чтобы знать – они разглядывают девушек и делятся друг с другом соображениями.

А я словно под гипнозом: перед моими глазами самая прекрасная картина самого талантливого художника – смуглая спина Эштона... Даже отсюда, хотя я и не так близко, как хотелось бы, видны стекающие по его коже капли, они собираются, образуя тоненькие ручейки, или упорно не двигаются с места, сверкая на солнце. Его затылок – не просто затылок, а предмет произведения искусства, ведь вода укротила его непокорные локоны, нежно собрав их в одну сексуальную волну, стекающую с головы на шею, с шеи на спину... И я знаю, что будет дальше – спустя время он вспомнит о них, резко запустит руку, разворошит, растормошит, и мокрые пряди тут же завернутся в мокрые кольца, созерцая которые добрая половина женщин этого пляжа, включая меня, будет готова отдаться без лишних вопросов, сразу и по первому требованию. Вот только сам обладатель мужской красоты не будет спешить – он выбирает долго, медленно, не спеша, ищет лучшую из лучших – самую красивую, самую стройную, самую женственную, самую ухоженную и самую дерзкую... Самую из самых...

Мой брат красив, мужественен, развит физически, но Эштон лучше: плечи чуть шире, талия чуть уже, линии мышц чуть изящнее... Всего по чуть-чуть, а результат сшибает с ног. И не только меня...

Две девушки, две распрекрасные девицы в белом и голубом купальниках, спасибо, хоть не в одних трусах, подходят к нашим парням. Обе блондинки, обе симпатичные, обе

сильно заинтересованные, о чём свидетельствуют их ровные белые зубы, сияющие в не сходящих с лица улыбках, словно намертво прилипших к наглым ртам!

– Ну вот! Что я тебе говорила?!

Мама громко вздыхает, потому что ей нечего ответить, нечего возразить, потому что факт налицо.

В этот же самый момент Алекс возвращается, накупавшись в море, сощурившись, почти незаметно разглядывает ситуацию откровенного женского пикапа напротив нашей виллы и наших шезлонгов с зонтами. Судя по его едва заметной натянутой улыбке, он, в отличие от мамы, настроен менее доброжелательно к происходящему. И я вижу, как одна из девушек замечает его спину, приклеивается к ней взглядом, за ней и вторая, и у обеих на лице... практически шок. Да, девочки, у нас тут питомник мужской породы, а это представитель генофонда!

На самом деле, если абстрагироваться от моих субъективных предпочтений, то стареющий Алекс красивее и Эшто-на, и Алёши вместе взятых и помноженных друг на друга. Алекс – неподражаемый и неповторимый, не поддающийся научному объяснению экземпляр. Единственный в своей лиге! Создатель, похоже, упражнялся на нем в собственной гениальности, стараясь переплюнуть самого себя. И дело даже не во внешности, которая упрямо не подчиняется законам биологии, не желая стареть, а в том неповторимом шарме, который струится из него подобно радиации, поражая всех

вокруг их же собственными желаниями. Женщины хотят его в свою постель или даже жизнь, мужчины стремятся войти в круг друзей, знакомых, партнёров по бизнесу. И как мама живёт с ним? Ведь эти девочки, девушки, тётки не переводятся НИКОГДА!

У самого Алекса, как он мне однажды признался, собственный взгляд на свою уникальную красоту сформировался только к сорока годам:

– Красота – это ноша или испытание, жизненный тест, состоящий в исключительном соблазне потерять всякие ориентиры и спустить свою жизнь к чертям!

– Почему? – спрашиваю пятнадцатилетняя я.

– Потому что возникающая иллюзия вседозволенности, вседоступности и расширенных возможностей в жизни разрушает личность с такой скоростью, какую мозг не способен осознать! Выдающаяся красота требует незаурядного ума, чтобы с ней справиться!

– Ты же не разрушился, значит у тебя супермозг?

– Нет! – выдыхает с довольной улыбкой от уха до уха, потому что идейная беседа подошла, наконец, к своей кульминации: – У меня твоя мама! Мне мой тест помогла пройти моя собственная персональная отличница!

Затем добавляет шёпотом:

– Подозреваю, это не первая моя сессия, которую она курирует!

– Серьёзно?! С чего ты взял?

– А с того, что я в слишком юном возрасте подозрительно точно и чётко знал, чего хочу и к чему мне нужно, заметить, «нужно» стремиться! Обычно людям требуются годы, чтобы поднять в личных топах истинные ценности, мои же были запрограммированы с самого начала! Я словно знал, что должен искать свой маяк.

– Маяк?! – чем больше он говорит, тем меньше я понимаю.

– Твою мамочку, Соняш! Она – моя отличница, мой маяк, моя путеводная звезда или как там это называется? Моё спасение, короче.

И вот смотрю я на эту звезду, и честное слово, ни золотой пыли, ни мощного света, ничего из атрибутов звёздности в упор не вижу! Обычная женщина – моя мать. Ничем не примечательная. Ухоженная, умная, в меру красивая, как тысячи и сотни тысяч других. Так почему же его свет клином сошёлся именно в её точке?!

– Накупался? – немного резко интересуется мама, тоже заметившая взгляды молодых девушек, адресованные своему мужу.

– Ага! Вода отличная, идите и вы с Соней! Только будьте внимательны, я видел пару сиреневых медуз, они больно жалятся, смотри Сонь! – показывает мне красное пятно на руке.

– Сбегаю за яблочным уксусом! – тут же подрывается мама, напрочь забыв о мимолётном огорчении.

– Лерусь, не надо никакого уксуса! Ерунда! Само пройдет!

– Просто пописаи на руку, – предлагаю ему.

– Да? И как я потом буду с мамой обниматься? Или с тобой? Этот способ только в детстве подходящий, а во взрослом возрасте лучше просто перетерпеть! – смеётся.

Мама уже льёт свой уксус ему на руку, а отец и не думает сопротивляться, глядя с неподражаемой нежностью на её волосы, пока она, склонившись, рассматривает медузный ожог.

– Надо песком затереть стрекательные клетки! – сообщает с умным видом наш профессор математических наук.

– Пап?! – мне внезапно хочется отвлечь его внимание на свою персону.

– Да, Соняш, – отвечает, не отрывая взгляда от маминой головы, но теперь уже его большой палец повторяет контур её уха – ещё немного и снова кинется целоваться.

Знаю я эти его заторможенные взгляды и движения – всегда всё заканчивается одним и тем же: в лайт-версии поцелуями, а если маман вовремя не примет меры, то и вообще, может схватить в охапку и утащить во всем известном направлении. Я бы сказала, что у меня идеальный, образцовый отец, если бы не эта его специфическая деталь! Да раздражает просто! Иногда.

– Пап, а откуда медузы, если есть буйки заградителей?

– Ну... может, сеть повредилась, а может, волна слишком высокая была, сверху перекинула... Я не знаю...

И вот он результат: пока отец напрягал мозги, чтобы сооб-

разить ответ на мой вопрос, момент упущен – маман как ветром сдуло, видно, сама уловила его настроение. Всё хочу у неё спросить, не слишком ли ей напряжно так часто удовлетворять его «потребности», да всё никак смелости не наберусь. Мама у меня, как бы помягче выразиться, ханжа! Полная, диаметрально противоположность отцу! Странная они пара – во всём, и даже в мелочах противоположны, как полюса магнита, но сила, та, что вдавливают их друг в друга, неимоверна! Я знаю наверняка, что для моей матери существует только один мужчина, и точно так же наверняка знаю, что Алекса не интересуется ни одна женщина на Земле, кроме моей матери. Сколько бы на него ни смотрели, его собственные глаза всегда прикованы только к ней, как сильно бы ни жаждали его внимания, он не замечает никого кроме неё, отдавая ей себя целиком и без малейшего остатка!

Идеальная пара, идеальные отношения, идеальная, красивая, заботливая любовь... Любовь, пережившая все возможные испытания. Ну, если и не все, то уж точно большую часть!

Часто смотрю на них, вот так же, как сейчас, и думаю: ну неужели люди не могут с самого начала любить друг друга так же? Зачем нужны все эти терзания, поиски, ошибки, неудачи? Почему Бог не даёт людям счастье просто так? Просто потому что они родились и есть на Земле, а не в качестве награды за задуманные им же испытания?

А пикап, тем временем, не удался: наши парни не про-

явили интереса. Развалились каждый в своей расслабленной позе, пока девушки выжимали из себя максимум сексуальности. Интересно, что им не угодило? Неужели хватило благоразумия не вестись на глазах у родителей и сестёр? Нет, это вряд ли. Наверное, фигуры по их запросам недостаточно модельные – уж мой брат точно предпочитает девиц постройнее.

Девушки уходят, виляя попами, а я гордо шествую к воде, зная, что братья в данный момент глазают в мою спину, и мне нравится это осознавать!

В воде замечаю молодого мужчину, заплывшего в зону, относящуюся к нашему пляжу. Он тоже меня замечает. Вернее даже, сразу обращает своё зоркое внимание на мою тушку. Я бы сказала... чересчур зоркое и чересчур пристальное!

Тётя Габи обожает раздавать свои советы мне и сёстрам, упорно считая мою мать недостаточно женщиной, а отца слепым идиотом:

– Мужики же – они как сливочное масло: не разогреешь, не намажешь! А вы ведь хотите толстым слоем мазать? – как-то, хорошенько «поддатая» после вечеринки со своим бойфрендом, поучала нас мамочка моей младшей сводной сестрёнки Аннабель.

В тот момент я только про себя посмеялась: ведь моя мать ничего не грела, а мажет, не то слово толстым слоем! Пачками кладёт, не размораживая! Но вот в этом временном отрезке моей истории, вспомнив тёткины слова, мне вдруг по-

думалось: «Да мне хотя бы тоненьким!».

И я улыбнулась... Слегка так скривила губки в подобие лодочки, и о Боги! Кардинальные метаморфозы! У мужика грудь и плечи удвоились в размерах, глаза заблестели, полуулыбка стала улыбкой во все тридцать два! Его сексуальной энергией меня чуть не сдуло, вернее, едва не вынесло волной на берег!

Моя неопытная персона тут же немножко испугалась, боязливо покосившись на своих, но сразу же поняла, что опасаться нечего – Алекс, как сурикат, уже торчит в полный рост у самой кромки воды: не отрывая глаз, следит за моей безопасностью.

– Это твой парень? – интересуется мужик, проследив мой взгляд.

– Отец! – заявляю гордо.

Мужик немного скукоживается.

К Алексу подходит брат, уперев руки в бока, они о чём-то говорят, пока Эштон продолжает возлежать на кирпичном песке, разглядывая девочек справа. Алёша с разбегу ныряет, профессионально двигаясь размашистым баттерфляем в мою сторону.

– А это кто? – снова интересуется мужик, и на этот раз, у него, кажется, сжалась даже голова!

– А это брат, – елеино отвечаю ему.

– А тот на пляже?

– Который?

– Тот, что лежит.

– А, этот... этот не брат, но и не парень! – честно отвечаю.

Лёшка уже у меня под носом:

– У тебя всё в порядке, сестра? – спрашивает по-русски.

– Конечно, брательник, лучше не бывает!

– Смотри у меня! Если что, я тут, поблизости!

– Ага, я в курсе уже. А не много ли вас с Алексом на одного этого мужичка? – тяну, разглядывая своего кавалера.

– Не много. Захотим и третьего подключим!

– Это вряд ли, у него есть занятия поинтереснее!

– Сонь! – брат подплывает ближе.

– Да?!

– Ты это представление для Эштона что ли устроила? Кончай, давай! Алексу не нравится этот хрен и мне тоже!

– Фу, брат! Я так никогда замуж не выйду из-за тебя!

– Так не за этого же карлика престарелого!!! – у брата, кажется, уже искры из глаз сыплются.

– Не наговаривай! Нормальный он мужчина! Ваши девки на Алекса пялились, а он постарше этого будет!

– То Алекс, а это хрен с горы! Ни рожи, ни кожи! Почувствуй разницу, детка! Он же тебя на раз снять хочет, ежу понятно! А девки были не наши, и мы их отбрили! Так что, давай, сворачивай тут свою флотилию соблазнения!

– Да ну тебя! – мне трудно скрыть обиду.

– Я найду тебе нормального парня, достойного. Не торопись! – голос у брата уже мягче.

– Ловлю на слове...

– Лови, я слов на ветер не бросаю!

Затем моему мужику на испанском:

– Всё мужик, сгинь отсюда, частный пляж – усёк? К девочкам нашим не приближайся, белые буйки не пересекай!

Выбегаю на берег замёрзшая, вода тёплая только у берега, а на глубине тот ещё холодильник.

– Ляг на песок животом, согрейся! Смотри, губы совсем синие, – причитает мама.

– Лучше ко мне иди, Сонь, я так нагрелся на солнце, что сейчас воспламенюсь! – приглашает меня отец.

Я тут же оборачиваю себя вокруг его действительно горячего как печка тела, и он тут же смеётся:

– А-а-а! Ледышка! Холодно, блин!

А мне хорошо! Так хорошо, что словами не описать. Так и сидим с ним в обнимку, охлаждаая и согревая друг друга.

Алекс молчит некоторое время, положив подбородок на мою макушку. Потом вдруг выдаёт:

– Соняш, ты как маленький замёрзший котёнок, и так жалко тебя вдруг стало...

У меня от этих слов тут же щиплет в носу – я личность эмоциональная, а отец продолжает:

– А помнишь, в детстве ты всегда изображала из себя кошечку, и повадки все точно копировала, даже молоко лакала из миски, – смеётся. – Такая мурлыка была!

– Помню. А мама ругала меня...

Маман тут же оправдывается:

– Это когда тебе шестой год уже пошёл, а ты всё кошкой на четвереньках по полу бегала, я уж думала у тебя того... сдвиг в умственном развитии! Какая мать так не подумает?

– Мне просто нравилось быть кошкой!

– Да, и чесать левой ногой за ухом! – теперь и мама смеётся.

– Ну видишь, Лер, я же тебе тогда говорил, что это просто образ такой! Зря ты ломала ребёнку кайф! У моей девочки в глазах всегда незаурядный ум светился, разве этого мало?!

– Ну да, ну да! Тебе только волю дай, ты им всё позволишь!

– Не преувеличивай, Лерусь. Далекое не всё!

Отец целует мою макушку и проводит ладонью по голове, точно так же, как гладил в детстве кошечку Соню, и только в этот момент я вдруг замечаю взгляд Эштона – острое ядовитое лезвие. Меня словно из жаркой Испании в одно мгновение переместили на холодный Северный полюс, прямо так, в купальнике, с мокрой головой, и даже не выдали полотенца. Одно единственное за день столкновение взглядами, и в душе у меня зияет ядерная воронка. Вот как? Как он так делает? А главное, зачем? И почему?

Глава 18. Медицина

Вечером мы всем составом отправляемся в фешенебельный ресторан на берегу. Столики мама с отцом заказывали заранее и с большим надрывом, поэтому никаких горок, тиров, ночных прогулок на Феррари с целью подцепить развлечение на ночь для некоторых, магазинов и прочей ерунды не предвидится – все до единого обязаны присутствовать на семейном ужине.

Обычный ужин, обычная ресторанный еда. Паэлья – не самая лучшая, как всегда слава портит заведение – общий вывод отца и матери, специалистов в этом вопросе. Они много путешествуют вдвоём, объездили уже весь мир, но Европа, а особенно Испания – их любимое направление.

Им, как и всегда, мало друг друга, поэтому, оставив нас расправляться с десертом и развлекать друг друга, они удаляются на берег, чтобы побыть наедине. Никто из нас не станет им мешать: каждый знает, что нас слишком много и слишком мало у них времени, которое они привыкли уделять друг другу. Поэтому мы без лишних нареканий остаёмся, лениво поддерживаем ничего не значащую беседу – все уже приелись друг другу до изнеможения и давным-давно хотят по домам. Кроме меня, конечно. Ведь даже если я и не смотрю на него, не говорю с ним, я всё равно живу им. Просто живу...

Внезапно суету, шум непрекращающихся бесед, переливы тональности смеха отдыхающих, разрезает нечеловеческий женский вопль. Резко обрывается, затем запускается вновь – кто-то рыдает в истерике, но это не обычный плач, каждый мой нерв отзывается на раздражающий звук бездной отчаяния и безысходности, необъятной боли и страха, именно страха!

Моё бедное сердце готово разорваться изнутри, но я протискиваюсь сквозь толпу, чтобы узнать, что произошло?

И вижу: не произошло, а продолжает происходить! На полу холла, окружённая кольцом людей, сидит женщина, в её руках неестественно красный, почти уже синий мальчик, лет трёх, пытается дышать, совершая судорожные движения ртом. В следующее же мгновение рядом с женщиной оказывается и мужчина, хватая ребёнка за горло одной своей рукой, а пальцами второй пытается проникнуть внутрь с вполне очевидной целью – вытащить то, что там застряло.

– Что вы делаете?! Вы убьёте его этим! Отойдите! – слышу чёткий, громкий, уверенный и даже жёсткий призыв.

Не сразу понимаю, что голос принадлежит человеку, которого хорошо знаю, и только когда мальчишка взлетает, перевернувшись в воздухе вверх ногами, понимаю, что это Эштон! Ноги ребёнка ловко зажаты в его руке, вторая совершает ритмичные хлопки в районе лопаток, разделённые на равные интервалы.

Некоторое время ничего не меняется, ребёнок всё так же

не дышит, и, выпучив глаза, шевелит ртом, как рыба. Мужчина, очевидно отец, теряет самообладание и кидается на Эштона, пытаясь забрать мальчика, но женщина вскакивает и с воплями бросается на мужа, ударяя его кулаками в грудь. А Эштон не выдаёт ни единой эмоции – холоден и спокоен, продолжая совершать одному ему понятную последовательность действий. То встряхивает ребёнка, то похлопывает, то засовывает большой палец в рот, как будто на что-то давит там.

– Правильно, парень, давай, на корень языка дави! – слышу прямо рядом с собой.

Но ничего не происходит. Ребёнок становится всё синюшнее, и уже, кажется, даже перестал бороться – рот открыт, но губы и челюсть неподвижны. Обильная слюна делает картину душераздирающей.

– Что вы смотрите, как пацан ребёнка убивает? О чём думаете! Тут есть хоть кто-нибудь связанный с медициной? – восклицает нервный женский голос.

– Скорую надо вызвать! – вторят ей другие голоса.

– Никакая скорая его уже не спасёт, – печально отвечает некто из толпы.

А Эштон невозмутим. Как скала. Как непоколебимая глыба.

И в тот момент, когда люди мысленно и не только уже похоронили милого черноволосого мальчика в джинсовом комбинезоне, а Эштон успел получить удар в лицо от его от-

ца, напряжение разрывает громкий детский крик – в суматохе никто и не заметил, как изо рта перевернутого ребёнка вылетел смертоносный предмет. Им оказалась ярко-оранжевая карамель.

– Это конфета! – истерия радости охватывает толпу.

Мать уже прижимает мальчика к груди, всхлипывая в голос, его отец нервно проводит ладонями по лицу, а высокий парень с сильными руками и безупречной выдержкой незаметно для всех удаляется в сторону входной двери.

– Мда! А всё-таки классный получится доктор из нашего Эштона! – заявляет голос Лурдес прямо у моего уха.

У меня ступор.

– Что ты сказала?

– Что у брата природная тяга к медицине. А с учётом его хладнокровности из него выйдет потрясный врач в будущем.

Хирург, к слову.

– Хирург?!

– Ага, он уже чётко определился с выбором резидентуры. Хирургом хочет быть.

У меня состояние, близкое к шоковому.

– Я всегда думала, что он изучает менеджмент... И как он у матери оказался? Разве медики учат математику?

– Так это же второе образование. Он в этом году только поступил, добирает лекции к своей основной программе, но признался, что растягивать на годы это дело не собирается.

– Я не знала...

– Так не афишируется же. Это типа тайна, о которой все знают, – смеётся.

– Кроме меня...

– Ну... у вас же натянутые отношения. И потом, в неведении не только ты.

– А тебе мама сказала?

– Нет, он сам. Мы общаемся иногда, если пересечёмся. Я и дома у него была: там столько книг по медицине! Спит на полу, а всю комнату книгами завалил, медицинскими атласами. Я в один заглянула, меня чуть не вытошнило! А он всё это учит, прикинь!

– Боже, когда этот парень всё успевает?

– Ну так я же говорю, у него тяга, прямо одержим своей медициной. Думаешь, студенты первокурсники в состоянии сделать то, что он сегодня продемонстрировал? Думаю, вряд ли.

– Ну, это же оказание первой помощи, с неё они и начинают, скорее всего.

– С анатомии они начинают. Я видела его конспекты.

– Понятно, – говорю, а сама ищу глазами будущего тайного доктора. – А почему тайна?

– От отца. Чтобы не расстраивался. Лёшка же тоже отказался от приза.

– В смысле, отказался?

– В прямом, так и заявил отцу: «раз у тебя теперь есть родной сын, я снимаю с себя полномочия наследного принца».

– И?!

– Что, «и»?!

– Папа что на это сказал?

– Сказал, что каждый человек вправе сам выбирать свой путь, и что Алёше следовало сразу признаться прямо, что душа у него не лежит быть директором всея Соболев-корпорэйшн.

– То есть, теперь кандидат в президенты Эштон?

– Да, как только окончит Университет и получит диплом по бизнес-администрированию, у него начнётся практика на должности папиной правой руки.

– А как же медицина?

– Ну, мне Эш сказал, что бизнес – это то, что нужно, а медицина – мечта, и учится он для души. Сказал, что хочет знать все известные науке тайны человеческого тела, уметь лечить людей, и в будущем, когда-нибудь, откроет лабораторию.

– Лабораторию чего?

– Не знаю, я не спрашивала. Сама поинтересуйся у него! Вот и тема для разговора, а то молчите постоянно в обществе друг друга, словно два истукана!

– Всё-то ты у нас знаешь, всё-то видишь!

– Так это ж так прикольно, наблюдать за людьми!

– Да уж... мама права: гены – страшная сила.

– Ты о чём это?

– Да так, ни о чём.

Глава 19. Моменты

Amber Run – No Answers

Orka – Yemanja

Я не слишком хорошо понимаю, куда несут меня собственные ноги, но догадываюсь. Не знаю, почему и зачем мои глаза обшаривают каждый угол этого фешенебельного ресторана, но сердцем чувствую.

И вот скажите мне, разве может быть случайной душа, знающая где, как и когда найти ту самую другую душу?! Конечно же, я нашла его: на берегу, в сумерках, на удалении от всех признаков цивилизации. Вижу широкую спину в светлой футболке, взгляд, как обычно устремлённый в никуда, в пустоту, в мысли, в самого себя.

Сажусь рядом на песок, точно в ту же позу со скрещенными ногами, что и почти год назад в ноябре, на нашем холодном берегу.

И мы молчим. Он не смотрит на меня, ни единого взгляда. И я не смею беспокоить его своими глазами. Только тишина, спокойное море, иссиня-чёрное небо с разливами угасающего солнца, ещё не остывший за день оранжевый испанский песок, и мы двое.

– Это не так легко, как кажется, – внезапная фраза от героя вечера.

– Я знаю.

И снова тишина. Мы оба упорно молчим, хотя безумно хочется сказать ему очень многое. Например, то, что он не даёт мне забыть себя, отпустить, совершая время от времени вот такие геройские поступки, как сейчас. Как соблазняет своим умом и потрясающей выдержкой, не оставляя моему сердцу ни единого шанса спастись. Как сильно на моё девичье сознание давит весомость его поступка, смелости, духовной мощи. Ведь он не только знал, что делать технически, он взял на себя риск, ответственность за жизнь чужого ребёнка, сохранял самообладание, невзирая на упорное отсутствие результата, непоколебимо продолжал делать то, что считал нужным, хотя люди не верили в него и пытались помешать.

– Откуда ты знал, что нужно делать?

– Видел однажды, как умер ребёнок. Ребёнок, которого можно было спасти. И ни один из десятков бывших там взрослых не имел понятия об элементарных принципах оказания первой помощи.

– Он тоже подавился?

– Это была девочка, лет четырёх-пяти, она утонула в городском бассейне. Мне было десять, и... после того случая я выучил всё, что следует знать любому хоть сколько-нибудь разумному человеку.

– Эштон...

– Да?

– Из тебя выйдет потрясающий врач. Один из тех, кто сла-

вится на континенты, о ком говорят: доктор от Бога!

– Это вряд ли. У меня другие планы.

– Медицина не входит в них?

– Нет.

– А я слышала, что ты учишься, чтобы стать медиком.

– Я учусь, чтобы быть образованным. А планы на жизнь не всегда определяются желаниями и призванием.

– Всегда. Любой человек сам определяет свой путь. Если только он не пожизненный заключённый в какой-нибудь тюрьме! – улыбаюсь. – Я вот недавно книгу прочла об одной девочке, выжившей в пожаре... но изуродованной, она сумела стать известной актрисой. Что останавливает тебя? Разве есть весомая причина?

– Есть.

– Какая?

Только в этот момент Эштон, наконец, решает удостоить меня своим коротким, искоса посланным взглядом. Думаю, он и понятия не имел о том, как много значил для меня тот мимолётный, болезненный контакт с его карими, почти чёрными в этом освещении радужками. Пусть это всего несколько мгновений, затерявшихся в вечности, но они были отданы мне, только я и только мои глаза стали на короткий миг его центром, фокусом его интересов...

– Пусть моя причина останется при мне, окей?

– Как пожелаешь! – отвечаю, с трудом сдерживая обиду.

Он отворачивается, но я успеваю заметить кровь на его

лице.

– Эштон, у тебя разбито лицо...

– Знаю! – слышу в голосе усмешку. – Какой же героизм без телесных повреждений?

– Почему ты так мало ценишь то, что сделал сегодня?! У меня такое чувство, словно ты не осознаёшь даже, что именно произошло! Для тебя это как будто было просто работой, которую следовало сделать безупречно. Ты выполнил её и даже, о Чудо, немного доволен собой!

– Так и есть. Это просто работа, как и любая другая. Одно только отличие – больше усилий на то, чтобы обуздать собственные эмоции.

– И у тебя это выходит просто... нечеловечески! Те, кто Эштона не знают, могут даже решить, что ты их и вовсе лишён! А между тем, ты сегодня жизнь спас трём людям, Эштон!

– Одному.

– Одному сохранил, а спас троих!

– Не понял?

– Родители мальчика, Эштон! Страшно подумать об их жизни, о том, что стало бы с ними, с их семьёй, их душами, если бы сегодня в этом ресторане, полном холёных взрослых, не случилось бы быть тебе!

– Вся наша жизнь – случай. Всё в ней случайно. И появление одного отдельно взятого человека – тоже всего лишь стечение обстоятельств. Не больше.

У меня чувство, словно последние полгода философов штудировала не я, а Эштон. Будто это он прокачивал свои мозги, чтобы мне понравиться (куда уж больше-то?!), а во-все не я. Что не скажу – всё невпопад. Не удержалась – сама пришла, сама села рядом, нахваливаю его, а он держится так, словно я безбожно утомляю его своими восхищёнными трелями.

Эштон немного поворачивает голову в мою сторону, и его карие глаза пронзительно всматриваются в мои. Мы оба сидим неподвижно, держим друг друга взглядом. Он медленно, даже подчёркнуто неторопливо склоняет голову на бок и укладывает её на сложенные на коленях руки, ни разу при этом не разорвав наш такой долгий, что почти уже бесконечный зрительный контакт. Мне нравится этот момент, нравится то, как он смотрит, нравится, что вот уже несколько минут я – центр его мира, фокус его внимания.

Очень хочется знать, о чём он думает в эти секунды, сливающиеся в минуты, долгие тягучие минуты...

Но он не вглядывается глубоко, как умеет, как уже делал однажды в декабре, а просто смотрит. Всего полгода прошло с тех пор, а кажется, что целая вечность. И я за это время стала совсем другой: так много детскости растерялось, развеялось, облезло, оставляя после себя новую, ещё не такую опытную и мудрую, как хотелось бы, но взрослость.

Я не задаю ему ни одного из тысяч своих вопросов – знаю, что не ответит, не на том уровне наше общение, нет больше

той связи душ, что была раньше. Исчез бесследно волшебный «клик-клик» идеально соответствующих друг другу частей целого.

Отвожу свои глаза первой. Не потому что устала, не потому, что смущена или нет сил выдержать поток его энергии, ведь глаза – самый мощный канал её передачи, а чтобы уступить, дать ему возможность почувствовать себя сильнее. Ведь это действительно так – он намного сильнее меня, умнее, начитаннее, глубже, проницательнее.

Я смотрю на тёмное небо, спрятавшее от нас солнце, и думаю о своём неугомонном сердце. Спрашиваю его о том, когда же настанет тот счастливый миг, когда оно, наконец, успокоится и даст мне дышать свободно. Хочу жить, как жила раньше, спокойно начинать каждый новый день просмотром списка запланированных дел, памяток о важном, что никак нельзя позабыть. Нет больше сил просыпаться с мыслью о нём, об этом парне, что всё также продолжает смотреть на меня сейчас, и каждое новое утро надеяться его понять, осилить причину, по которой ничего не осталось от той магии, что была между нами, почему из прекрасного взаимного притяжения не родилось нечто большее. Почему для него я – запретное развлечение, а он для меня – смысл всего, центр моих желаний, фокус всех мыслей.

Ветер – предатель, не такой сильный, чтобы заморозить глупую девчонку и дать кареглазому сердцееду повод её обнять, но достаточный, чтобы донести до её рецепторов за-

пах... Его запах... Почему? Ну вот почему он всегда так фантастически притягательно пахнет? Так сладко и терпко одновременно, что хочется вжаться в его грудь лицом и дышать, дышать, крепко обхватив обеими руками, так крепко, чтобы никогда и ни за что никому не отдавать...

В нашем мире можно купить всё, что захочешь. Если то, что нужно, стоит слишком дорого, ты можешь задаться целью, медленно или быстро идти к ней, приложить все усилия, преодолеть все ступени и препятствия, но однажды заработать достаточно денег и всё-таки купить. Например, большой дом на берегу жаркого лазурного моря, яхту или даже остров. Ну, с островом, конечно, посложнее будет, но в теории всё-таки возможно, а значит, есть к чему стремиться!

Но любовь человека, его взгляды, наполненные чувственностью и нежностью, желание быть с тобой каждое доступное мгновение не купить ни за какие деньги, не заработать никаким поступком, не заслужить словом. Ничего нельзя сделать, если его душа не дрогнула, впервые встретившись с тобой... Этот такой простой и непостижимо сложный «клик-клик» – самое ценное из всех явлений, потому что единственное способно подарить эйфорию и счастье...

И ничего сделать нельзя, ничего...

Или всё же можно?

Hammock – Then the Quiet Explosion

А жизнь – шалунья... Эштон прав, обвиняя её в любви к Его Величеству Случаю! Иначе как объяснить то, что на-

ша, вечно жужжащая, как набитый улей, вилла, оказалась совершенно, абсолютно пустой в этот вечер?! Куда они делись все? Родители, сёстры, Лёха? Ну, брат как раз-таки не изменяет себе, а вот остальные?!

– Слушай, у мамы где-то была аптечка... – размышляю вслух.

– В их спальне наверняка найдёшь, – всё тот же холодный, спокойный, не громкий, но и не тихий голос.

Вот я не умею так разговаривать. Как он это делает? Можно этому научиться? Говорить с людьми так, чтобы они понятия не имели о том, что ты чувствуешь, как реагируешь, чтобы даже не догадывались о твоих мыслях...

Мамина сумка со всеми потенциально нужными лекарствами находится именно там, где и предположил Эштон. Беру необходимое, спускаюсь.

Эштон, не издав ни звука, подходит и садится на стул прямо передо мной, послушно повинуется, но при этом сохраняет лицо безэмоционального, бесчувственного памятника. Этот факт почему-то расслабляет, придаёт уверенности, я смачиваю вату перекисью и аккуратно вытираю кровь с его лица. Теперь только можно оценить повреждения: на скуле ссадина и красная припухлость, начинающая уже отдавать в синеву, бровь разбита, и в самом уязвимом месте немного треснула кожа – это и есть источник кровотечения.

Мои руки всё также делают то, что делали, и совсем не сразу я замечаю, что веки пациента опущены, дыхание уча-

стилось, а мою грудь буквально опалает жар выдуваемого им воздуха. Эштон выглядит так, словно едва сдерживается... Но не ясно, что именно с ним происходит. Во мне тут же поднимается шквал эмоций, которые мешают думать, трезво расставлять по местам события, факты и их возможные для меня последствия. Меня волнует только одно: это плод моего воображения, или я действительно чувствую исходящее от него возбуждение?

Голова кружится, ноги ватные и подгибаются в коленях, в голове туман, руки лишь механически продолжают делать своё дело, но я уже и сама вижу, как они неестественно медленны...

В сознании случается проблеск разума, и я нахожу в себе силы задать маленький, но такой важный вопрос:

– Тебе больно?

И это оказывается шёпот коварной сирены. Тихий зов искусительницы... Если до этого момента я достойно держала лицо, то после только идиот не догадается, что у меня на уме... и не только...

И лишь одна единственная вещь могла бы меня спасти – другой, такой же глубокий, эмоциональный, полный желания и невысказанных слов шёпот:

– Нет...

Вот это «нет» способно управлять моим телом в большей степени, нежели я сама, приручающая его вот уже почти семнадцать лет. Это «нет» делает мою ладонь мягкой, ласкаю-

щей его здоровую щёку... И я не знаю, сплю ли, мечтаю ли, но его ладонь так же нежно ложится поверх моей, и в ней столько тепла...

Я схожу с ума... Держите меня кто-нибудь! Ведь весь мир вокруг крутится с бешеной скоростью, вертится, не давая ухватиться взглядом хоть за что-нибудь, чтобы удержаться на ногах, чтобы не упасть... не упасть... снова...

– Вот они! – это вопль из Преисподней или восторг моей сестры?

Мои руки отдёргиваются от лица Эштона так, словно он раскалённый металл, словно любой контакт с ним для меня смертельно опасен, будто само моё нахождение рядом может быть отравляющим.

Следующее, что в состоянии осознать моя личность, это стоящая рядом мама:

– Дай-ка я посмотрю, что тут у него... О-о-о! – тянет она. – Эштон, боюсь, перекисью мы тут не отделаемся. Алекс, глянь, мне кажется, тут нужно минимум два шва!

Отец подходит к нам, но на его лице совсем не та озабоченность, какую ожидаемо можно на нём увидеть: он пристально вглядывается в моё лицо. Я тут же отворачиваюсь, буквально с остервенением собирая окровавленные ватные тампоны, стремясь придать своему виду максимум естественности, собранности, безразличия. И, кажется, мне удаётся. Оба родителя заняты, наконец, Эштоном. Никто на меня не смотрит, никто не изучает, никто не пытается поймать

с поличным на самом страшном...

Ни одна девушка не думает, что любить так опасно, стыдно и так тяжело. Я устала скрывать, устала прятать, вымоталась болеть в одиночку. Но, как и прежде, знаю: стоит расслабиться, любым намёком, необдуманном жестом, случайным словом выдать себя – и я больше его не увижу. Они уберут его из моей жизни, спрячут, выдворят куда угодно, но только бы подальше от моих глаз!

И я сама удивляюсь, почему до сих пор не ненавижу их самой лютой ненавистью?!

Глава 20. Экстрасенсы

В конце сентября маме захотелось в Париж. В тысячный раз, наверное! Но её вторая половина подобные желания не обсуждает, так что родители за день собрались и уехали.

Лурдес ненавидит пустой дом, поэтому напросилась на пять дней к Габи вместе с Аннабель, ну а я терпеть не могу отцовскую бывшую. Ну вот не перевариваю я её! Поэтому осталась одна, если не считать раз в день забегающую Эстелу – мне-то одной почти ничего не нужно.

За два дня полного одиночества одичала даже я – человек, особенно сильно ценящий личное пространство. Но и от привычки ведь никуда не уйдёшь: наша семья всегда была большой и всегда шумной. Даже в огромном родном доме мы умудряемся, порой, друг друга доставать! Поэтому, когда Кейси предложила пару дней потусить у неё, моё одиночество поспешило согласиться. Её предки, вернее бабушка с дедом, не очень приятные собеседники, но зато отец – прикольный чувак! Он так много знает о людях и их слабостях, любит рассказывать истории из своей адвокатской практики, особенно о бракоразводных делах. Кейси называет его экспертом в любовных вопросах, говорит, отец может определить, чего стоит каждый из супругов по одному лишь своему взгляду на них, а уж когда рот открывают, так и вовсе разложит их семейную жизнь на молекулы.

Первый день в доме Кейси прошёл как обычно «на ура» – мы играли в покер с её отцом, слушали его рассказы, забавные и не очень, он варил нам какао с зефиром по старинному рецепту своей тётушки и учил печь панкейки, потому что хорошие жёны всенепременно обязаны уметь это делать. Интересный эксперт, ни разу не женатый – подумалось мне.

На второй день мы с Кейси поссорились. Сильно. Она назвала Эштона ублюдком...

Ну не то чтобы я слишком уж рьяно придерживалась обратного мнения, просто никому не позволительно называть членов моей семьи подобными словами! Эштон – мой сводный брат, а значит, моя семья, а «наших» обижать недопустимо!

В общем, я сказала много нехороших слов про Джейсона, парня Кейси... И меня выгнали. Сказали:

– Всё, вали домой к своему братику!

Пришлось выполнять, получив вдогонку:

– И не забудь помолиться на его фотку перед сном!

Домой я ехала, размышляя над этими словами, и, очевидно, эти мои думы сопровождалась таким угрюмым лицом, что Стэнтон даже поинтересовался, всё ли со мной в порядке!

Да в полном! Если не считать того, что мою одержимость видно уже невооружённым глазом.

Запах МарьИванны ударил мне в нос прямо с порога. Сперва я подумала, что родители вернулись раньше заплани-

рованного. Но музыка и смех на террасе никак не подтверждали эту версию – у нас никогда не бывает вечеринок с чужими людьми. Я уже и не помню почему, но в какой-то момент Алекс ввёл такое правило.

На нижней террасе у бассейна обнаружилась компания с участием обоих моих братьев: и родного, и не родного. Кроме них на шезлонгах развалились ещё двое парней и четыре девушки примерно моего возраста. Всем отдыхающим было ну очень весело, а мне ну очень сильно пахло коноплёй. Сей факт, наложившись на моё и без того неблагоприятное настроение, вывел меня из равновесия:

– И что тут происходит?! – возмутилось хозяйское Я.

Эштон обжёг меня взглядом, а брат тут же расплылся в улыбке, то ли от радости, то ли от искреннего желания меня убить, чтоб не сдала родителям.

– О! Сестрёнка наша пришла! Знакомьтесь, София! – заявляет гордо.

Здороваюсь со всеми, заметив при этом, как пристально уставились на меня голубые глаза одного из незнакомых парней. После формальной части тащу брата в дом:

– Ты совсем одурел, придурочный! – это посторонним людям нельзя говорить плохие слова на моих братьев, а мне можно.

–Эй, полегче, Софи! Ты не забывай, пожалуйста, я старше!

– Ты сейчас обкурен, так что мы на равных! Если ещё я

не лучше тебя соображаю! Ты какого чёрта тут устроил, ты же знаешь, что Алекс...

– Он в курсе, Соня. Расслабься уже. Сам разрешил.

– Это с какого перепугу?

– Ну дом ведь всё равно пустой, в него, кстати, гостям заходить нельзя, и мы, как видишь, это уважаем.

– Да?! А почему тогда в гостиной такая вонь стоит?

– Это мы с Эштоном накурили. Потом друзей решили позвать.

– Слушай, брат, тебе своего дома мало для беспредела? Тебе ведь 26 уже! Не пора ли за ум братья, а? Жену там, детей заводить?

– Вот уж не думал, что яйца курей жизни учить начнут! Ты о себе больше беспокойся, а я как-нибудь сам разберусь, окей?! Давай лучше купальник свой ищи и выходи к нам, повеселимся.

Что я и делаю. Думаете, мне нужно это их веселье? Тем более, что количество собравшихся девиц кратно числу озабоченных особей мужского пола, а я там буду девятой лишней! Ни разу мне не интересна эта обкуренная компания незнакомых лиц, но вот один из них – Эштон... Поэтому купальник я напяливаю быстро.

Выходить к ним страшно, но нужно. Лицо моё выражает, очевидно, печаль всего Иерусалима, потому что брат решается на преступление:

– На вот, сестрёнка, курни и расслабься!

– Слышали бы тебя сейчас родители! Особенно мама!

– Да ладно тебе!

Наклоняется ближе к моему уху:

– Они сами покуривают иногда... Чем мы хуже?

– Я знаю, что покуривают, только несовершеннолетним не предлагают!

Да, это правда, они курят травку. В основном по субботам, когда никого нет дома, потом наивно полагают, что запах выветрился. А он стоит... На террасе, в их спальне, у бассейна...

Однажды я психанула на свою испанку и ушла с урока, домой вернулась раньше обычного. Эти двое были... слишком весёлые и чрезмерно активные: часа два искали мамин красный купальник, нашли, перерыв весь дом, потом пошли загорать на пляж... В апреле! День был солнечный, тёплый, но всё-таки апрельский!

Мне было жутко интересно посмотреть на обкуренных профессора и финансового магната... Непередаваемое зрелище: они то ржали как кони не ясно над чем, то кидались целоваться точно так же безо всякой видимой причины. Слава-те-Хосподи, хоть на секс их не потянуло! А ведь могло же...

Валяясь головой к голове на покрывале в собственной кровати, раскурили ещё одну на двоих, после чего вдруг посерьёзтели, поговорили немного о жизни, замёрзли, стали обниматься, покурили ещё, Алекс что-то проямлил и их

снова накрыло по полной... Дальше я смотреть не стала.

И вот, я думаю: если такие умные и уважаемые родители ведут себя как придурки от этой травы, то что же будет со мной?!

Решаю не курить.

И я такая одна – все остальные в деле.

Но, надо заметить, никакой непристойности и распущенности, ничего из того, что я уже привыкла наблюдать на вечеринках у брата, не происходит, даже несмотря на то, что все участники посиделок полураздеты, поскольку в центре всего мероприятия – бассейн! Никаких обнимашек, сальных разговоров, слишком откровенных жестов. Собравшаяся обкуренная молодёжь обсуждает серьёзные темы: рост смертности от передозировки фентанилом, бесплатно распространяемым властями среди наркоманов Сиэтла. Благородные цели предпринимаемых обществом шагов по контролю роста числа наркозависимых в городе становятся сомнительными в свете нашумевшей на прошлой неделе публикации: проведённые исследования обнаружили фатальную загрязнённость фентанила. Если пять месяцев назад токсичные вещества были найдены в крови только 40%, то сегодня 100% наркозависимых, получающих дармовой опиоид, показывают наличие в своей крови одного и того же токсичного вещества. Растущая на этом фоне смертность среди уличных наркоманов наталкивает на страшные мысли.

– А что здесь удивительного? Общество очищается от

нарыва на своём теле, это нормально. У животных слабые особи попросту не выживают, трусливые самцы не получают возможность воспроизвести потомство и пустить свой ген дальше. Это элементарные принципы выживания вида! – доводы светловолосого Ральфа кажутся убедительными, несмотря на своё кощунство.

– А как же гуманность? Разве это не отличительная черта человека разумного в сравнении с животным миром? – я впервые позволяю себе вмешаться.

Все присутствующие тут же обращают свои взоры на меня, включая и Эштона, что сразу заставляет пожалеть о несдержанности. Я не люблю быть в центре внимания, если только речь не о совсем небольшой компании, а здесь слишком много людей и притом чужих!

– Гуманность превращает хорошего хирурга в плохого, – сообщает Эштон совершенно ровным голосом. – А люди хотят, чтобы их лечили лучшие врачи.

Молчание виснет на некоторое время, и я вдруг обнаруживаю, что присутствующие нарочно не вклиниваются в диалог – все ждут моей реакции, моего ответа.

– Лечить человека и исцелять общество – не одно и то же. Причинять боль во имя спасения и убивать, чтобы обеспечить комфорт и безопасность для тех, кто считает себя лучше – также не одно и то же. Хирургу не нужно делить пациентов на плохих и хороших и затем причинять боль плохим, чтобы помочь хорошим.

– А ты что-нибудь слышала о триаже и очередности оказания медпомощи? В первую очередь спасают взрослых, и уже после них – детей. И в самую последнюю очередь – стариков. Потому что молодые взрослые более перспективны с точки зрения воспроизводства. Называй, как хочешь, но деление есть.

Мне нечего сказать: сколько бы ни читала, ни стремилась себя развивать, он всегда будет оставаться намного умнее меня. Он – мужчина, он – Эштон.

Беседа возобновляется, простимулированная очередной шуткой моего брата – что-что, а разряжать обстановку и насыщать её позитивом он умеет, да у него просто талант в этом! Внимание переключается на Тони и Ральфа, шуточно подначивающих друг друга.

Тони – симпатичный светловолосый парень с голубыми глазами. Брат не раз упоминал его имя при мне, чаще в деловом контексте – Антон бизнесмен, и как следует из тех обрывков информации, какие пылятся в моей голове, вполне успешный. И он – русский, сын иммигрантов, родился и вырос в США, но родители умудрились передать ему не только родной язык без акцента, но и часть менталитета – Тони умеет дружить, развлекаться и пить алкоголь. Последнее нравится моему брату намного больше, чем умение делать деньги. Я бы не уделяла столько внимания этому парню, если бы не заметила его взгляды в свой адрес.

Вообще, уже через час после того, как я стала неожидан-

ной частью этой компании, мне стало ясно, что тут нет ни единой пары. Все эти люди встретились на нашей террасе с целью общения, отдыха в шикарном бассейне и, вероятно, в надежде получить one-night-stand, как минимум, а там уже как пойдёт. То, что, по крайней мере, Эштон в этом стопроцентно заинтересован, как и мой брат – факт, не подлежащий сомнению.

Хотя, по поводу брата я не уверена. Одна из четырёх присутствующих девушек по имени Марго явно привлекает моего Лёшку. Он смотрит на неё слишком часто, слишком пристально и слишком странное имеет при этом выражение лица.

– Вы встречались раньше? – спрашиваю между делом Маргариту.

– Нет. Сегодня впервые познакомились, – отвечает Марго с улыбкой, и эта улыбка мне кого-то напоминает.

Я удивлена: Марго не самая красивая девушка из присутствующих, она – самая непривлекательная, блёклая, неинтересная. Скорее блондинка, нежели шатенка, Марго носит свои слишком кудрявые волосы туго стянутыми в узел, и я догадываюсь почему – если она их распустил, будет похожа на одуванчик. Её голубые глаза также не назовёшь красивыми, но вот взгляд необычен – она производит впечатление умной женщины, даже глубокой. Смотрит в глаза, улыбаясь, и ты чувствуешь, что говорит с тобой, хотя рот её не производит ни звука. Фигура у Маргариты не подарок, но к сво-

ей печали отмечу, что мы с ней в этом плане схожи – у нас слишком широкие не модные бёдра. У моей матери такие же, и отец безумно тащится от этого, но Алекс уникален во многих смыслах и в этом тоже! Остальные, чуть не сказала нормальные, парни предпочитают стройные ноги, плоские животы и модельные бёдра. Я знаю это наверняка – именно таких всегда выбирает Алёша, и именно так выглядела та девка на вечеринке, которую Эштон затащил в спальню брата, и именно к этой категории фигур можно отнести оставшихся трёх девиц в нашей компании.

Эмма... Если бы я была парнем, то абсолютно точно запала бы на неё сегодня и наверняка не могла бы совладать со своим либидо в её присутствии. Похоже, именно это и происходит со ВСЕЙ мужской половиной нашей компании. Да, моему брату не слабо флиртовать с одной, но при этом кидать заинтересованные взгляды на другую. Хотя Лёха заигрывает со всеми, если быть до конца честной. Единственная дама, кому посчастливилось не быть целью его любовных флюидов – я. Мне везёт!

Эмма – высокая стройная мулатка, с потрясающе красивым лицом – огромные миндалевидные глаза, безупречная кожа, чувственные пухлые губы неестественно яркого розового цвета, и даже немного курносый нос, доставшийся ей от африканских предков, нисколько не портит идеальный образ, лишь добавляя ему пикантности.

Эмма не только красива, она к тому же ещё и очень умна,

как следует из её реплик и замечаний, одарена несравненным чувством юмора, уже не раз заставившим нас хохотать до колик в животе, но при этом сдержана, спокойна. Всё, что она делает, пронизано подчёркнутым достоинством.

Я бы всё отдала, чтобы и внешне, и внутренне быть похожей на неё. Во мне нет такой силы, нет подобной уверенности в себе, умения так тонко флиртовать и так искромётно шутить.

Интересно, как эти четверо собираются делить её?

Эштону тоже нравится Эмма: желание радирует из-под его приопущенных ресниц всякий раз, как он окидывает её своим вожденным взором, затягиваясь сигареткой с вонючей травой. И я готова утопить в бассейне их обоих...

Моя наивность уже поняла, что этот вечер кроме боли и разочарования мне ничего не принесёт. На что я надеялась? Вот на что? Вопрос риторический.

– Так, ну ладно. Пойду сделаю ещё по коктейлю. Эш, можешь? – интересуется мой гостеприимный брат.

– Угу, – отвечает тот, находясь сознанием и глазами в бассейне... или где-то за его пределами.

Удивляюсь, сколько он выкурил этих косяков, если выглядит таким странным?

Братья уходят в направлении гостевой кухни, что расположена в торце левой части нашего дома, а все оставшиеся молча смотрят на их удаляющиеся спины. Внезапно Ральф поднимается, резким движением скидывает свою футболку,

оставшись в одних лишь шортах, и ныряет в бассейн прямо с бортика. Антон присоединяется к нему, а дамы, исключая меня, наблюдают за этим зрелищем.

Даже мне понятно, зачем эти парни ринулись в бассейн – чтобы обратить на себя внимание, впечатлить своими оголенными торсами, обеспечив себе своего рода карт-бланш, пока двое других отсутствуют.

Но им, глупцам, невдомёк, что дамы уже сделали свой выбор:

– Эти братья такие классные, что я никак не могу понять, кто из них мне нравится больше! – заявляет красотка с разбавленными корейскими генами по имени Эйпл.

– Беленький круче, у него такие мужские руки!!! – закатывает глаза Мэнди.

Мэнди – худосочная американка англосакского происхождения – местная, короче. Мне нравится её мелирование и белозубая улыбка. И да, она немножко красивее меня. Больше ничего примечательного в ней нет. Но даже при таком наборе активов что, ради всех святых, она нашла привлекательного в моём брате?

Задумываюсь на пару секунд и, призвав всю свою объективность, отмечаю, что таки да – брат не уступает Эштону, просто он не в моём вкусе. И да, я согласна с Мэнди и Эйпл: мои братья – самые интересные во всех смыслах.

Одна только у меня проблема: они мои братья!

Эмма усмехается, затем запрокидывает голову и затяги-

вается сигаретой.

– Софи, поделись секретом, чем привлечь твоих братишек? – Эйпл заглядывает в мои глаза со странноватой улыбочкой.

И вот мне не жалко поделиться информацией, но этот её белозубый оскал...!

– Ну... Эштон любит скромность, девственность и недоступность, – отвечаю с умным видом. – А Алекс обожает быть снизу... ну, не только в прямом смысле, главное – в плане доминантности!

Девицы охают, Эмма ржёт в голос, но я стараюсь звучать убедительнее:

– У него в детстве травма была... ну, психологическая, он с тех пор предпочитает отдавать инициативу в женские руки. Путь к его сердцу лежит через плёточку и БДСМ!

Эйпл и Мэнди смотрят на меня некоторое время, пытаюсь сообразить, правду я говорю или стебусь, но мои глаза выражают собачью искренность, и эти клуши ведутся: скидывают майки и плывут попытать счастья с двумя другими объектами охоты. Пару минут спустя Марго присоединяется к ним, я жду, что и Эмма начнёт раздеваться, но этого не происходит.

Мулатка затягивается, затем медленно выпускает дым, не отрывая при этом от меня своих сощуренных глаз.

– Интересно наблюдать за тем, как образуются пары... – задумчиво изрекает она. – Одно из самых таинственных и восхитительных действ...

– Что именно? – уточняю.

– То, как две энергии находят друг друга. Как распознают, как стремятся слиться в один поток...

Ничего себе, думаю, глубина личности! Я уже почти хочу Эмму себе в подруги!

– Хуже всего, когда на одну энергию приходится две или более соперничающих...

Так. К чему это она клонит?

– Эти самки уже выбрали своих самцов, – снова усмехается, указывая кивком головы в сторону бассейна.

Изображаю мину недоверия, но моя собеседница никак не реагирует на проявленное неуважение.

Вдруг она резко вскидывается, хватая кисть моей руки и буквально ударяет меня своим взглядом. Но я не отскакиваю – Эмма держит мои глаза так крепко, что я буквально чувствую, как её горячий взор сканирует моё сознание, выворачивая всё сокровенное, неприглядное, постыдное наружу... Колючий холод ползёт по моей спине, я хочу вырваться, но не могу даже пошевелиться...

Спустя время, которое я почему-то не могу осознать и измерить, цепкая смуглая рука отпускает меня так же, как и миндалевидные зелёные глаза. Эмма продолжает меня рассматривать, но теперь её взгляд ничем не отличается от обычного человеческого.

– Легко заметить очевидное, но самое интересное глубоко спрятано от посторонних глаз.

– Что, например?

– Всё то же.

– Уточни! – прошу.

– У нас тут неплохая компания подобралась: интересные девушки, достойные парни. Роскошное место, приятный совместный отдых...

Ага, ну да, в доме моих родителей, на их террасе, куда они никогда не пускают посторонних!

– Каждый из присутствующих меньше всего заинтересован в судьбе несчастных наркоманов, ежедневно помирающих на грязных улицах Сиэтла, вдали от нежных глаз обеспеченной прослойки. Для всех нас эта тема – лишь повод проявить себя и привлечь своим огнём мотылька... Каждый, независимо от глубины ума и своего содержания, в первую очередь жаждет одного – обрести пару. И не важно, на одну только ночь или на весь свой жизненный путь, но это – первое, что нас заботит.

– Это нормально. Такова природа человека...

– В природе человека – заблуждаться, совершать тысячи больших и маленьких ошибок, большую часть которых кому-то придётся прощать, но есть и такие, простить которые нельзя, невозможно...

Она опять затягивается... И вот не знаю почему, но почему-то мне это кажется странным. Затянулась – выдала мысль, затянулась – высказала суждение, и так по кругу, словно ритуал какой-то!

– Никто из девяти пребывающих в добром сознании людей не отдаёт себе отчёта в том, что среди них уже есть целых две истинные пары.

Мои брови взлетают:

– Серьёзно? Кто?

– Алекс и Марго.

Меня сотрясает внезапный нервный смешок:

– Мой бабник-брат не сводит своих глаз с тебя! Так что, это всё полная чушь.

– Алексу нужна сильная женщина, намного сильнее его. Издеваясь над незваными гостями, ты и сама не знала, как метко обозначила мужскую суть своего брата. Он в поиске и уже давно, но его цель не так проста в достижении: образ матери.

– Что?!

– Он ищет женщину, похожую на свою мать. Уникальную женщину, такую, которая станет его колыбелью мягкости и нежности, но при этом будет достаточно сильной, чтобы взять первенство в их паре.

Холод теперь уже растекается у меня внутри.

– Марго – такая женщина, и он это уже ощущает, чувствует притяжение, но стереотипы держат его слишком крепко, чтобы отпустить. Но Марго будет его женщиной. Не скоро, примерно через два года. Два года ему потребуется, чтобы осознать и принять свой выбор, неожиданный для него – это и будет тот момент, который мы называем влюблённостью.

– А вторая пара кто? – и на этот раз в моём голосе нет и тени иронии.

– Ты и Эштон.

Я чуть со стула не упала.

– С чего ты это взяла? Он даже не смотрит в мою сторону!

Теперь её очередь рассмеяться.

– Вот и ты тоже в плену своих стереотипов, а от этого слепа! Смотрит! Ещё как смотрит! И не только глазами, сердцем смотрит и видит своё отражение!

– На тебя он смотрит... – мне кажется, или мой голос дрогнул?

– И на меня смотрит, но только своим членом. Да все они, все четверо видят меня через него. Я привыкла, это даже льстит, в каком-то смысле! – снова смеётся.

Ещё раз её глаза ловят мои, несколько мгновений я нахожусь в состоянии, похожем на транс, и она выдаёт:

– Вы переживёте боль... Он сделает нечто, что заставит тебя очень страдать, но ещё больше пострадает сам... Ваша кровь сольётся в один поток, гены соединятся, будет новая жизнь, много новых жизней, но это лишь в одном из путей, а выбирать его будешь ты. В твоих руках перо судьбы, только в твоих... – она приподнимается, вглядываясь в мои глаза, лицо её вытягивается, словно в ужасе. – Он отдаст всю свою власть тебе, всю силу и весь свой смысл вложит в твою ладонь, и будет у тебя всего два пути: его смерть или много новых жизней...

Боюсь пошевелиться, произнести хоть слово, Эмма пугает своим глазами и голосом, словно и не она вовсе говорит всё это:

– И он будет любить тебя всю свою жизнь... как отверженный... как неразумный, медленно умирая... Боже! Впервые вижу так много боли и отчаяния в одном человеке!

– Ты что? Грёбаный экстрасенс? – подпрыгиваю, переполненная эмоциями.

Эмма тут же откидывается в шезлонге:

– Я – нет, моя бабка была шаманкой, людей лечила, будущее предсказывала, сны толковала, – всё это сказано таким обыденным тоном, словно мы маникюр её обсуждаем, а не экстрасенсорные способности. – А я только когда обкурюсь, начинаю нести всякую чушь, – улыбается. – Ему, кстати, – тычет пальцем в приближающегося с коктейлями в руках Эштона, – всё время сны снятся. Весьма и весьма интересные! – снова смеётся.

Внезапно делается серьёзной:

– У тебя будет хороший мужчина, намного лучше этого сгустка злобы, ревности и ненависти, и тебе придётся выбирать между ними.

– Кого я выберу?

– Не знаю. Не вижу. Это то, что можно изменить, что будет определено исключительно твоим решением. А от него, от этого решения, будет зависеть твоё счастье. Абсолют твоего счастья.

– Абсолют?

– Да. Степень счастья, достижимая лишь в том случае, если две предназначенные друг другу души соединятся!

– Эштон? Это он мне предназначен?

– А это, моя дорогая, можешь знать одна ты и никто более.

Ни один шаман не скажет это лучше тебя, – улыбается.

Эштон уже близко, но я должна успеть:

– Кого из них ты бы выбрала?

– Его, – кивает на мою ненаглядную звезду.

Он подходит к нам, в каждой руке зажато по два наполненных бокала. Эмма тянется, чтобы помочь ему, и они соединяют свои взгляды. Я, как истинный мазохист, ищу в его глазах то, что может ранить меня, но ... не нахожу. Взгляд Эштона пустой и холодный: ни одной эмоции, ни единой частички своей души он не собирается дарить королеве бала, и она это отмечает своим протяжным выдохом.

Эштон ставит один из бокалов передо мной, даже не взглянув, затем неторопливо раздевается, аккуратно сложив футболку и джинсы на своём шезлонге. Я люблюсь его плечами, сохранившими остатки бронзового испанского загара, гордыми линиями мужской спины, и память заполняют сладкие воспоминания...

– Мне не положено алкоголь! – заявляю, не столько из вредности, сколько желая обратить на себя хоть пару секунд его внимания.

– Твой безалкогольный, – отвечает, всё так же не глядя.

– А может ты перепутал бокалы, и мне попался с алкоголем! Напоишь меня и в тюрьму сядешь!

– Только в твоём есть чёрная оливка, в остальных – зелёные, – ну наконец-то, взглянул на меня, но лучше б не смотрел...

Почему он так ненавидит меня? За что?

Так больно, что скрывать эмоции получается с слишком большим усилием.

– Я какао хочу, а не эту бурду с оливками...

– Так иди и сделай!

С этими словами разбегается и ныряет в бассейн так изящно, что даже не создаёт брызг...

Эштон плавает так же, как и водит: уверенно, мягко, никуда не торопясь, предпочитая плавные и точные движения резким и хаотичным. Эштон – мистер благоразумие, порядок и тотальный контроль.

– Почему его? – спрашиваю я у Эммы, не отрывая взгляда от грациозных взмахов сильных рук.

– У него одна из самых мощных мужских энергий, какие я встречала. Бурлящий поток, необузданный, дикий. Это неизменно отражается в сексе – с таким мужчиной забываешь дышать...

Спустя время добавляет:

– Он один из тех, кого называют «альфа-самец». Люди идут за ним по собственной воле. Но, ему нужна любовь. Много мягкой, окутывающей теплом любви, очень

много, тогда он, возможно, успокоится... Ему нужна женщина, способная усмирить его гнев, укротить необузданный нрав, унять его боль, но не силой, а женственной понимающей и прощающей любовью. Мало кто на это способен... – сообщает задумчиво.

– А я бы тоже от такой дамочки не отказался! – признаётся мой улыбчивый брат, незаметно нарисовавшийся с остальными бокалами в руках.

– Много любви ещё никому не мешало! – поддерживаю я его мысль, стараясь скрыть улыбкой ту пробоину, которую разворотили в моей душе предсказания этой зеленоглазой экстрасенши...

В тот вечер не образовалось ни одной пары. Ни единой. Маргарита уехала первой, за ней последовали и все остальные гости, расходясь не романтическими парами, а так же, как и пришли: девочки с девочками, мальчики сами по себе.

Эштон и Алёша останутся на ночь в родительском доме, потому что пили алкоголь, и оба приехали на своих машинах. А утром в доме не будет уже обоих, и я даже в какое-то мгновение решу, что вечеринка и вовсе мне приснилась. Особенно учитывая идеальную чистоту на террасе и в доме! Но лишь один взгляд в мусорный бак, полный пивных банок и стеклянных бутылок из-под рома, которые вчера мешали в коктейлях, подтвердит мою полную вменяемость.

Глава 21. Abuse

Julia Michaels – Issues

Гордость... Один из библейских грехов, один из семи смертных, между прочим! Мистер Стюарт, наш препод по науке, однажды долго вещал на эту тему, а после заставил вывести в тетради её определение: «гордость – грех сатаны, первая страсть, появившаяся в мире еще до сотворения людей».

И этой страсти слишком сильно подвержена моя мамочка – так считает Алекс:

– Твоей матери поубавить бы этого напитка в её крови, и наша жизнь с ней была бы намного проще! Ну, в юности я имею ввиду... – оглядывается на её нахмуренные в осуждении брови.

Да, в юности, а сейчас – куда уж проще и куда счастливее? Разве можно желать большего, чем у неё уже есть? Да мне на ум не приходит ни одно женское имя, связанное с такими же достижениями и удачами, как у моей матери! Everything is going for her – кажется, так говорят в подобных случаях. И это правда! Самая любимая, самая боготворимая, самая носимая на руках, самая избалованная вниманием, заботой, деньгами, вообще всем, что только можно себе представить. Одни ежедневные букеты чего стоят!

Или это её: «Алекс, мне в Рим захотелось...», и он тут же

срывается звонить своей помощнице, чтобы та освободила ему четыре дня:

– Не знаю, как, это не моя работа, а твоя, вот и выполняй её! Ты ведь за это зарплату получаешь?

Да, вот так отец разговаривает со всеми остальными женщинами в своей жизни, со всеми, кого не зовут Лерой, и которые не являются его ненаглядной женой. И эти все остальные завидуют моей гордой матери самой чёрной завистью. Одна так сильно завидовала, что даже распорола ей живот. Четырежды!

И вот я думаю: сколько вокруг меня не гордых, а ведь ни у кого нет ничего подобного, что есть у моей грешной мамочки... А был бы Алекс так одержим ею, не будь она собой? Слишком гордой, сдержанной, зажатой, пекущейся о том, чтобы не стать обузой, не навязываться, никому не мешать и не надоедать?

Вся проблема в том, что у меня нет этой гордости. Вот не дал мне Бог этого ценного греха, не отвесил и ста грёбаных граммов!

Я преследую объект своей безответной любви – как ни прискорбно это осознавать, но факт остаётся фактом. Вряд ли только мне заметна слишком очевидная внезапность моей любви к материнскому Институту – раз в полгода вдруг стал разом в неделю!

И в каждый свой визит я лихорадочно ищу темноволосую голову в длинных коридорах кампуса, в материнской ауди-

тории, а иногда, если очень повезёт, мы можем столкнуться у дверей её кабинета или прямо в нём.

Они часто встречаются... Эштон страшно любит математику, как выяснилось! Вот только не понятно, какое отношение эта наука имеет к хирургии: там вроде как органическая химия, биология и анатомия руководят всем процессом...

Часто вижу их склонёнными над маминым столом, одержимо ловящими за ускользающий хвост решение какой-нибудь непростой задачи. Порой, оба бывают так увлечены, что даже не замечают моего появления, но я ведь не гордая – могу и прокашляться достаточно громко или чихнуть, если понадобится! Тогда они поворачиваются, оба раздражённые неожиданной интервенцией, но мамин взгляд всегда делается мягче и теплее при виде меня, а вот Эштон, наоборот – леденеет ещё больше.

Странный эффект я произвожу на него... Он как будто злится, нервничает и едва сдерживает себя, чтобы не взорваться потоком отрицательных эмоций! И я в недоумении – ведь никакой ссоры или даже совсем небольшого непонимания между нами не было, тогда в чём дело? С чего такая резкая перемена? То дружим, делимся сокровенным и даже целуемся под ёлкой, а то вдруг один лишь мой, да согласна, не слишком впечатляющий вид откровенно его раздражает и даже почти выводит из себя! Но он всегда сдерживается. Может фыркнуть, резко подхватить свой рюкзак с книгами и нервно вылететь из материнского кабинета, так и не сказав ни

слова, даже такого совсем маленького «Ні» в мою сторону!

– Что это с ним? – спрашиваю у матери, она ведь у нас кладезь проницательности, если верить папочке на слово.

– Лекции, наверное, уже начались, а мы тут увлеклись по-исконному решению и... Эштон терпеть не может опаздывать!

– Почему?

– Потому что это проявление слабости и неорганизованности: опаздывающий человек не может договориться сам с собой о простых вещах – например, встать пораньше или продумать заранее маршрут и планы. Ну и когдаходишь в аудиторию – невольно становишься центром всеобщего внимания, а причина неуважительная. Даже постыдная!

– Это ты так считаешь? Или он?

– Мы оба так считаем.

Понятно?! Оба они так считают! Оба любят математику, оба как одержимые погружаются в свой мыслительный процесс, забыв обо всём на свете, кроме друг друга и идиотской задачи, оба сходятся во взглядах на простые и сложные вещи и понятия.

Я вот, например, часто опаздываю, если не всегда... И это не моя вина: Лурдес вечно копается со своим макияжем и нарядами! И я, и Аннабель – просто заложники своей непунктуальной сестры. И что же теперь сразу нас в список слабых засандалить?

Но я не об этом. Я о гордости и маятнике.

Теперь уже, будучи значительно взрослее, чем год назад, я

начинаю понимать некоторые не только простые, но и сложные вещи. Моё чувство, вернее его упорность, болезненная интенсивность и устойчивость, наталкивают на мысли о том, что так не должно быть! Девочки не должны влюбляться настолько сильно, чтобы вся душа болела, а если кого и уораздит, то у всех, абсолютно у всех наваждение так же быстро проходит, как и началось!

У всех, кроме меня...

Потому что есть нечто такое, что держит моё сознание прикованным к кареглазому предмету воздыхания подобно зависимости... А любая зависимость подпитывается дозами!

И вот я, может быть, и остыла бы через годик... ну, в крайнем случае, через два, если бы не эти дозы! Когда случилась первая – понятно, вторая – в Испании, когда я обрабатывала его раны на лице, а он положил свою руку поверх моей, это был не просто физический контакт, это был энергетический взрыв, коллапс в моей голове, сердце, теле, во всём!

Третья доза стала «точкой невозврата».

Ноябрь – месяц сразу двух важных событий – Дни Рождения отца и сына... Святого Духа только не достаёт!

Алекса мы чествуем 25 ноября, а вот Эштон своё 27 число скромно замалчивает. И я, может быть, просто позвонила бы ему с заранее подготовленной речью и пожеланиями быть счастливым, любимым и здоровым, если бы ни брат со своим длинным как у ящерицы языком: оказывается, у Эштона запланирована вечеринка... Ох, лучше бы он молчал, и лучше

бы у меня был хоть напёрсток маменькиной гордости, ну вот почему её у меня нет?! Ну вот почему?

Лёха долго от меня отмахивался, пришлось даже слезу пустить, в итоге брат не устоял – не выносит женских слёз, как и Алекс, и все мы, дамы, я имею в виду, активно этим пользуемся. Ну, кроме мамы – она типа честная у нас и справедливая: плачет исключительно по делу.

Впрочем, у меня в этот раз тоже имелось очень важное дело, наиважнейшее – попасть к любимому на вечеринку в День его Благословенного Рождения!

Место отталкивающее: слишком много нетрезвых людей, слишком недоброжелательны их взгляды, неприятные запахи, большей частью от раскуривания «МарьИванны», серые блёклые стены, отсутствие любого намёка на уют. Не понимаю, как Эштон со всей своей тягой к лучшему, к красоте, умудрился выбрать это место для празднования своего Дня Рождения?

Замечаю его в окружении компании парней и девушек – он в центре внимания не только сегодня, люди интуитивно ощущают в нём магнитный стержень, образующий центробежную силу. И хотя Эштон – самый закрытый человек из всех, кого я знаю – он никогда не демонстрирует своих эмоций так же, как и не совершает лишних телодвижений, около него всегда отмечается хаотичная Броуновская суeta.

Своей молчаливостью, манерой смотреть на мир с чуть прищуренным изучающим взглядом, больше слушать и

меньше говорить, он привлекает не только меня – сегодня это становится более чем очевидным.

Мы с Лёшей протискиваемся сквозь тесно стоящих людей и, наконец, добираемся до Эштона. В его взгляде, нехотя скользнувшем по моему лицу, я успеваю уловить тень раздражения, но он приветствует меня так же дружелюбно, как и брата, и, блаженны верующие, касается моей щеки гладко выбритой своей...

Мы не виделись два месяца, но даже эта скупая и, по сути, ничего не стоящая ласка даёт мне очень многое – я словно выплываю на мгновение из своего болота, поднимаюсь на поверхность и делаю один только небольшой вдох, насыщая лёгкие кислородом, позволяя крыльям расправиться, встрепенуться и наполнить мою душу жизнью, чтобы сразу же за этим снова утонуть в отчаянии.

Я купила ему мольберт, чтобы рисовал, как раньше, когда между нами ещё не было этой пропасти непонимания. И ещё я подарила ему лошадь. Нет, не настоящую, хотя могла бы, хе-хе... Плюшевую с такой, знаете, непропорционально большой головой, коротенькими ножками, свободно болтающимися на забавном тельце и малюсенькими, как две семечки, глазками. Но главное – её премилейший выпирающий животик и пупок на нём. И грива, да грива тоже ничего! Её можно расчёсывать! Не то, чтобы Эштону когда-нибудь захотелось это делать, но может я бы взяла на себя такую незамысловатую обязанность, как регулярно появляться

в его квартире и расчёсывать белую гриву подаренной мною же лошадки? В качестве кого я бы там появлялась? Девушки, конечно! Его девушки! Постоянной, на веки вечные.

– Спасибо, конечно, – благодарит, вполне искренне улыбаясь. – А можно к подарку и просьбу присоединить?

– Ну, разумеется! Сегодня же целиком твой день! – веселюсь, в надежде на ещё хоть капельку светлейшего внимания.

– Можешь взять эту милую лошадку к себе на содержание? А то меня вечно дома нет, некому будет за ней приглядывать... Кормить, поить, развлекать...

– Эштон, – говорю обиженно, – подарки нельзя возвращать, это некрасиво...

– Я не возвращаю, я как раз наоборот...

И далее следует фраза, которая убьёт весь этот вечер с самого его начала:

– Кто-нибудь из девчонок рано или поздно обязательно стащит её у меня, она действительно такая прикольная...

Слёзы почти брызнули из глаз, но достоинство! Я всё ещё помню о нём, усилием воли растягиваю губы в улыбке, потому что когда улыбаешься, паршивые слёзы уже не так легко выкатываются из глаз:

– Тогда, пожалуй, я соглашусь! Заберёшь, когда трафик уменьшится!

– Договорились, – подмигивает и просто сваливает...

Приняв наши поздравления, Эштон тут же переключает-

ся на друзей, оставив меня в полном забвении. Лёша в любой компании «Лёша»: и пятнадцати минут не пройдёт, как каждый участник этой вечеринки будет знать его по имени и ржать над его шуточками, а к концу вечера большинство станут считать его своим закадычным другом и уверенно вещать, что знают «этого парня тысячу лет».

Случайно замечаю жест: Эштон хочет уединиться с моим братом на пару слов. Они двигаются в одном им известном направлении, а я за ними. Иногда лучше оставаться в неведении. Иногда предпочтительнее держать свой нос при себе и не совать его туда, куда не просят. Иногда... И это был как раз такой случай:

– Зачем ты приволок её сюда?

– Эш, не будь такой сволочью, она просто поздравить тебя хотела!

– Поздравила! Теперь вези её обратно, потом возвращайся!

– Так нельзя, Эштон. Даже моё ветреное сердце стонет, глядя на неё! Я никуда её не повезу. Сделай это сам, если так приспичило!

Эштон молчит.

– У тебя девка, что ли, есть на сегодня? – интересуется мой брат.

– Есть...

Я срываюсь в туалет, не столько, чтобы прореветься, сколько в целях сокрытия факта подслушивания – я, в отли-

чие от некоторых, не умею виртуозно скрывать свои эмоции. Они всегда выдают меня.

Смываю боль ледяной водой, попугаем повторяя свою мантру: «Я больше никогда к нему не подойду. Я больше никогда не посмотрю в его сторону. Сейчас уеду и забуду его на всю оставшуюся жизнь!».

Соню сильно обидели. Соня плачет и не может остановиться. Глупая, глупая Соня...

– Вот возьми, – передо мной возникает бледный лик девицы, похожей на привидение.

Опускаю глаза на её ладонь – таблетка. Круглая, белая, маленькая.

– Отлично помогает.

– От чего?

– Не ты одна по нему сохнешь. Тут больше половины, таких как мы. Я уже в стадии принятия, – сообщает спокойным, лишённым каких-либо эмоций, голосом.

Бледное лицо, под глазами и на веках синие прожилки, жидкие тонкие волосы небрежно заправлены за уши. Таких, как она, называют серыми мышками, но этот экземпляр можно использовать в качестве наглядного пособия – поношенные китайские кроссовки, джинсы не первой свежести и чёрный батник с изображением спайдермена. На запястье браслет с именем Эштон...

– Отвали, – говорю, возвращаясь к своему занятию.

– Как хочешь, – отвечает.

Снова холодная вода в лицо, ещё раз, и ещё, но легче мне становится не от этой процедуры – бледная блондинка уже выбила меня из цикла горя. В туалете этого недоклуба отсутствуют бумажные полотенца, я копаюсь в своей сумке в поисках подходящей салфетки и вдруг замечаю на безобразной зелёной столешнице умывальника ту самую белую таблетку.

Виновник торжества переместился в укромный угол этого притона с компанией наиболее близких ему друзей. На коленях у Лёхи уже восседает какая-то рыжая нимфа, но и Эштон вниманием не обделён: красивая блондинка вжалась в него, закинув шикарное бедро ему на ноги, и не сводит глаз с его лица.

Я злюсь. Довольно странно злюсь и тут же принимаю приглашение внезапно нарисовавшегося парня. Ну как, парня... на вид ему лет тридцать. Злюсь так сильно, что меня не смущают его полностью покрытые татуировками руки – даже фаланги пальцев стали приютом для монстров и черепов. У нашего Алекса тоже много татуировок – меня этим не смущает.

– Какая красивая девочка! – шепчет мне на ухо партнёр, но я не реагирую – мои глаза, как и все реакции, сосредоточены на Эштоне.

Его рука поднимается, чтобы провести тонкую линию по оголённому бедру своей подруги, и меня пронизывает очередной приступ боли. Взрослая девочка Соня снова плачет, но продолжает танцевать с единственным обратившим на

неё внимание парнем.

Он шепчет мне на ухо дикие развратные вещи, но я не спешу отталкивать – жду, пока Эштон заметит нас. Зачем? Надеюсь, увидев меня в объятиях другого, этот бесчувственный чурбан испытает те же эмоции, что и я, любуясь тем, как он целует шею своей подруги!

Но Эштону нет до меня никакого дела, мои перемещения по периметру этого притона, как и партнёры по танцам, интересуют его меньше всего – внимание предмета моих душевных чаяний сосредоточено на губах блондинки...

Он целует её... Долго, глубоко... На пару мгновений отрывается, смотрит в глаза и снова целует... Обхватывает своим ртом её так широко, словно жаждет добраться до самого её дна...

Боль... Нестерпимая боль в груди и тошнота... Тёмные фигуры танцующих расплываются палитрой смешавшихся красок и света... Тяжёлая музыка отдаляется так, словно, я ракета, улетающая прочь от шумной Земли. Звуки, запахи, картинки исчезают из моего сознания, и я слышу лишь тихое звенящее «Э-ш-т-о-н»...

Прихожу в себя от резкой, нестерпимо сильной боли в животе. Не сразу понимаю, что меня бьют.

– Давай уже, приходи в себя, сучка! – словно издалека доносится грубый пьяный бас.

– Смотри, она открыла глаза! Я говорила – уже скоро! – этот женский голос мне знаком, но я не могу вспомнить, от-

куда знаю его.

Лихорадочно пытаюсь оглядеться и хоть что-то понять: я нахожусь в полумраке небольшой комнаты. Единственный источник света – беззвучно работающий телевизор. Отвратительный запах давно немытого человеческого тела, перегара и табака врывается в мой нос, тут же вызывая рвотный позыв. Механически зажимаю рот рукой, пытаюсь его сдержать.

– Твою мать, да она блевать собралась! – восклицает тот же мужской бас.

Моё совершенно обмякшее и практически неуправляемое тело подхватывает чужая сила и зашвыривает в самую грязную ванну из всех, какие я видела.

Меня рвёт, но я пытаюсь думать. Получается с трудом.

Снова проваливаюсь.

Сознание возвращается и, судя по всё тем же лицам на экране телевизора, беспмятство моё длилось недолго.

– Очухалась? – женский голос.

– Ну же, сучка, давай, приходи в себя! У меня сегодня большие планы на тебя! – мужской.

– Йен, чувак, не торопись! Говорю тебе, мне знакомо её лицо. Эта тёлка может принести денег, – ещё один мужской, этого раньше не было.

– Думаешь, если она отсосёт нам, за неё уже не заплатят?

Смех. Липкий, вульгарный хохот.

В моей голове с невероятным трудом вырисовывается

первая мысль: это похищение, и отморозки не знают, кто я. Если они так и не выяснят – у меня будет шанс выжить. Вопрос в том, хочу ли я этого?

Но инстинкт самосохранения вовремя подсовывает воспоминание о системе безопасности, которой окружил нас отец. На корпусе моего мобильного есть кнопка. Её удержание в течение 8 секунд отправит данные с моими координатами прямиком в устройство Алексу, начальнику его службы Пинчеру и ещё каким-то людям, ответственным за мою жизнь. Мне обязательно кто-нибудь перезвонит, и если я не отвечу, они всё поймут. А если отвечу, мне нужно сказать одно только слово: «salute», затем ждать помощи.

– Отдайте сумку... мне нужно принять таблетку...

– Ты уже приняла, сегодня с тебя хватит, – получаю ответ.

– У меня сердце... мне нужно принять свои таблетки для сердца... – вру.

На секунду воцаряется тишина. Жалкие наркоманы пытаются думать прокуренными мозгами и выдают вердикт:

– Ты гонишь!

Неуверенными руками, с полнейшей потерей способности координировать свои движения, я изображаю боль в сердце, и это, очевидно, выглядит убедительно, потому что, спустя пару мгновений, в меня швыряют сумкой.

Моя рука лихорадочно шарит в ней в поисках телефона, но его там нет.

– Не это ищешь, красавица?

Теперь я узнала её – это серо-белая мышь из туалета. Та самая, что оставила мне белую таблеточку. Пазл начинает складываться. Но проку от явно улучшившейся способности мыслить мало – мой телефон в её руках.

– Хорошая вещь, – сообщает её слабый голос. – Ты позволишь оставить его себе?

– Ты совсем дура? – ревёт злобный мужской бас. – От трубы надо избавиться, в таких игрушках могут быть неприятные сюрпризы!

– Например?

– Например, датчики передвижения, локаторы, подслушивающие устройства, – отвечает более спокойный мужской голос.

В полутьме мне совершенно не видно их лиц, но я предполагаю, что басистый грубиян – тот, кто со мной танцевал.

Внезапный стук в дверь, и слышу до боли родной голос брата:

– Соня, ты здесь?

Я открываю рот, чтобы заорать, что есть мочи, но его тут же накрывает грубая шершавая ладонь с запахом апельсина и... неясного дерьма. Но я не теряюсь: не могу орать, значит буду мычать и топтать ногами! Они пытаются удержать меня, все трое, но мне удаётся изо всех сил долбануть ногой в предмет некой мебели, наверное, это был комод или что-то вроде этого, и на моё счастье, громоздкий предмет с грохотом заваливается... И именно в этот момент я ощущаю

острую боль в голове – удар, если не ногой, то точно мужским кулаком.

Сознание возвращается вместе с чувством тошноты. Меня никто не держит, я лежу на полу, осознавая, что жива, лишь потому, что адская боль намертво поселилась в моём теле – голове, животе, горле. Я слышу глухие звуки ударов, мужскую ругань, женские вопли – и всё это в полнейшей темноте. Внезапно вспоминаю, что в себя пришла от грохота, сопровождающего стеклянному звону – теперь мне очевидно, почему в комнате полнейшая тьма – грёбанный телек разбили!

Пытаюсь подняться, попутно вспоминая, что слышала голос брата, и теперь меня точно спасут... А спасут ли?

Страх... Именно в это мгновение мне становится по-настоящему страшно! Воображение рисует картины убиенного брата, повергнув моё избитое тело, наделённое глупыми мозгами, в непередаваемый ужас, панику, дикий неконтролируемый тремор.

– Лё-о-о-о-ша! – мой истошный вопль оглушил и меня саму, и окружающую возню разбиваемых челюстей, носов, мебели и чего-то ещё...

Несколько мгновений спустя шум стихает, и я чувствую, как чьи-то руки легко подхватывают меня, прижимая к груди, источающей до боли знакомый запах... Теперь я слышу сердце – глухие, гулкие удары, не просто частые, а бешеные, словно это не сердцебиение, а скачка галопом... Боль-

шая рука прижимает мою голову к мужской груди, растопырив пальцы так, как держат головы младенцев, и я в этот момент, наверное, действительно беспомощна как новорожденный – избита и обдолбана дрянью, не зная даже её происхождения...

Я звала брата на помощь, я слышала его голос, и он пришёл, чтобы спасти меня, но эта рука не его, не его грудь, не его запах и не его сердцебиение... Это сердце я уже слышала однажды, и тогда оно было так же напугано, как и сейчас, так же страшилось любой беды, какая могла бы приключиться со мной. И тогда я была уверена, что оно влюблено, это сердце, что плавает в сахарном сиропе рождающегося чувства так же, как моё собственное...

А потом оказалось, что всё обман, мои иллюзии и девичьи мечты, и это сердце – самое холодное и безразличное на Земле.

Но разве может так биться сердце, которое ничего не чувствует?

Сознание снова покидает меня, и на этот раз, кажется, не из-за ударов или ядовитой химии, попавшей в мою кровь, а по причине внезапно нагрянувшего расслабления, уверенности, что всё будет хорошо, я в безопасности, потому что в самых надёжных и желанных руках в мире...

Открываю глаза и вижу прямо перед собой довольную Лёшкину морду:

– Ну как, жива? Дебютантка! – посмеивается.

– Да вроде, – отвечаю.

– Как тебя угораздило так наклюкаться-то, а? Даже я так не умею!

Протяжно вздыхаю, осознавая, что тайна белой таблетки ещё не раскрыта, и мне лучше унести её в могилу.

– Помнишь, что случилось-то?

– Помню... – вяло отвечаю.

Брат гладит меня по руке:

– Алекс тут всю ночь с тобой просидел, вышел кофе попить, настраивайся, у него к тебе разговор, сестрёнка!

Мои глаза раскрываются шире, я паникую, но брат беспощаден:

– Да-да! Кажется, наступила и твоя очередь отхватить по полной! А я, кстати, своё уже получил! – сообщает довольно.

– За что?

– За то, что притащил девочку в чёртов клуб! Ты же его знаешь... отца, я имею в виду. Кстати, родной наш отец тоже к тебе придёт сегодня. Так что готовься: двойная порция пендюлей светит тебе, сестра!

Снова вздыхаю, рассматривая уютную палату: стены закрыты деревянными панелями, высокие узкие окна в пол, напротив моей широкой больничной койки ярко красная вместительная софа и на ней подушки и плед Алекса, те, что я видела у него в машине.

– Как вы поняли, где я?

Брат многозначительно поднимает брови:

– Это Эштон. Ты же его знаешь: вечно следит за всем и всеми, изучает. Он видел с кем ты ушла.

– Ушла?

– Да вроде так он сказал: «Ушла с подозрительным типом. Давай проверим?...».

Я точно помню: мой герой ни разу не взглянул на меня, пока лизался со своей девицей. Когда успел заметить?

Брат, словно услышав мою мысль, предлагает ответ:

– Прикольно, да? Не смотрит, но всё видит, за всем счёт... Все-то у него под контролем, под колпаком «всевидящего ока»! Слушай, и ты знаешь, он мне и раньше нравился, но после этого случая...

Лёша некоторое время молчит, потом добавляет, отвернувшись в сторону:

– Мне стыдно перед тобой, Сонь. Это я – твой брат, и это я не доглядел. Мальчишка какой-то оказался внимательнее и взрослее меня, если б не его привычка следить за всем происходящим... боюсь даже думать, что было бы...

– Я тоже боюсь. А привычка эта у него от Алекса, он ведь тоже вечно держит руку на пульсе. Разве не «контроль» было его любимым словом, всякий раз как он тебе мозги промывал за косяки?

– Плохо промывал! Бить надо было! – брат уже улыбается, склонность к рефлексии никогда не была его слабостью.

– У Эштона совсем отца не было... Его и не били, и нотаций не читали, и советов не давали...

– У Эштона – порода, сестрёнка. Мы с тобой попроще будем, оттого и косячим так. Дурында! Ну надо ж было так вляпаться! – треплет волосы на моей голове.

Алекс долго смотрит, насупившись. Когда его брови сведены вот так, как сейчас, это означает только одно – он невероятно рассержен. Смотрел он своими умными карими глазами в мои бестолковые синие минут пять, потом просто спросил:

– Ну как? Таблетка была вкусная?

– Нет, – отвечаю как на духу.

– Будешь ещё?

– Нет! – искренне и с чувством.

– То-то же. Собирайся, домой поедем.

– У меня всё болит! – ною.

– С трещиной в ребре можно и дома повалиться. ПОД ПРИСМОТРОМ! Так доктор сказал, так что вставай, хватит разлёживаться!

– Лёшка сказал, отец приедет...

– В другой раз он приедет, а через пару дней ты и сама сможешь к нему поехать.

В тот день – день моего позора, Алекс не произнёс больше ни слова о моём падении. Мама причитала долго и упорно, опробовала на мне с десятков методов промывки мозгов о том, как должны и как не должны себя вести приличные девочки, съехав в итоге на тему адекватности и обдуманности принимаемых решений. Я со всем согласилась, вот абсолют-

но с каждым её словом. А чего спорить? I definitely messed up ...

Но ни один потраченный матерью час на апгрейд моих мозгов не имел такого мощного влияния, как один единственный, не такой уж и длинный, разговор с отцом. Случилась наша беседа спустя недели, когда страсти вокруг моего «падения» поутихли, Лурдес и Аннабель почти перестали стебаться, а брат Лёшка всякий раз обнимать... Перепугался до чёртиков братик мой! Вот так вот в такие моменты и понимаешь, как дорог ты своим близким...

Отец проник в мой мозг незаметно, ненавязчиво, когда я не ожидала, не была готова, а потому не успела закрыться своими тинейджерскими заслонами:

– Я был однажды по ту сторону, Сонь. И знаю, что это такое не из книг, журнальных статей или чьих-то слов – проверил всё на себе, будучи на самом дне. На самом что ни на есть, Сонь. Вылезти оттуда нелегко, почти невозможно.

Я молчу, потрясённая его словами. Отец много рассказывал о себе... но больше о своём отношении к моей матери, совершённых ошибках... Но никогда не признавался в том, что был наркоманом. Не знаю почему, но мне вдруг становится жутко.

– Меня угораздило вляпаться в это дерьмо из-за уверенности в полнейшем своём неисправимом одиночестве. Мне было тридцать лет, и за эти годы я умудрился упустить все шансы на главное – семью.

Отец медленно наливает в белые чашки цветочный чай – для себя и для меня, затем продолжает:

– Всё, что было мне нужно – знание, что в месте, называемом домом, меня ждёт хотя бы один человек. И такой на мою удачу неожиданно нашёлся. Как ни странно, это была не твоя мать, хотя я уже давно привык связывать с ней не только всё самое лучшее в своей жизни, но и просто хорошее. Но в тот момент это оказалась не она, а совсем другая женщина. Совершенно чужой человек, казалось бы, не значимый, не имеющий для меня какого-либо веса, стал тем, кто вытащил безнадёжно отчаявшегося мужика из самого отвратного места, какое только можно себе представить. И я понял, что даже в те моменты, когда, казалось бы, ситуация видится беспросветной, появляются люди, которым ты важен, нужен, и которым будет бесконечно больно от твоих эгоистичных решений, убивающих, как ты думаешь, только тебя... Это иллюзия, Сонь. Мы не принадлежим себе, как хотим думать, мы часть тех, кто нас любит, и кого любим мы. И я понятия не имел, прозябая в притонах и потеряв человеческий облик, упиваясь собственными мечтами о несбыточном, как сильно в это самое время твоя мама любила меня, как жила воспоминаниями о том времени, которое мы двое щедро выделили себе в юности...

Алекс смотрит в мои глаза своими тёмными, проникая очень глубоко, доставая, кажется, до самого дна моей души, а у меня от его слов и признаний в буквальном смысле ис-

терика.

– Соня, меня в квартире, которую я заставлял себя считать домом, ждал только один человек, тебя ждут и любят пятеро. А сколько ещё любящих тебя раскидано по свету? Принимая любые решения, которые касаются только тебя самой, помни о том, какую боль принесут их последствия твоим близким. Поразмысли, как скоро они смогут её пережить, и у всех ли вообще это получится. У меня вот точно нет, потому что мы с тобой родственные души, так ведь?

– Так... – меня душат слёзы, и я, пожалуй, впервые осознаю до самого конца, что именно сотворила.

– Помни, всегда помни о том, как сильно я люблю тебя, как болит мамино сердце о твоих ошибках и промахах, и что будет с ней и со мной, если один из них вдруг окажется фатальным. Подумай о том, какую выбоину это событие оставит в сердцах сестёр и брата, бабушки с дедушкой, твоего родного отца. Ты видишь, сколько людей ждут тебя? И это не случайные люди, как было у меня, а твои самые родные, роднее не бывает, понимаешь?

Я киваю, как игрушечная собачонка, потому что не в силах произнести ни слова – в горле одни рыдания. Отец обнимает меня обеими своими ручищами, и на груди у него так хорошо, так спокойно. Я больше никогда, никогда-никогда не прикоснусь ни к одному наркотику...

Глава 22. Мир без НЕГО

Я не имела даже отдаленного представления о том, к чему приведёт выходка в клубе. Если б только мой глупый девичий мозг мог это предвидеть...

Понимание содеянного не дошло до меня, даже когда мама, как бы невзначай, сообщила за ужином, что Эштон принял решение вернуться домой, в Париж, к матери.

– В Сорбонне готовят не худших бизнес-специалистов, нежели в нашем Университете!

– А как же медицина? – расстроено интересуется Лурдес.

– Ну, это уж он сам решит: если захочет, поступит и на медицинский!

А я не могу разжать рта. Горе. В моей душе горе выжгло пустыню в считанные секунды осознания этой новости.

Я приняла свою кару покорно. С понурой, можно сказать, головой.

Но никто и никогда не остановил бы меня, если бы ни та его фраза: «зачем ты приволок её сюда?».

Подлая, ненавистная фраза, разрушившая надежды, уничтожившая мечты и меня. Я не нужна ему. Не интересна. Безразлична. Даже докучлива, если хотите.

Это известно всем, и именно поэтому мне так заботливо помогают излечиться от болезни, создавая буквально тепличные условия. Я не виню ни отца, ни мать, потому что

знаю: будь у меня хоть малейший шанс на взаимность, они никогда не совершили бы ничего подобного.

И я только-только начинаю догадываться, что мои чувства – не единственная причина «самостоятельного» решения Эштона вернуться на Родину. Ведь не существует абсолютно чёрствых людей, напроць лишённых возможности любить, зато уж точно есть заблуждения и слепота некоторых наивных девочек...

Отсутствие в моей горемычной жизни парня по имени Эштон имеет свой ожидаемый эффект: мне становится легче. Я не вижу его, и моя обычная жизнь, в которой когда-то были иные интересы помимо одержимой любви, постепенно возвращается. Это мой последний год в старшей школе, и спустя ровно два месяца после случившегося в клубе, отец мягко просит уделить особенное внимание учёбе, ведь мне в этом году поступать! В планах родителей всегда была Европа, поэтому я с остервенением вгрызаюсь в науки.

Оценки удаётся выправить достаточно быстро и легко, особенно учитывая тот факт, что моим персональным репетитором по математике и французскому является профессор лучшего в штате Вашингтон Университета – моя мать, а по английскому, испанскому и наукам – отец. Моё поступление в высшее учебное заведение является настолько важным событием для них обоих, что в этот период зимы-весны последнего учебного года они ни разу не отлучаются из города. Отец даже пренебрегает командировками, отрядив

эту свою обязанность Алёше, потому что его лучший друг и заместитель дядя Марк пребывает на каком-то необитаемом острове, делая свою киношную карьеру, и застрял там, похоже, надолго.

Дни и часы расписаны по минутам, и только поздними вечерами моё влюблённое сердце получает долгожданную возможность побыть наедине с собой и собственными думами, мечтая о том, что в теории могло бы стать реальностью. Но, к сожалению, только в теории.

Каждую свою ночь я сплю с лошадьёю – той самой, которую дарила ЕМУ в День его Рождения. Она испачкана его кровью, и эта кровь – единственное, что у меня осталось – несколько маленьких частичек человека, который неожиданно стал для меня самым главным существом на планете. Я целую её, каждый раз желая ЕМУ спокойной ночи, и сплю всю ночь в обнимку с игрушкой, представляя на её месте его руку, шею, голову, не важно, что. И так же точно, начиная в шесть утра свой трудный, тяжёлый, перегруженный учёбой день, я желаю Эштону хорошего дня, добрых людей и удачи в каждом запланированном им на сегодня деле. И я стараюсь не думать о том, с кем он встречается, кто удовлетворяет его «потребности», и, не дай Бог, владеет его сердцем.

Я просто живу, прохожу каждый свой день, представляя себе, что он там, в далёкой Европе, в своём родном Париже так же одинок, как и я, и может быть даже иногда вспоминает обо мне и искренне жалеет о том, что не дал нам даже шанса.

Так легче, так проще, так безопаснее. Постепенно эмоции и боль становятся не такими острыми, переживая заново все произошедшие события, я понимаю, насколько была неправа и глупа, навязывая Эштону своё чрезмерное внимание. Мне стыдно перед ним за то, что случилось в клубе, но тяжелее всего осознавать свою эксклюзивную вину в том, что ему пришлось уехать. Ведь он сам приехал к нам, значит, ему нужно было быть здесь, именно здесь, рядом с отцом, сёстрами, а не кем-то ещё. Больше всего мне хочется заглянуть в его карие глаза и попросить прощения, но, увы, это невозможно. Я не могу даже написать ему – его нет в соцсетях, никто не открывает мне его Парижский номер телефона, я не знаю его адреса. Стена, самая настоящая Китайская стена между нами.

Таких оценок, как в последнем из трёх лет хайскул, у меня не было за всю историю моего обучения. И я кардинально меняю свои намерения: желание быть архитектором, как отец, нещадно растоптано стремлением лечить людей...

Родители немного в шоке от такой кардинальной перемены в моих планах на жизнь:

– Соняш, выбор профессии – слишком важное решение, чтобы принимать его под воздействием эмоций! – возмущён отец.

Ну да, ему очень нравилось моё увлечение архитектурой, и раньше он мог часами рассказывать мне о стилях, их истории, о технологиях, о современных тенденциях. Теперь, ко-

гда я собираюсь посвятить ближайшие девять лет изучению медицины, чтобы стать в итоге детским онкологом, о чём мы будем с ним говорить? Какие у нас будут общие темы для бесед?

Спустя месяц отец пробует войти в мою эмоциональную голову с другой стороны:

– Сонь, ты даже не представляешь себе, насколько тяжёлую профессию ты выбрала. Эта работа – одна из самых сложных, но важно делать её хорошо! От твоих решений будут зависеть жизни! Детские жизни, Сонь! Они будут умирать, несмотря на все твои старания, они всё равно будут умирать, и я не уверен в том, что ты сможешь это вынести! Ты ведь очень эмоциональный, ранимый человек, разве в тебе есть достаточно чёрствости и хладнокровия, чтобы реагировать адекватно, чтобы не разрушиться самой под тяжестью этой профессии?

Слова отца задели за живое. Конечно, я знала, что американская медицина, которую считают лучшей в мире, ещё не придумала способа излечивать все виды онкологии и на всех её стадиях, но я никогда не проводила параллели между своими эмоциями и способностью делать своё дело хорошо.

«Они всё равно будут умирать...». Страшная перспектива. Уродливая сторона профессии. Они будут страдать, мучиться, спрашивать меня о смерти, и всегда кто-то из них будет обречён. Сколько силы нужно человеку, женщине, чтобы продолжать делать своё дело, невзирая на этот неподъёмный

груз?

Я сомневаюсь, но отец не давит. Отец направляет мысли в то русло, которого избегает мой наивный мозг. Я не была в розовых очках, но никогда не думала, что не смогу делать всё возможное для их жизней из-за своих эмоций, из-за своей неспособности справляться с ними.

Мама просит меня хорошо подумать, всё взвесить, разумно оценить свои способности и возможности.

– Нет, не умственные, конечно! – уточняет она.

Да, мам, я знаю. Уже поняла: речь о возможностях моей души, о способностях моей эмоционально-неустойчивой личности. Если справиться с чувством первой любви к мальчику оказалось для меня такой непосильной задачей, то как же я собираюсь всю жизнь волочь на себе груз детской боли, которую не смогу унять, и смертей, которые могли бы быть жизнями, если бы я старалась лучше. Ведь всегда можно лучше! Всегда!

И я решаю доказать им обратное: я не бесполезное женское существо, паразитирующее на успехах родителей. Я не девочка, родившаяся с серебряной ложкой во рту. Да, я эмоциональна, да неустойчива. Но эмоциональность поможет мне в моём деле, я буду сопереживать, и дети, чувствуя это, будут легче переносить свою большую маленькую катастрофу. А неустойчивость – повод работать над собой, причина стремиться стать лучше. Главное, чтобы цель была убедительной.

Родители соглашаются:

– Твои доводы разумны, Софья, – отмечает отец.

Алекс редко называет меня полным именем, и это говорит только о том, насколько сильно он обеспокоен моим будущим, но главное, что его заботит, самое главное – это моё счастье:

– Просто помни: всегда можно переиграть. Если ноша непосильна, лучше её вовремя сбросить, не дожидаясь, пока она придавит тебя своим весом так сильно, что ты уже не сможешь оправиться.

– Хорошо, пап. Я поняла тебя.

И он доволен. Он согласен и готов поддержать.

А потом к делу подключается мама:

– Соняш, мы с Алексом решили, что тебе лучше учиться дома.

Вот она ядерная бомба! Я знала! Всегда знала, что они замалчивают какой-то страшный для меня исход. И вот теперь только всё ясно!

Отец не так категоричен, но линия у него та же:

– Чужая страна, чужие люди, чужие опасности. Я не смогу так же хорошо заботиться о тебе, как здесь, Соняш. И я очень хочу, чтобы ты вылетела из гнезда как можно позже.

– Но пап, все нормальные выпускники уезжают подальше от родительского дома, это – своеобразный этап взросления, он есть у всех! У всех!

– Алёша тоже ведь дома учился, – не сдаётся отец.

– Да, но жил-то он отдельно!

– Соняш, я бы предложил тебе квартиру... Но не буду этого делать, потому что дома, со мной и мамой, тебе будет лучше, а нам спокойнее!

– Мне не нужна квартира, мне нужна самостоятельность!

– Соняш, это в жизни успеется. Ещё взвоешь от неё! Прощу тебя, поживи с родителями ещё хотя бы пару лет! Тебя рано выпускать из гнезда, ты не готова к жестокости мира, ты не готова к ответственности. Просто повзрослей, и мы с мамой слова тебе не скажем – куда захочешь, туда и поедешь!

Ослу понятно – всему виной чёртов клуб, вернее моя необдуманная выходка. Хотела привлечь к себе внимание – пожалуйста, привлекла. Ешь теперь Сонечка, только смотри не объешься!

Я ни разу не увижу Эштона в течение долгих трёх лет. Но мне будет известно о его успехах, личных победах и достижениях на выбранном поприще, потому что абсолютно все в нашей семье, кроме меня, будут время от времени встречаться с ним. Даже мама, в периоды своих романтических поездок в Европу с Алексом, не говоря уже о сёстрах, которых туда возили специально для общения с братом. Лёшка тоже пару раз увидится с Эштоном, хотя это и не было запланировано. И только я – нечто среднее между изгоем и изолированным больным, помещённым в стерильный бокс.

Глава 23. Маюми

Kuroiumi x Timmies – Limits

Я вижу его стоящим в холле в окружении родителей и сестёр. Одно мгновение меняет меня, наполняет жизнью, вынимает из забвения, серости и беспроглядности. Нечто большое, волнительное, буквально будоражащее словно вдыхает в меня энергию жизни, радости, желания существовать на земле.

Я рада видеть его. Вымотанная и обессиленная долгим ожиданием, в эту секунду моя душа живее всех живых. Я счастлива.

Он изменился: стал взрослее, ещё чуть серьёзнее, чем раньше, чуть опытнее, мудрее, шире в плечах и груди. Мужская сила расцвела в нём за эти годы: светлая рубашка не может скрыть красоту его крепких рук, нежно облегая очертания мышц, плотно натягиваясь на его плечах. Эштон следит за собой, это видно – грузчики овощных магазинов вряд ли могут похвастать таким совершенным телом. Он хочет быть сильным и красивым. Только старается не для меня.

Рядом с ним миниатюрная, потрясающе красивая азиатка, изящная, стройная, почти без косметики. Они держатся за руки, их пальцы сплетены, Эштон улыбается и не отводит от своей утончённой спутницы глаз.

– Соня, Эштон знакомит нас с Маюми! – восклицает Ан-

набель. – Маюми – его девушка, и она из Японии! Правда, она прелесть?!

Маюми выдаёт премилейшую улыбку и кланяется мне, сложив на груди руки ладошками внутрь.

– Рада познакомиться. Софья, – выдавливаю, и эти три слова, мне кажется, отняли у моей бестолковой души пару лет жизни.

– Я Маюми! Очень приятно! Эштон говорил, что у него много сестёр, но не признавался, какие вы все красавицы!

Ну, на самом деле, красавиц здесь только две: Лурдес и сама Маюми. Мы с Аннабель – так, жертвы хорошего тона.

Все мы садимся за щедро накрытый в лучших русских традициях стол – мы ждали его, отцовского родного сына, готовились к приезду, предвкушали новую жизнь, радуясь тому, что время стёрло ошибки, разорвавшие нашу семью. Мама, как всегда, во главе стола, Алекс рядом – он не любит быть в центре, ссылаясь на то, что эта позиция до колик осточертела ему офисе. Но каждый из нас уже достаточно повзрослел, чтобы понять – он отдаёт первенство матери намеренно, только не ясно, что именно хочет подчеркнуть подобными жестами, потому что все основные, важные решения они всегда принимают вместе.

И снова я чувствую на себе взгляд. Это не Эштон, нет. Это отец. Я знаю, как сильно он любит меня, знаю, как печётся о моём счастье и безопасности, но я уже большая девочка, и меня давит меня эта забота. Чрезмерная любовь – такое же

зло, как и её недостаток.

Я взрослая женщина, которая отдаёт отчёт своим поступкам, знает свои недостатки и слабости, и иногда ей жизненно необходимо просто принять их, расслабиться и дать волю чувствам, эмоциям, ведь если их не выпускать, они разорвут так же, как это случилось тогда... в том злополучном клубе.

Я хочу просто посмотреть на него, налюбоваться, запомнить его новые, изменившиеся мужские черты. Это всё, что мне нужно, большего не прошу, но дай же мне, отец, хоть это! Такая малость мне нужна – всего несколько свободных вдохов, отпусти меня, умоляю, освободи из оков своего стального всевидящего взгляда!

И он словно слышит меня: поднимается и выходит, сославшись на необходимость позвонить. Я не знаю, правда, это или нет, но возможность свою использую максимально.

Мои глаза впитывают его образ, как сухие пески Сахары, воду. Наша полупрозрачная гостиная затоплена золотым солнечным светом точно так же, как тогда, годы назад, когда мы прожили в ней один счастливый ноябрьский день. Я повторяю взглядом контуры его лица, скул, подбородка, ставших иными – более мужскими, волевыми, взрослыми, и с щемящей тоской вспоминаю те моменты, когда мы полностью принадлежали друг другу. В его волосах свет, потому что он сидит спиной к витражам, деликатно обнимая одной из своих по-взрослому больших рук спину своей подруги.

Мы не знали, что он приедет не один... или же только я

не знала. Ослепительно яркий июльский свет рассеивается веерами спектров, отражаясь от большого бриллианта на её безымянном пальце.

Больно ли мне? Я вспоминаю его взгляд, то, как внимательно он вглядывался внутрь меня тогда, в торговом центре, в кафе, в библиотеке. Мне думалось тогда, что так заочно не смотрят на просто девочек, на случайных собеседников, компаньонов. Мне казалось, наши глаза говорили, совершали признания, которые так сложно было произнести вслух. У нас был один единственный поцелуй, мой самый первый и самый неповторимый, невероятный, подаривший лучшие эмоции из возможных...

Я люблю тебя, Эштон... Я так сильно люблю тебя.

Умоляю слезу не скатываться по щеке, уговариваю высохнуть прежде, чем кто-нибудь из шумной семьи её обнаружит, но главное – прежде, чем вернётся отец.

Эштон ни разу не смотрел на меня. Ни одного. Мы, кажется, даже не здоровались. Тогда почему, бога ради, кто-нибудь, скажите, почему он смотрит на меня сейчас, когда предательская капля отрывается от моего нижнего века и ползёт по моей щеке, пугая меня саму своим размером и неумолимостью?

Он смотрит в мои глаза и долго не отводит взгляда, продолжая обнимать свою подругу. Нет, она его невеста, и он не жалел денег, выбирая кольцо для неё, словно не желал её сомнений в своих чувствах, будто хотел прокричать громче

всех остальных, как сильно любит свою избранницу, и как важна она для него.

Его лицо не выражает НИЧЕГО. Он просто переключается на остальных, так же непринужденно, словно ничего и не видел, будто и вовсе рассеянно смотрел на ничего не значащий предмет, всего лишь погрузившись в себя и обдумывая предстоящие планы на день ... или своё будущее.

О будущем: он окончил обучение в Сорбонне и на сегодня является дипломированным специалистом в области бизнес-администрирования. В ближайшее время ему предстоит работа в отцовской компании, постепенное принятие всех его обязанностей и его поста. Эштон продолжит учёбу: на повестке диплом МБА, магистратура и докторская диссертация. У него будут длительные стажировки в Европе, но большую часть своей жизни они с Маюми планируют провести здесь, в США. У японки нет вида на жительство, и поэтому своё бракосочетание они не будут откладывать надолго – оно случится уже в этом ноябре. А точнее – в день рождения Эштона, потому что он хочет, чтобы самое важное событие его жизни произошло именно в этот день.

Он сообщает об этом, с нежностью глядя в её глаза. Его рука, медленно заводящая прядь длинных чёрных волос за маленькое ухо азиатки, говорит больше любых слов – он любит. Он не в силах сдерживать своих чувств даже перед семьёй, выдворившей его на другой континент во имя блага только одного из своих членов – самого беспутного и самого

бессмысленного.

Почему-то именно в этот момент вспоминаются два моих свидания с Антоном, другом брата и то, как я уговаривала себя поцеловаться с ним. Уговорила. Он целовал моё лицо, не переходя рамок, оставаясь деликатным, нежным, а я ... я медленно и неумолимо умирала, сознавая, как ничтожны и как пусты для меня эти поцелуи.

Я не ненавижу её, нет! Я... завидую. Завидую тому, что она может прикасаться к нему, завидую каждой секунде его взглядов, обращённых на неё, каждому сказанному ей слову. Я завидую её руке, потому что он сжимает её в своей ладони, и я помню, какая она теплая и не по-мужски нежная. Мне бы хотелось прижаться к нему, хотя бы раз вот так же, как сейчас это делает она, и так же прикоснуться губами к ямочке у основания его шеи, между ключицами... Тогда они выпирали сильнее, чем сейчас: теперь он крупнее, больше мышц, меньше утончённости. Теперь он мужчина, а не юноша, а она, Маюми – его любимая женщина.

Квартира Эштона оставалась необитаемой в течение последних трёх лет, поэтому будущие молодожёны поселятся на время с нами – до тех пор, пока Эштон не приведёт своё собственное жилище в порядок.

Отцу не нравится эта идея, я чётко вижу это по его глазам, как и всегда устремлённым на меня, но вслух он ничего не говорит. Уже и сам понял, что перегибает палку, стремясь защитить меня от всех возможных в мире огорчений.

И мне хочется кричать ему, что есть мочи, орать во всю глотку: роди своего сына обратно! Сделай так, словно он никогда и не появлялся в нашем доме, будто никогда и не было того сентября, в котором мне шестнадцать, и я – созревшая для любви наивная дура, ожидающая своего принца!

Увы, он не может: Эштон – его ребёнок, такой же точно, как и все прочие. Он любит его, должен любить. Должен заботиться, обязан защищать и помогать. Правда... защищать там уже некого – Эштон сам кого хочешь защитит, превосходя отца теперь не только ростом, но и шириной плеч, мощью, закованной в мышцы рук, бёдер, спины.

Эштон уже не мальчик, не юноша, он – мужчина. И он созрел для свободного плавания, готов совершить самый важный для мужчины шаг – создать семью.

Утром воскресенья мы завтракаем вчетвером, в тесном, так сказать, кругу девочек: Маюми, Лурдес, Аннабель и я.

Лурдес – непричесанная нимфа в растянутых пижамных штанах и майке, малость подтёкшей тушью под глазами – ну монстр, ни дать, ни взять. А всё потому, что моя сестрица никогда не снимает косметику на ночь – лень матушка. Локти на столе, десертная ложка небрежно плавает от стакана с лавандовым йогуртом до её рта, не только жующего, но и бездарно напевающего некий приевшийся мотив.

Маюми лопочет свои сахарно-медовые комплименты в режиме нон-стоп: никогда не думала, что японки так болтливы. Единственный хоть сколько-нибудь заинтересованный

слушатель – Аннабель, ну и я постольку-поскольку, исключительно из соображений уважения и гостеприимства. Лурдес держит Маюми не то, что на расстоянии: со стороны моей по-испански горячей сестры транслируется нескрываемый игнор.

Однако ситуация в нашем «добром и любви-желательном» коллективе в корне меняется после того, как безбожно увлѣкшаяся влюблѣнная невеста произносит следующую фразу:

– А Эштон – такой умница в постели, такой шалунишка! Такое творит мой сладкий проказник!

Лурдес демонстративно роняет ложку на кремовый стеклянный стол, оглушив немного откровенницу звоном, но самый впечатляющий эффект произведѣн её выпученными глазами.

– Всѣ, эта дура меня достала! – по-русски. – Заткните её кто-нибудь, или я сделаю это сама, и потом откачивайте мамочку от инфаркта!

Маюми воодушевляется ещё больше, ошибочно приняв эмоциональный всплеск моей сестрицы за искренний восторг:

– Да-да! Он умеет делать всѣ, что любят девочки!

Затем шѣпотом и прикрыв рот рукой, добавляет:

– Да-да! И куни-куни тоже!

Это был предел... Не только мой, но и Лурдес тоже:

– Слышь ты, выдра узкоплѣночная! – рот сестры растянут

в нелепой клоунской улыбке. – Ты рожу-то свою в зеркале видела? Нет ну для своих, может, и сгодишься за третий сорт в темноте и чепчике, но Эштону твоя морда никак не идёт! Ему красивую девочку надо, понимаешь ты? С синенькими глазками, как у Сони нашей, например, сечёшь, вобла ты сушёная?!

Маюми сияет улыбкой, но открытый рыбий рот выдаёт рождающееся замешательство.

– Лурдес, говорить на языке, непонятном для собеседника – плохой тон, разве мама тебе не говорила? – спешу шутливо упрекнуть сестру на английском, а Аннабель уже едва сдерживается, чтобы откровенно не рассмеяться.

– Говорила. Так мы её сейчас научим на родном изъясняться! – отвечает сестра.

Лурдес с чувством хлопает Маюми по плечу, отчего нежная азиатская натура аж вздрагивает:

– Say it: Маюми – сушёная вобла!

Растянутыми в угрожающей улыбке губами Лурдес можно пугать маленьких детей, но Маюми почему-то согласна верить в искренность этого оскала Франкенштейна:

– Маюми сисёная обля!

– Точно, обля! Тут ты права, не спорю! – Лурдес невозмутима, ни тени иронии на её лице.

Силы покидают меня, смех рвётся наружу, но мне искренне жаль невинную жертву:

– Лурдес, прекрати, так некрасиво!

– Погоди, сестра! Мы ещё не закончили обучение с мисс «Вселенское обаяние». Вот всё в ней пресно-идеально, изюминки не хватает, ты не находишь?

– Ну, после твоего вмешательства изюма в ней точно не добавится!

– Это как посмотреть!

Лурдес снова поворачивается к Маюми со словами:

– Now say it: Соня красивее меня!

Маюми в диком восторге от русского языка:

– Сёня сивее меня!

– Надо ещё поработать ... – задумчиво замечает Лурдес, а наша самая младшая сестрёнка катается где-то под столом.

– Say the most important thing now: «Эштон – слепой кре-тин»!

Маюми довольна как слон, её сияющая белозубая улыбка заливает меня и Лурдес с головы до пят:

– Эсьтон писин!

– Да-да, писюн. Точно-точно! – Лурдес снова похлопывает свою с высокой долей вероятности будущую родственницу по руке. – You're so smart my girl, but it's enough for today, I guess. Just keep saying it to improve your pronunciation. Okay? [Ты такая умная, моя девочка, но на сегодня достаточно. Продолжай работать над произношением!]

– Oh, sure, Lu! Thank you for teaching me! You are so kind and nice to me! I like all of you but Lu is the best! [Конечно, Лу! Спасибо, что учишь меня! Ты такая добрая и так хорошо ко

мне относишься! Я люблю вас всех, но Лу – лучшая!]

– Ага, the best of the best! Тут не могу не согласиться! – на этот раз и Лурдес не удерживается, её губы сперва растягиваются в улыбке, а затем она взрывается смехом вслед за мной и Аннабель, которая не ясно уже, то ли плачет, то ли смеётся.

Глава 24. Шансы

Спустя две недели брат Алексей заявляет, что придумал, как мы отметим мой первый юбилей – двадцатилетие. И это будет то, чего мы ещё ни разу до этого не делали – поход на Канадскую гору Сеймур. Мы там бывали и раньше, но только зимой и только с целью лыжного отдыха, а вот летом, и чтобы пешком, да с рюкзаками – такого ещё точно не было.

Мама с Алексом тут же соскочили, заявив:

– Спасибо, но у нас уже запланирован Неаполь на выходные!

– Ну и замечательно, без предков будет самый драйв! – радостно оскаливается брат.

– Лёш, смотри за девочками, – тянет мама с подозрительной тревогой в голосе.

– Всё будет хорошо, Лерусь, я Лёше доверяю больше, чем самому себе! – тут же успокаивает её отец.

По плану Лёши мы летим в Канаду на отцовском вертолёте, высаживаемся в точке А, обозначенной на карте как место старта, и далее пешком с рюкзаками двигаемся в точку В, коей является горный отель неподалеку от озера. Маршрут займёт ровно два световых августовских дня с учётом того, что большая часть нашей компании – дамы. Медведей бояться не будем, потому что мужскую половину планеты представят Лёшка, Эштон, муж Кейси (которая, да, тоже едет с

нами, это ж мой День Рождения!) и ещё трое друзей брата, включая и Антона тоже. В связи с ночёвкой каждый из нас обязан обзавестись не сильно объёмным спальником.

План ясен. Народ готов. Вылетаем.

В вертолёте Эштон сидит у окна в обнимку со своей несравненной Маюми, моя душа горюет, но в целом уже давно смирилась со своей участью отверженной. Я стараюсь настроиться на Антона: ну а вдруг? А вдруг придёт любовь? Возьмёт меня измором, например, или что-нибудь в этом роде, ну ведь в жизни же всякое бывает!

В тот момент, когда Эштон нежно целует Маюми в губы, у меня сдают нервы, и я отворачиваюсь... Отворачиваюсь, чтобы скрыть наполнившие мои глаза слёзы и наткнуться на сострадающий взгляд родного брата.

Вот есть в жизни такие точки-моменты, которые пишут судьбу. Не утром, когда вы в туалете, не вечером, когда засыпаете на своей любимой подушке, не на занятии по анатомии, а вот так, в полёте, в сотнях метров над поверхностью земли.

И тут важно обозначить: на пороге своего двадцатилетия я смирилась и почти остыла. Нет, любить не перестала, но чувства мои из острой формы перешли в хроническую, а значит, такую, с которой можно жить и даже почти нормально функционировать. Я поставила цель стать врачом, постепенно к ней двигаюсь и не питаю глупых иллюзий насчёт некоторых парней. Я уже почти свыклась с мыслью, что Антон –

моя судьба. И он мне начинает нравиться, подкупают его поступки, слова, отношение ко мне. Ну вот что далеко ходить, например, он единственный, кто сообразил забрать у Аннабель рюкзак, который та едва тащила. Не у меня, чтобы выслужиться, а у девочки, которой действительно нужна была помощь. Ведь именно такие поступки и ценятся же?

Но больше всего мне нравится, что Антон не отрывает от меня своих глаз, но при этом никогда не лезет напролом: знает, что я пока не готова принять его чувства. Просто ждёт. Ждёт и смотрит...

И вот всё бы и развивалось по этому спокойному и закономерному сценарию, если бы... если бы Эштон не вернул меня на орбиту острой стадии одержимости собой. Сам, своими руками... и не только ими.

Ну как, сам...

В общем, мы высадились, позавтракали, отдохнули немного на лужайке, соседствующей с площадкой для вертолёта, затем стали выдвигаться. И вот тут-то брат и поймал меня в гордом уединении за обдумыванием своей незавидной доли. Приобняв за плечи, мой единокровный брат позаговорщически произнёс одну только фразу:

– Не горюй сестра! Жизнь иногда даёт нам шансы, главное не протупить и воспользоваться ими!

После этих слов он развернулся и двинулся к нашей ораве бой-скаутов, оповещая о начале выдвижения и о страшной каре для тех, кто посмеет отлучиться от общества. Аннабель

он ставит сразу за собой, а мне показывает многозначительно сощуренный левый глаз, который следует считать подмигиванием.

Спустя три часа вся женская половина горно-лесных проходцев жалуется на усталость и необходимость отлучиться в кустики. Лёша провозглашает привал.

Подходит ко мне:

– Ну как, устала?

– Есть немного, но терпимо.

– Ты молодец у меня, сестра! Тебя буду в пример всем ставить. Ты в туалет бегала?

– Нет ещё.

– Так чего ждёшь? Через двадцать минут выдвигаемся, и следующий раз будет не скоро. Так что, давай!

Я поднимаюсь, собираясь последовать его указанию, как вдруг Лёха выхватывает из моего кармана телефон:

– Ты так небрежно всегда его носишь, точно потеряешь!

– Да не потеряю я! – возмущаюсь.

– Смотри, береги его! Это единственный дубль с нашими картами, если мой накроется, мы будем идти по твоему!

– Да ничего я с ним не сделаю, достал уже! – нервно огрызаюсь.

Но брат странно смотрит на меня и совсем не злится.

– Шанс, Соня! Он выпадает только рааааз! – тянет строчку из песни на русском.

И уже вдогонку мне кричит:

– Иди лучше влево, пройди минут семь и увидишь обрыв с шикарным видом, не пожалеешь!

Вид на горы, покрытые еловой растительностью, заснеженные сопки на самых верхушках, оказался не просто потрясающим, а захватывающим целиком своей красотой и грандиозностью. Ничего подобного человек не способен построить, всё самое прекрасное на Земле создано всё-таки природой.

Я сижу некоторое время на жёлтой, высушенной солнцем траве, и люблюсь могучей первозданностью. Решаю, что нужно возвратиться на нашу стоянку и уговорить народ завернуть в это место и сделать привал здесь: ну подумаешь, выьемся из графика, зато какая же тут красота! Не факт, что на озере будет так же круто!

Но место, действительно, настолько волшебное, что я долго не могу подняться. Слишком долго...

– Красиво... – слышу негромкий голос за своей спиной.

И этот голос отзывается в каждой моей живой клетке атомной реакцией.

– Ты что тут делаешь?

– Тебя ищу, – отвечает просто и спокойно.

– Меня?!

– Лёша сказал, что ты ушла давно и долго не возвращаешься. Не люблю такие неопределённые вещи, да и отцу обещал, что все его дочери останутся живы и здоровы, – подмигивает.

– А если бы я тут...

– Я бы не стал смотреть. Поверь, мне это ни разу не интересно!

– Не сомневаюсь...

Мы некоторое время любуемся горами вместе, затем возвращаемся.

И обнаруживаем, что никого уже нет, и только оба наших рюкзака преспокойно лежат каждый на своём месте: мой – под одинокой елью, Эштона – на смятой ими с Маюми траве.

– Где все?! – это словно и не его голос.

– Я ... не знаю! – честно признаюсь.

Эштон шарит по карманам серых спортивных штанов, в своём рюкзаке, но никак не находит то, что ищет, и поэтому его лицо выражает крайнее раздражение.

– Вот дерьмо... – негромко ругается, а я в шоке, потому что впервые слышу, чтобы мой идеал «выражался». – Кажется, я телефон потерял.

Его карие глаза виновато смотрят в мои, словно он сожалеет, что облажался.

– Можешь набрать брата, пожалуйста? Я узнаю, куда нам двигаться, чтобы нагнать их.

И вот тут-то, в моих ушах тот самый голос того самого брата тихо напевает свою песню: «Шанс, он выпадает только раз!»...

Я вынимаю свой телефон и, совершая одно фэйковое нажатие на кнопку включения, с грустным видом сообщаю:

– А мой разряжен уже...

– Твою мать! – о, а у него, оказывается, есть эмоции! Что ж, я удивлена. – Кто выдвигается в поход в дикий лес с разряженной трубкой?

– Она не была разряжена, это Аннабель играла на нём во время привала, видно разрядила и не призналась...

Из Эштона вырывается стон нервного разочарования. Он садится на корточки, подпирая лоб руками, сидит так ровно две минуты, затем резко поднимается со словами:

– Мы двигались вон на ту сопку, если будем идти быстро – успеем нагнать их, – уверенно сообщает мне о своём решении.

Эштон быстро надевает свой рюкзак, фиксирует все его ремни, помогает мне с моим, и мы выдвигаемся. Ну, честно говоря, наше стремительное движение в сторону заснеженной сопки было более похоже на бег с препятствиями, нежели на пеший поход.

Далее следуют целых два часа моих адских мучений: тяжеленный рюкзак обрывает плечи, грудь болит от усиленного дыхания, ноги стонут, как и руки, шея, каждая живая мышца в моём теле плачет, умоляя меня об отдыхе. Вернее не меня, а моего персонального Гитлера, несущегося со скоростью бешеной собаки по следу своей ненаглядной Маюми. Нам не о чем говорить, оказывается. Совсем не о чем. Поэтому за оба часа ни один из нас не проронил ни слова.

Я вижу, что солнце всё ближе клонится к горизонту, света

в этом еловом лесу становится всё меньше, хотя он и не такой густой и непроходимый как там, внизу, у подножия горы. Здесь, в отличие от долинных лесов, совсем нет сырости, деревья не достигают и половины высоты своих низинных собратьев, поросль часто сменяется проплешинами, покрытыми высохшей травой, с которых видны горы и их сопки.

Эштон не озадачен, он обеспокоен. Я тоже на нервах, но совершенно по иным причинам: меня, в отличие от Эштона, никто не ждёт в нашей компании горе-путешественников. Моя проблема в другом – я наврала, что мой телефон отключён.

Я не знаю, зачем сделала это. Выиграть время наедине с чужим почти-мужем, который к тому же с трудом выносит моё присутствие и не утруждает себя попытками перекинуться хотя бы парой слов ради приличия – не самое умное решение. Однако, это именно то, чего я и добивалась, как следует из моего поступка.

Теперь у меня только одна проблема – телефон работает и у него почти полностью заряженная батарея. Если Эштон узнает об этом, мне придётся пережить один из самых постыдных в своей жизни моментов, и сейчас, в этой точке времени, мне даже страшно думать о том взгляде, которым он наградит меня и о тех словах, которые скажет.

В его жизни случилось уже достаточно огорчений по моей вине, но одно за другим принятые неверно решения неизбежно, как по цепочке, ведут к принятию других, таких же

идиотских решений: я включаю геолокатор, зная, что эта бесконечно полезная в походе штуковина посадит батарею моего сотового за несколько часов. Главное, оставить в трубке процентов пять заряда, чтобы у нас оставалась возможность выбраться, если мы всё же заблудимся.

RY X – Salt

Эштон разводит костёр, я отогреваюсь, сидя, скрестив ноги, на максимально допустимом приближении. Мой саботаж телефонной связи начинает приносить свои первые плоды: я неограниченно долго смотрю на красивое лицо, чёрные в огненном свете глаза, широкие, изящные брови, более похожие на дерзкие линии, какие девушки-модницы рисуют на своём лице, чем на мужские брови, чувственные губы, каждый изгиб которых запускает моё сердце на новую орбиту. Меня влечёт к нему с силой, противостоять которой невозможно, но я управляюсь. Всё, чего жаждет моё тело, душа, вся моя сущность, произойдёт в моём воображении, которое я использую по полной: скольжу приоткрытыми губами по его шее, задерживаюсь в ямке между ключицами и целую, долго, с чувством, потому что уже тысячу лет мечтаю это сделать, потому что именно в этом месте, как мне кажется, он нежнее всего, уязвимее. Мои ладони уверенно сжимают края его футболки и медленно тянут их вверх. Он поднимает руки, помогая мне и позволяя моим глазам любоваться собой, и хотя теперь мне сложно представить, как именно он выглядит, я пытаюсь, восстанавливая в памяти те образы,

которые хранятся в ней со времён семейного отдыха в Испании. И у меня, кажется, получается: мои жадные пальцы ползут по мышцам его груди, пресса, нижней части живота...

Эштон протягивает свои красивые руки ближе к теплу ковра, расправляет пальцы, подставляет ладони... и вот, в моём воображении, они уже скользят по моей коже... Я чувствую их тепло, деликатность, знаю, как много они могут мне дать, поэтому не спешу – позволяю вести себя в моих же желаниях...

Больное воображение – моя любимая игрушка, и я так часто играю с ней, что игры сложно отличить от реальности. Я много чего делала с Эштоном в своих мечтах, но есть нечто, что доставляет мне наибольшее удовольствие: прижимаюсь всей поверхностью своего тела к нему, мы оба обнажены, поэтому я получаю настолько полный контакт, насколько он физически возможен. Моя грудь прижата к его груди и плавится от её жара и силы, мой живот касается его живота и ощущает каждое его трепетное движение, считая медленные, спокойные вдохи и выдохи, наши бёдра соединены в одно... Я представляю себе, как он укладывает меня на наше ложе из белоснежных простыней и лепестков каких-нибудь цветов, и в тот момент, когда его тёплая ладонь проводит одну длинную в своей бесконечной нежности линию, я вступаю в самый настоящий экстаз...

Кто-то из древних сказал, что все удовольствия заключены не в теле, нет, они в голове. И я, вынужденная жестокой

судьбой и суровой реальностью, кажется, научилась управлять ею так виртуозно, что мой выдуманный мир легко размывает границы настоящего, живого.

– Соня... – слышу его негромкий голос.

Открываю глаза, смотрю, вижу его лицо – далёкое, чужое, безразличное. Эштон и не догадывается, что только что занимался со мной любовью и был так нежен...

– Соня, доставай спальник, ты устала.

Я поднимаюсь, борясь с головокружением, с трудом ощущая почву под ногами, и Эштон принимает моё состояние за физическую измотанность.

– Завтра сбавим темп. Ты просто говори мне, если больше не можешь. Я ведь не умею читать мысли, Соня!

Мои дрожание от возбуждения руки шарят в рюкзаке, и только в этот момент я понимаю, что у меня нет спальника. Был, я покупала его, сворачивала трубочкой и приматывала специальными зажимами к рюкзаку.

Но теперь его нет, и я не имею понятия, где он.

Не произнося ни слова, возвращаюсь на своё место у костра.

– Без отдыха мы далеко не уйдём... – его голос такой тихий, мягкий, что мне хочется укутаться в него, как в тёплую шаль.

– У меня нет спальника, – отвечаю так же тихо, почти неслышно.

Эштон вздыхает, почти обречённо поднимается и направ-

ляется к своему рюкзаку. Не хочу загадывать, но вероятность того, что он, возможно, хочет предложить мне своё место для сна, согревает меня больше, чем наш костёр.

Пока он разворачивает достаточно большой оранжевый спальник и такой же большой коврик, похожий на тонкие маты для йоги, я окончательно прихожу в себя.

– Залезай, – командует.

– Я думала, их укладывают на то место, где был костёр, – выделяюсь.

– Весной и осенью да, а сейчас у нас август, и за день земля достаточно прогревается.

Это правда, потому что мы устроили свою ночёвку не в дремучем лесу, а на открытой проплешине, весь длинный световой день подставленной солнцу.

Я залезаю и согреваюсь, потому что ночью тут всё же прохладно. Эштон сидит у костра и медитирует, неотрывно глядя на огонь. Мне бесконечно нравится его лицо в этом красно-оранжевом свете, но я также знаю, что и ему нужен отдых – он тоже устал.

– Эштон...

– Да?! – не поворачивая головы.

– Ложись и ты тоже.

Его глаза некоторое время смотрят в мои так, словно я предложила ему отправиться в Арктику на оленях! Внезапно губы растягиваются в тёплой улыбке:

– Боюсь, это не совсем... уместно!

Мгновенно решаю, что самое эффективное средство в нашей ситуации – это режим балагурства, поэтому стараюсь обратить неловкость в шутку:

Ólafur Arnalds – Only The Winds

SYML – God I Hope This Year is Better Than the Last

– Знаешь, если ты заболеешь пневмонией в этом лесу, я получу стресса намного больше, нежели от факта обнимашек со своей детской влюблённостью. Так что не разводи детский сад – залезай в спальник!

Некоторое время Эштон театрально пялится в звёздное небо, затем с улыбкой и непонятым шармом в глазах смотрит на меня:

– Ладно, если пообещаешь, что не полезешь целоваться!

– Что, твоя Маюми такая ревнивая?

– Думаю, любой девушке не понравится, если с её парнем будет... другая!

– Это в каком смысле «будет»? Эштон, не обольщайся! Ты сто лет уже как вычеркнут из моего списка «хотелок», расслабься уже!

– Да понял я, понял, иду.

– Ну и самомнение у тебя, старший брат. Даже Лёшка нервно курит в сторонке!

Эштон молча протискивается в спальник, и хотя модель действительно просторная лежать на спине вдвоём нам тесно:

– Тебе продали туфту. Вряд ли этот спальник для двоих, –

говоряю.

– Одинарные в два раза уже, поверь, я выбрал самый большой.

– Меня обтянуло как сосиску, как ты собирался спать тут вдвоём с Маюми?!

– Ну, во-первых, она мельче тебя, а во-вторых, в обнимку. Я молчу. Вроде ничего обидного и не сказал, а в носу щиплет. И от такой мелочи! Скорее всего, это всё мои нервы. Говорила же: я в этой поездке, как у собаки пятая нога!

– Повернись ко мне спиной, – тихо просит Эштон.

Выполняю без лишних вопросов, и слёзы, наконец, не выдерживают, вырываются обильным горячим ручьём, стекая по виску. Ну и ладно, думаю, так даже лучше, хоть поплачу без риска быть уличённой, главное не всхлипывать и дышать ровнее... Мысленно представляю себя на лугу, устланном ароматными полевыми цветами, смотрю на синее небо, закрывая глаза от солнца рукой, улыбаюсь, и бурный поток эмоций удаётся остановить.

Чувствую движение, знаю, что Эштон принимает ту же позу, что и я, чтобы отделиться двумя спинами, а не одной – для надёжности. Господи, думаю, да он относится ко мне, как к чумной!

В носу снова щиплет, перед глазами опять луг и жаркое, сильное тело вжимается в мою спину и бёдра, повторяя меня, обнимая мой живот тяжёлой рукой, но это такая приятная тяжесть... Нет ничего слаще её, нет ничего желаннее, нет

ничего роднее!

Я бы съязвила что-нибудь, вроде: «Просил не лезть целоваться, а сам тут же лапата кинулся!», но не могу, сил нет сдержать рыдания, и они лавиной вырываются наружу, слёзы намочили мягкую ткань под моей щекой, горло душит нечто непонятное, необъяснимое, но упорное, я задыхаюсь и в попытке набрать в лёгкие воздуха внезапно всхлипываю.

Выдала! Всё-таки выдала себя, дура!

Жду, что он отпустит, испугается, отвернётся, как обычно, как всегда это происходило, кроме одного единственного раза – тогда в наше первое Рождество. Но он прижимает свою руку ещё плотнее и не только её: его дыхание в моих волосах окутывает теплом и нежностью, творит мой мир безмятежности. Боль отпускает, проходят судороги рыданий, успокаивается сердечный ритм.

– Зачем ты поцеловал меня тогда? – мне нужно знать это. Давно уже нужно.

Не сразу, но всё же он отвечает:

– Не знаю. Это был... момент. Один из тех, когда просто чувствуешь, не думая о последствиях, разумности, правильности. Просто отдаёшься порыву.

Я больше не задаю вопросов, Эштон не стремится говорить тем более. Мы оба знаем, что он не любил, не любит, и не полюбит, но никогда уже не будет чужим мне.

Долго не засыпаем. Я – по вполне очевидным причинам: когда ещё жизнь подкинет такой подарок, как ночь в объяти-

ях любимого мужчины? Пусть и не тех, о которых мечталось, но тем не менее! А он... он не спит тоже, я это чувствую, слышу по его дыханию. Почему – не знаю, может, думает о своей Маюми?

Когда его тело расслабляется от сна, спокойствие окутывает и меня, и это самый безмятежный, самый сладкий, самый волшебный сон в моей жизни.

Просыпаюсь от боли в онемевшем боку, но готова терпеть её ещё вечность, только бы обнимающие меня руки не отпускали как можно дольше. Уже светает, и я лежу, разглядывая тонкие зелёные нити травы и ярко-жёлтую головку одуванчика прямо перед своим носом. Спустя небольшое время чувствую протяжный вздох за своей спиной.

– Не спишь? – спрашиваю.

– Нет... – отвечает.

– Давно?

– Около часа.

– Чего не встаёшь?

– Боюсь тебя разбудить...

Его рука мягко, будто неуверенно, покидает мой живот, я слышу жужжание раскрывающейся молнии и тихо прощаюсь со своим чудом. Чудом, которого и не ждала.

Эштон скручивает спальник в тугий жгут, а я разглядываю его отросшие волосы, борясь с невероятным желанием запустить в них руку и расчесать пальцами, распрямляя крупные полукольца прядей.

– Ты сменил причёску... Раньше выглядел более подтянуто, серьёзно что ли ... Сейчас – фривольнее, – с языка чуть не сорвалось слово «сексуальнее».

Эштон поднимает глаза и расплывается в самой широченной своей улыбке, от которой сосны и ели плывут перед моими глазами.

– Маями так больше нравится! – признаётся.

Думаю, он даже не понял, как вонзил копьё в моё сердце, и наконечник этого орудия был смазан самым опасным ядом из всех возможных.

Дальше всё как в тумане – мой мозг отказывался ясно мыслить, а может, это была пелена невыплаканных слёз. Мы молча шли, Эштон иногда останавливался, сосредоточенно думал, пытаюсь понять по солнцу и мхам, не сбились ли мы с маршрута. Я просто плелась сзади и молилась, чтобы выбранный им путь имел как можно больше крутых спусков и подъёмов, потому что в этом случае он каждый раз оборачивается, чтобы помочь и взять мою ладонь в свою. И в эти моменты я словно рождаюсь заново, зная наперёд, что тут же вновь придётся умирать снова.

Мне не было страшно ни минуты, ни единой несчастной секунды, мне было некогда – я любовалась им. В тот день Эштон казался мне эталоном мужской идеальности: сфокусированный, собранный, несущий ответственность за две жизни, свою и мою.

Наверное, каждая влюблённая женщина видит в любимом

мужчине только лучшее, но я в тот день впервые осознала, насколько, действительно недооценивала его внешность. И тогда же впервые мне пришло в голову, что я Эштону не пара. Маюми, со своей кукольной азиатской красотой – возможно, а вот я – вряд ли.

Глава 25. Drizzling

Orka – Agua de estrellas

После полудня я чувствую, что выбиваюсь из сил, Эштон это замечает и взваливает мой рюкзак на себя. Я, разумеется, сопротивляюсь, но мой спутник не утруждает себя даже ответом.

Так мы дотягиваем до семи часов вечера:

– Всё, кажется, и я выдохся! – наконец, сообщает.

Оба наши рюкзака летят под ёлку, и Эштон со стоном разминает свою шею и руки.

– Я же говорила: сама понесу!

Один острый как лезвие карий взгляд, и мне больше не хочется поднимать эту тему.

– Нам нужно поесть, – сообщает Эштон.

Я снова достаю своё печенье, которым живу уже второй день, но оно на исходе, как и вода.

– Кончай лопать печенье, от него сильнее пить хочется! – слышу распоряжение.

– Оно уже и так закончилось, – признаюсь.

– Есть ещё что-нибудь из еды?

– Нет...

Эштон смотрит неодобрительно и с глубоким разочарованием:

– Софи, кто учил тебя собирать походный рюкзак?

– Никто... Папа не приветствует подобный вид отдыха, он больше за комфорт, отели и всё такое... и желательно в Европе. В Канаду мы не ездили особо, хоть и живём рядом.

– А ты что-нибудь сама соображаешь без своего папы?

И вот мне показалось, или эта фраза сказана с упрёком?

Ответить нечего, потому что действительно, если смотреть объективно – вся моя жизнь проходит внутри моей семьи, и все решения, так или иначе, контролируются родителями. Но это и не удивительно после того случая в ночном клубе.

Я так ни разу и не поблагодарила Эштона за своё спасение. Вдруг решаю, что сейчас – самый подходящий случай:

– Эштон...

– Да?

– Спасибо, что спас меня тогда...

– Когда именно?

– А ты не раз меня спасал? – теперь уже самой почему-то хочется язвить.

– Просто интересно, что именно в твоём понимании является спасением.

– Ну... если парень вырывает девушку из лап бандитов и насильников – это однозначно спасение.

– Я такого не помню.

– Серьёзно?

– Абсолютно.

У Эштона в руках консервная банка с мясом цыплёнка и

горошком. Ну, не то чтобы я обожаю курятину, а тем более её консервированный вариант, но в это мгновение продала бы душу дьяволу хотя бы за ложечку.

– Ладно, тогда. Значит, мне всё приснилось.

– Я тебе снюсь?! – и вот тут я даже заработала горячий шоколадный взгляд, и это, признаюсь, даже лучше, чем курица с горошком.

– Ну... в том сне я тебя не видела, – признаюсь честно.

– С чего тогда взяла, что спаситель – я?

– Брат сказал.

– Мало ли кто что сказал! – заявляет, протягивая мне открытую банку. – Ешь!

– А ты?

– А я не голоден.

И я бы не поверила, если бы не видела в его рюкзаке такую же точно банку с рыбой. Но я хоть девочка и неопытная, всё же верю с трудом в тот факт, что ничего ни разу не евший Эштон может быть неголодным.

– У тебя же есть ещё, – говорю, – там, в сумке! Ты ж не ел ничего...

Эштон делает лицо: «ты невыносима!» и, зная скупость его эмоций, я понимаю, что он на взводе, возможно, как раз из-за мучающего его голода.

– Софи! – говорит резко. – Я не знаю, когда мы выберемся отсюда. У нас нет карты, у нас нет телефонов, я не вижу ни одной высокой точки, откуда можно было бы осмотреться, и

я не уверен, что мы идём в правильном направлении. У меня есть несколько консервов, мы их растянем по одной на день. Теперь ешь, что останется, доем я! – сказал, как отрезал.

Конечно, я оставила ему больше половины, на что получила злобное:

– Софи, не беси меня!

Съела ещё две ложки и завалилась спать, так что ему ничего не оставалось, кроме как доедать.

RYX – Only

Ночью начинается ультра-мелкий морозящий дождь, тот самый, который у нас называют «дризлингом», и которому в русском нет точного эквивалента: это как если бы лицо перманентно орошали мицеллярной водой. Я полу-сплю – полу-бодрствую, но в какой-то момент грань сна сдвигается, уступая больше места работающим клеткам мозга, и я додумываюсь спрятаться в спальник с головой. Замёрзшую мокрую голову почти мгновенно окутывают тепло и уют, возникает ни с чем не сравнимое ощущение счастья и покоя.

Я не сразу понимаю, что моё лицо вплотную прижато к лицу того, кто спрятался тут до меня. Ощущаю тёплое дыхание на своей щеке, медленно осознаю его губы и нос... Выходит, я сама прижалась к нему! Сознание ускоренно возвращается вместе с тревогой.

И тут происходит непредвиденное – то, чего я меньше всего ждала: его дыхание учащается, разогревается, превращаясь из тёплого в жаркое, медленно и почти незаметно те-

ряет свой размеренный ритм, становясь обрывочным, хаотичным. Затем влажное прикосновение к моей щеке – одно единственное, мягкость и жар, квинтэссенция нежности. За ним ещё одно, и ещё, поцелуи перерождаются в ласки, трепетные и совсем не невинные, эти губы принадлежат не мальчику, это губы опытного мужчины. Мужчины, знающего все секреты и умеющего ласкать так, как могут, наверное, только боги.

Паника сменяется чем-то другим, названия чему я не знаю, но помню, что уже ощущала нечто подобное однажды в Рождество. Шквал эмоций, рождающихся не в сердце, не в душе, а в теле, где-то внизу, в животе. Сумасшедшие горки восхищения. Волны накатывают одна за другой, переворачивая, возбуждая всё, что можно возбудить, перехватывая дыхание...

Его рука уверенно находит край моей футболки, ловко проникает под неё, но движения из быстрых, точных мгновенно перерождаются в медленные, неспешные, полные чувственности. Это не просто ласки, не просто нежные поглаживания, эти касания – мощнейший портал, и мы оба используем его для обмена своими перезревшими желаниями. Его ладонь стремится не просто ощущать, она хочет слиться, проникнуть своими клетками сквозь мембраны моих.

Эштон дышит так, будто сейчас вот-вот задохнется, и у нас действительно маловато кислорода для двоих, но причина ведь совсем не в этом. А в том, что его губы давно по-

кинули мою щёку, переместившись на шею, за ней на ключицы и всю доступную в небольшом вырезе футболки часть груди. То, что он делает губами и, наверное, своим языком провоцирует неконтролируемый протяжный то ли выдох, то ли стон, но я и не подозревала, что способна издавать такие звуки! В то же мгновение Эштон словно вспоминает о главном – о том, что у девушки в его руках есть ещё не тронутые им губы. Эштон так нетерпеливо обхватывает их своими, словно от поцелуя зависит его жизнь, будто во всей Вселенной нет ничего более важного и нужного для него в это мгновение.

Одно молниеносное движение, и его рука на моей груди, ещё одно и пальцы уже под тонкой тканью белья, жест настолько уверенный... что мгновенно отрезвляющий. Прекрасное, чувственное влечение в одну секунду окрашивается чёрно-фиолетовыми тонами мрачного подозрения... или понимания, что этот сумасшедший в своих ласках парень находится в полусне, и, как бы кощунственно это ни звучало, скорее всего, принимает меня за свою девушку, свою Майюми!

О, Боже... Хочется кричать, рыдать, выть, чтоб только дать выход безумному потоку горькой обиды, боли, обжигающей всё внутри. Но я не издаю ни единого звука, не совершаю ни одного жеста, чтобы остановить его, и именно это пугает меня ещё больше – внезапно понимаю, насколько безнадёжно больна им. Нет гордости, нет самоуважения, нет

любви к себе. Вся моя сила сконцентрирована в одной единственной точке – желании отдаться ему.

Наверное, он чувствует, что я отравлена, больше не получает отклика на свои всплески желания, ласки, тонкая материя нашей общей энергии соединения рвётся на жалкие ошмётки несбыточного:

– Соня...

И только в этот момент я понимаю, как сильно ошиблась: не было здесь Маюми. Он меня... хотел, именно меня, глупую-преглупую Соню! Сегодня, в эти мгновения Эштон дико, жадно, безудержно желал меня как женщину!

Я обнимаю его, прижимаясь всем телом, хочу вернуть то, что так отчаянно от меня ускользает... или от нас обоих?

– Не нужно этого, Соня!

И мы оба воюем с собственными желаниями, так старательно, что даже окружающая тишина звенит.

– Неужели ты не понимаешь, мы не можем! – он буквально выжимает из себя эти слова, произносит их срывающимся голосом, охрипшим от переживаний и усилий сдерживаться.

– Почему? – шепчу.

– Потому что! – и это не крик, это шёпот, но такой, словно его душа кричит.

– Почему?

– Ты думаешь, мне всё это легко даётся? Я делаю всё, абсолютно всё, что в моих силах! Ты понимаешь это или нет? Да я из кожи вон лезу, чтобы только всё было так, как нуж-

но! Как правильно!

– А может, нам не надо так, как правильно? – я и сама не знаю, какой смысл вкладываю в эти слова, они вылетают сами собой, как естественное продолжение нашего мучительного диалога.

А в душе у меня буря. Безумно хочется рыдать, но, как ни странно, вопиющий идиотизм ситуации почему-то придаёт сил, открывает для меня неизвестный ранее источник энергии, используя которую я достойно внимаю, не всхлипывая и не рыдая. Но слёзы катятся по вискам огромными каплями обиды.

Эштон резко раскрывает молнию спальника со своей стороны, и я даже не пытаюсь его останавливать, потому что знаю – это бесполезно, он скорее будет мокнуть под дождём, нежели согласится находиться со мной в месте, более похожем на ложе, нежели на убежище.

Но я и в этом ошибаюсь. Он возвращается, не сразу, а выждав время, достаточное, чтобы окончательно остыть, снова ложится рядом, но каким-то чудесным образом умудряется ни разу меня не коснуться, ни одного.

Во мне рождается жгучее желание как можно быстрее вернуться домой, скрыться в своей спальне от всех этих выворачивающих душу событий, и только в этот момент я вспоминаю о том, что забыла выключить геолокатор... И вот теперь мне становится по-настоящему страшно.

Утром мы молчим и избегаем взглядов друг друга. Я по-

нятия не имею, что у него на уме, о чём его мысли, а сама снова и снова переживаю произошедшее ночью и... впервые привыкаю к мысли, что мы действительно потерялись, отрезаны от мира, и никто нас не ищет. Наверное, и даже, скорее всего, я стала бы сходить с ума от страха, паниковать, истерить, если бы мой глупый одержимый мозг не был занят более важными для него мыслями: меня не отпускало внезапное понимание того, что Эштон может и не любит, но, по крайней мере, уж точно желает меня физически. И сильно.

День начался с солнца, хорошая погода вернулась так же неожиданно, как и сбежала прошлой ночью. Мы передвигаемся быстро: частично по причине опустевших запасов воды и еды, но большей частью заряженные отрицательной энергией ночной ссоры.

Если то, что случилось, можно, конечно, назвать ссорой.

На очередном привале Эштон, который снова вот уже час как тащит мой рюкзак, внезапно и без лишних церемоний открывает его и начинает нервно копать: вылетают два моих увесистых учебника по фармакологии, туфли на каблуке, косметичка, опять косметичка и ещё раз косметичка.

И всё это без единого звука. Эштон долго трёт переносицу, но своих соображений на мой счёт вслух не высказывает. А я молчу: знаю, что сглупила. Учебники точно не стоило с собой брать!

К концу дня мы, замученные, уставшие, грязные всё-таки выходим на дорогу и ещё через час добираемся до горного

отеля.

Эштон удивляется, что за нами не прислали поисковую группу, на что мой брат ему отвечает:

– Так у Сони же навигатор, заряженный всеми подробными картами и нашим маршрутом в том числе. Я сам загружал! Извини брат, я не думал, что ты можешь заблудиться с таким-то устройством!

У Эштона на лице недоумение:

– Он разрядился!

– Я проверял его как раз перед тем, как она в туалет пошла! – брат бросает в мой адрес странноватый взгляд, который порождает во мне некоторые подозрения.

Эштон нервно выдыхает сквозь стиснутые зубы, закатывает глаза, потом резко переключается на меня. Смотрит какое-то время, и в этом взгляде собрана вся ненависть истории человечества.

Я не успеваю опомниться, как Эштон резко выхватывает мой рюкзак, быстро находит телефон и удерживает кнопку включения. Брат выпучивает на меня глаза, мол: «Попапись!», воздух вокруг нас звенит от напряжения, но телефон не включается...

– Сколько он держит? – внезапный вопрос от разъярённого, всегда холодного Эштона.

– Семь дней! – гордо заявляет брат. – Усиленная батарея!

– Тогда почему мёртвый?! – Эштон понимает, что его дурачат, но не может сообразить, где именно.

– Это ж высота, горы, брат! Геолокатор всё время в напряжении, надо было его выключать, а Сонька не сообразила...

– Да, я об этом как-то не подумала! – подпеваю.

Эштон заметно расслабляется.

– Однако странно, разрядить полную зарядку за полчаса даже геосистемы не способны!

– Да глюк какой-то, наверное! – тут же находится Лёшка. – Это ж яблочная продукция, от неё только и жди сурпризов! Говорил я тебе, Сонь, бери лучше Блэкбери! – незаметно подмигивает.

– Как вернёмся, сразу же поменяю: после такой подставы яблоку больше нет доверия! – рапортую.

Не знаю, поверил ли предмет моего воздыхания, но тему эту больше не поднимал.

Глава 26. Эротические сны

В отеле мы с Эштоном находим всю нашу честную компанию втиснутой в один единственный номер – набились, как в сказке про варезку! Только нас двоих тут и не хватало.

– Ну, сплоховал я малость! – сокрушается брат. – Никак не ожидал, что в этой дыре всё забито будет! Повезло ещё, что этот люкс для молодожёнов оказался свободным, а то пришлось бы в спальниках, под ёлками...

Мы с Эштоном обмениваемся взглядами. И мне становится до ужаса больно: он хочет, чтобы подробности приключившейся с нами неприятности в лесу оставались в тайне. Ему важно не обижать свою невесту, не огорчать её и прочее – всё это я понимаю только лишь по одному его говорящему со мной взгляду.

Чудом доставшиеся нам апартаменты включают спальню и гостиную – обе комнаты завалены вещами, рюкзаками, надувными матрасами и спальниками.

– Сегодня освободился один семейный номер, и Кейси с Джейсоном уже его заняли. К вечеру будет свободен ещё один, одноместный – он за Антоном. А у нас план такой: в спальне на кровати поместятся три девочки, остальные на надувных матрасах в гостиной. Девчонки, решите между собой, кому достанется кровать.

– Чур, я! – тут же отзывается Лурдес. – У меня спина уже

болит спать как недочеловек!

– И я! – Аннабель.

Мы с Маюми молчим. Одна из нас должна взять на себя надувной матрас, и что-то подсказывает, что сделать это придётся мне.

– Пусть сёстры спят вместе, – разумно предлагает Эштон.

Все соглашаются. Однако ближе к вечеру, выждав момент, когда парни отлучились выпить пива в ресторане отеля, Маюми просит нас:

– Девочки! Я так соскучилась по нему! Уступите нам спальню, а?

Лицо Лурдес вытягивается:

– С какой это стати?!

– Ну, Лу, поставь себя на моё место! Мы не спали вместе вот уже две ночи! Ты же знаешь, каково это – быть до беспамятства влюблённым!

– Девчонки, уступите ей, не жмитесь, – встаёт на сторону нашей невесты Марго, Лёшкина подруга. – Да и ему, наверное, уже невтерпёж!

От этого «невтерпёж» меня передёргивает, но я знаю, что Марго не со зла это сказала, она – хорошая, умная, добрая, и мы с ней отлично ладим. Просто Маргарита не в курсе: из выданного ею предложения я делаю вывод, что Лёшка держит наши внутрисемейные тайны под замком, не доверяя даже тем, с кем спит. На мою беду.

– Софи, пожалуйста! – просит Маюми, поднимая свои ми-

лые тёмные бровки домиком. – Это ведь спальня для молодыхёнов, а мы с Эштоном почти уже поженились! Сколько тут до ноября осталось...

– Ну..., – я в растерянности, – мне не сложно и на матрасе... в принципе...

– Пфф, – фыркает Лурдес.

Но моя сестра отнюдь не злобный и не стервозный человек, какой многим кажется, поэтому хоть и выпячивает своё недовольство, но разворачивает надувной матрас, включает его в розетку, повернувшись к нам спиной. Наши уши заполняет отвратительный шум насоса, а Маюми счастлива и подпрыгивает на месте: всем ясно, что Лурдес уступила.

Надуваю и я свой, впервые полностью ощутив всю накопленную за последние три дня усталость. Лурдес с Аннабель спускаются к мальчикам ужинать, а мы с Маюми впервые остаёмся наедине.

– Софи, ты самая хорошая, самая добрая из всех сестёр! – мило улыбается Маюми.

– Спасибо, конечно, но ты меня переоцениваешь, – отвечаю на комплименты невесты.

Ага, думаю, «самая хорошая», как же! Особенно после того, что делала с твоим будущим мужем прошлой ночью в дремучем лесу.

– Нет, это правда. Я пожила у вас уже достаточно времени, чтобы понять, что вы за люди, и моё мнение в корне поменялось: теперь больше всех мне нравишься ты!

Замечательно. Страшно признательна за оказанное доверие!

– Каждый человек по-своему хорош. Не бывает плохих или хороших, все мы иногда совершаем плохие или хорошие поступки.

– Да! Так говорят и в Японии! Знаешь, странно, но именно о тебе Эштон ничего и никогда не рассказывал. Не поверишь, но я удивилась, когда поняла, что у него три сестры! Я всегда думала, что только две! – смеётся. – Ты и в Париж ведь никогда не приезжала!

– Приезжала и не раз, – возражаю со вздохом, – но не в последние три года.

– А почему?

– Учёбой занята была.

– О, да! Я знаю! Ты такую замечательную профессию выбрала! В Японии очень уважают врачей, очень!

Пожимаю плечами.

– И всё-таки странно... – Маюми задумчиво рассуждает вслух, – Эштон всегда так много говорил о сёстрах, я имею в виду Лурдес и Аннабель, но никогда о тебе!

– Может быть, потому что я ему не сестра?

У Маюми мгновенно меняется выражение лица:

– А кто?

– Ну... как бы сестра, но только сводная. Знаешь, что это значит?

– Нет, такого слова не знаю...

– Это означает, что у нас нет общей крови, и теоретически мы можем жениться и делать детей.

Это называется drop the bomb – вот так вот выводить человека на эмоции. И Маюми легко попадаетея – вспыхивает, заливаея розовым цветом, глаза выдаюя нервозность, она в панике. Действительно, двое молодых никак не связанных кровно людей провели в лесу почти трое суток, включая две ночи, имея при этом только один на двоих спальник. Говорят, восточные женщины отличаюя исключительным спокойствием и рассудительностью, особенно японки. Маюми проглотила мою пилюлю с огромным, просто огромным трудом. Кажется, я ей разонравилась, причём полностью. За всё оставшееся время нашего пребывания в одном пространстве мы больше ни разу не перекинулись и парой слов.

В тот вечер я уснула первой, не стала даже ужинать – так сильно хотелось спать, а надувной матрас после спальника показался королевской периной.

Утром мои глаза обжигает самая жестокая картина, какую может увидеть влюблённый человек: дверь в спальню для молодожёнов открыта, тусклый свет раннего ненастного утра едва освещает огромное ложе, на котором я вижу спящего Эштона. Он лежит на животе, уткнувшись носом в подушку, волосы растрёпаны, взъерошены и выглядят так, будто он засунул голову в стиральную машинку. К счастью, мне не видно никаких непристойных подробностей, но, как и любой нормальный мужчина, он спит со своей женщиной

без одежды. Его необъятная смуглая спина, выставленная на обозрение, замотанные в белые простыни бёдра, руки, обнимающие подушку – самая интимная картина из всех, какие мне довелось видеть в жизни. Она ранит меня, терзает, потому что любимый мужчина принадлежит другой женщине, спит в её постели, дарит ей свои ночи, нежность, любовь.

Лучше не смотреть, не смотреть... – твержу себе.

Но нечто непокорное внутри меня орёт с оглушающим визгом: «Он целовал меня! Целовал! Он повторял моё имя, моё!»

Маюми нет в постели, я слышу шум воды в ванной и радуюсь тому, что могу украсть кусочек её счастья, любуюсь на то, как безмятежно спит её жених. Мне сладко и больно одновременно, знаю, что самое правильное – отвернуться, но глаз своих оторвать не могу, не в силах, не в состоянии. И вдруг мой взгляд замечает на сверкающем лаком дубовом полу дорогого номера некий мусор. Я приглядываюсь... и вижу фольгу от презерватива. Две такие фольги.

Прячу голову под одеяло и рыдаю. Так горько, как, наверное, никогда ещё в своей жизни.

Michael Kiwanuka – Cold Little Heart

Дождливая ночь в почти непромокаемом спальнике не могла пройти бесследно для такого сахарного создания, как я: у меня жуткая боль в горле, голову распирает воспалением всего, что могло в ней воспалиться, из носа льёт в три ручья, и к вечеру я теряю голос и нормальную температуру тела –

у меня жар.

Вся компания развлекается на озере, пока мой несчастный организм сражается с простудой. Но, просыпаясь, я всякий раз нахожу рядом со своим матрасом на полу наполненный стакан с водой и термометр, потому что кто-то, очевидно, следит за моей температурой. Я выпиваю всю воду, но при этом не бегаю в туалет, потому что всё выходит моим больным потом.

В следующий раз просыпаюсь на руках... Эштона! Вижу его подбородок и закрученные над ухом и около шеи каштановые локоны и пытаюсь понять: сплю или мечтаю? Продолжаю молча любоваться предметом своих безутешных грёз, и в тот момент, когда его нога одним бесцеремонным ударом открывает какую-то дверь, понимаю, что это не сон. Охаю, Эштон тут же смотрит на моё лицо, и я замечаю синяки у него под глазами.

– Комната освободилась ... вернее, мы с Маюми освободили, потому что тебе нельзя спать на полу в таком состоянии.

С этими словами я оказываюсь на их кровати размера кинг, мне жутко холодно, тороплюсь залезть под простыни, но Эштон меня останавливает.

– Подожди, ты вся мокрая, возьми мою футболку и переоденься. У тебя в сумке нет ни одной подходящей! Вот скажи мне, зачем тебе в лесу столько платьев? Куда ты собиралась их надевать?

– У меня ж День Рождения, – шепчу в ответ, потому что голоса нет... совсем.

– Это только один день и одного платья, думаю, было бы достаточно!

Он улыбается, и эта улыбка – самое лучшее лекарство в мире, оно может вылечить от чего угодно, да от всего плохого вообще!

– Ну... я же должна иметь выбор... смотря, какое настроение будет! – тоже улыбаюсь своей несмешной шутке.

– Два учебника по фармакологии, пять платьев, мешок косметики, увесистый дневник на толстой металлической пружине – это как раз необходимый минимум выживания в Канадском дремучем лесу! – улыбается ещё шире.

Я хриплю в ответ, а должна была рассмеяться.

– Ну, в принципе, фармакологией можно отбиваться от медведей при случае, а платья пустить на строительство палатки, которую никто из нас не додумался взять с собой на случай дождя!

Мы оба смеёмся, и я узнаю в эти неожиданные минуты того самого Эштона... Того, который остался жить в прошлом, в предрождественские декабрьские, самые счастливые в моей жизни недели.

– Где ты был, Эштон? – хриплю.

И мысленно добавляю всё, что не дают произнести вслух воспалённые связки: «Где ты всё это время был, все эти годы моих мучений, моей отчаянной в своём упорстве и неразде-

лённости любви к тебе, Эштон?»

Он думает, что я брежу, вижу это по выражению его лица, по нахмуренным бровям, но он отвечает:

– Я всё время здесь. Если температура не спадёт, или тебе станет хуже, позвоню в 911.

– Не надо! – шиплю.

– Знаю, что не хочется двадцатый День Рождения отмечать в больнице, поэтому пока и не звоню. Но ты молчи, тебе говорить нельзя. И да, есть хорошая новость: мне удалось найти твой любимый травяной чай!

Эштон демонстрирует мне открытую коробку с сонным медведем – это детский чай для блаженного младенческого сна.

– Откуда?

Действительно, откуда? Как в лесу, в этой дыре, где нет суперсторов, волмартов и сэйфвэев, он умудрился достать этот чай?!

– Попросил у одной отдыхающей пары с детьми! – светится от гордости!

– Спасибо! – тихо шепчу и прошу, всеми фибрами своей души умоляю земной шар остановиться, замереть в этом мгновении навсегда, навечно.

Пусть я эгоистка, пусть...

– Не за что! – бодро отвечает моё счастье. – Когда-то я мечтал стать доктором, вот на тебе и попрактикуюсь! Если вылечу, вернусь на медицинский! – сообщает, подмигивая.

И я постараюсь изо всех сил завтра же быть здоровой, ведь ты же должен, ты просто обязан стать хирургом, Эштон, как и мечтал всегда!

London Grammar – Interlude

Вам когда-нибудь снились эротические сны? Мне однажды. И это случилось в тот раз, когда меня лихорадило от простуды.

Меня знобит – странное ощущение-понимание, что ты болен, но при этом ломота в костях и озноб, перекатывающийся мягкими волнами по коже, приятны. Сознание размывается, делая мир не таким острым и ярким, погружая в состояние полусна, где всё возможно... даже самое тайное, желанное и сокровенное имеет шанс сбыться. Пусть и во сне.

Моё скрюченное от болезненного холода тело вдруг окутывает теплом. Нет, это не тепло, это жар! Мощный, могучий, спасительный, обнимающий крепкими руками, сплетающий свои сильные ноги с моими слабыми не только от природы, но и обессиленными болезнью и лихорадкой. Кожа к коже, самый полный контакт из всех возможных, максимум доступности, предел слияния. И это тот момент, когда я понимаю, что на мне нет даже футболки – моя нагота органично проникает в его наготу, насыщаясь спасительным теплом и мужской силой.

Понимаю, что нахожусь в лучшем своём сне или мечте, а это означает, что жить можно на полную катушку, без тормозов. Поэтому переворачиваюсь, упираясь носом именно в

ту грудь, в которой вот уже столько лет мечтаю раствориться, вдыхая все мужские запахи, и настоящие, и нет, но все до единого запускающие в моём сознании лишь одно желание – целовать. Целовать всё, что попадётся на моём пути, ласкать, не останавливаясь, захлёбываясь, задыхаясь своими эмоциями и тем самым чувством, которое держит меня мёртвой хваткой с шестнадцати моих девичьих лет.

Это его мышцы, его руки, его обнажённые плечи, его кожа, всегда смуглая и такая родная, пахнувшая солнцем и всегда одним и тем же терпким мужским гелем.

Темно... В моём сне почему-то темно, а я хочу видеть! Хочу провалиться в его вечно холодный карий взгляд, но для меня, и только для меня, пусть будет он горячим, нетерпеливым, любящим. Почему я не могу его видеть? Ведь это же сон, а во сне возможно всё!

Я хочу его слышать... Пусть тот самый голос скажет мне, как он любит меня, как я красива, пусть не для всех, а только для него, но пусть я буду лучшей из лучших, самой желанной.

Дурацкое предательское сознание, дайте мне свет, я хочу найти его губы!

Шея... Это его шея, такая нежная кожа на ней... Это волосы, я знаю их аромат, самый сумасшедший из всех в природе... Его шёлковые пряди, мягкие, густые, на зависть красоткам... Я знаю, что они каштановые, знаю, что выглядят чёрными, когда он выходит из лазурного испанского моря

или нашего бассейна, и помню, как смешно заворачиваются в мокрые полукольца, когда он стряхивает своей крепкой рукой с них воду... Щека... И эта щека немного колется, так возбуждающе колется, что мне вовсе не больно, а совсем наоборот – так сладостно приятно...

Именно такой она и должна быть, его щека, именно такой...

London Grammar – Everyone Else

Я веду своими жадными губами по его скуле, стекаю к подбородку, и чувствую, как сбивчивое, бесконтрольное, слишком частое для нормального мужского дыхание обжигает мой лоб, щёку, влажные от болезненного пота волосы.

Почему он так дышит? Может быть, он тоже не совсем здоров в этом сновидении? Конечно, это же мой сон, моя мечта, мои желания, и здесь, в этом пространстве, неподвластном моей жестокой и бездушной реальности, этот мужчина смертельно болен мною... Не я им... а он мною!

Но я не буду держать на него зла за то, что стало моим проклятием в том мире, где есть свет и яркие краски, но нет души, не стану безжалостно резать его своими редкими безразличными взглядами, не буду душить его, любя других, заставляя видеть и страдать так, как страдаю я... Не позволю ему видеть меня в постели с другим мужчиной, никогда не скажу, что он – только развлечение для меня...

Я отвечу ему, вложив в свой ответ всю силу, всю доступную нежность, всю свою бесконечную, нездоровую, су-

масшешую любовь, ставшую моей трагедией... и моим же смыслом.

Пусть, пусть, пусть она будет! Пусть приходит ко мне во снах вот так, как сейчас, пусть будет мечтой, и я позволю себе целовать его губы, а он будет отвечать вот так же трепетно, как отвечает, так же захлёбываясь собственной нежностью, а руки его будут гладить мою кожу, так же как делают это сейчас...

Его ладони на моей обнажённой груди и мне хорошо. Мне хорошо, как никогда... Интересно, в реальном сексе это так же приятно? Его пальцы гладят мою правую грудь, сползают на левую, легонько сжимают, порождая в моём нереальном мире вполне реальные ощущения. Те, которые я никогда не испытывала в реальности, где я, двадцатилетняя, всё ещё позорно продолжаю оставаться девственницей, неосознанно храня себя лишь для одного...

Для того же, кто в этом уже явно эротическом сне, так жадно сжимает меня в своих объятиях, целует мои губы, облизывает мою кожу в самых провокационных местах.

London Grammar – Non Believer

Боже, что он делает! Его рот на моей груди, его руки на моих бёдрах, а я в космическом полёте стремительно набираю высоту, и сверхзвуковые скорости заставляют сжиматься внутренности в моём животе, расходясь по остальному телу жаркой и сладкой волной.

Безумно хочется раздвинуть бёдра... Странное желание!

Но ведь это же сон! Значит можно...

Я оплетаю его талию своими ногами, и делаю это легко, потому что он нависает надо мной, опираясь, очевидно, на свои руки, ведь именно так, наверное, это и должно происходить.

Мои ладони на его груди, и я чувствую под своими пальцами жёсткость редких мужских волос на ней, затем ощущаю тем самым своим девственным местом нечто... Что-то твёрдое и горячее даже сквозь слой ткани... Там не должно быть ничего твёрдого! Или должно? И почему нас разделяет ткань моего... или его белья, если это сон, то зачем нам эта дурацкая ткань?

Я смело рвусь удалить её, стягивая с его бёдер, и то самое «нечто» обжигает мой живот жаром и... и нежностью... Оно... он такой нежный, оказывается!

Вдруг слышу стон, какой-то нечеловеческий приглушённый звук, и моё запястье в жёстком захвате:

– Софи...

И это его голос!

– Софи, прекрати, ты болеешь, у тебя озноб, тебе нужно просто согреться...

Сильные руки разворачивают меня, и я чувствую, как моё тело повторяет одной идеальной ломаной линией то самое другое тело, так же почти полностью обнажённое, как и моё, потому что только теперь я нащупываю рукой собственные трусы и задаюсь закономерным вопросом: почему в таком

прекрасном сне мы оба в белье?

За моей спиной гулко бьётся сердце, рваное дыхание усиленно стремится стать ровнее и спокойнее, то самое твёрдое и самое горячее из всей этой груды мышц, становится не таким ощутимым в районе моих бёдер, и я понимаю, что непорочность, очевидно, мой крест, моя судьба. Даже во сне, даже в грёбаных своих мечтах я не могу расстаться с ней! Наверное, в своей прошлой жизни, в которую так верит отец, я была проституткой, и теперь проживу жизнь невольной монахини. С мокрыми трусами!

Утром мне действительно легче. Намного легче! Голоса всё ещё нет, но я уже человек с мыслями, руками, которые могут действовать, ногами, которые способны держать. Принимаю душ, привожу себя в порядок, собираю свои принадлежности, любезно расставленные Эштоном на прикроватной тумбочке, ведь я же уже почти здорова, а значит, пора сваливать из единственной спальни, предназначенной молодожёнам, а не всяким там больным.

Я стягиваю своё бельё с постели и только в этот момент замечаю на подушке два коротких каштановых волоса. У меня тоже каштановые... Но мои не выются, как эти, и они в десять раз длиннее...

Сон... сон... сон... или реальность? Было это на самом деле или нет? Жаркая ночь или моё воспалённое болезнью и неразделённым чувством сознание?

Конечно, последнее. Даже если бы мне очень захотелось

всеми силами притянуть два этих каштановых волоса на своей подушке до слова «реальность», есть японская красавица по имени Маюми, которая никогда не позволила бы моей мечте стать явью...

И не нужно обманывать себя, Соня, ведь «А что, если всё-таки?» не способно уничтожить влюблённые взгляды, которыми он смотрит на свою женщину, не обесценит той нежности и ласковости, какими наполнен каждый его жест, адресованный ей, не перечеркнёт искренности их почти всегда соединённых ладоней и сплетенных пальцев.

Конечно, нет. Не перечеркнёт.

Это сделает как всегда исполненный уверенности в собственной неподражаемости голос Лурдес, даже несмотря на то, что её рот почти до отказа забит утренним сэндвичем:

– У Маюми вчера вечером поднялась температура – видно подхватила заразу от тебя. Отец прислал вертолёт за ней, мы думали и тебя отправить, но Эштон сказал, что ты не хочешь, а необходимости нет... И это: можно я буду спать с тобой на нормальной кровати, раз ты уже здорова?

– Можно, – великодушно соглашаюсь. – А Эштон где?

– А Эштон на озере вместе со всеми, оставил меня дежурить по тебе...

– Ага, смотрю, ты как раз этим и занимаешься!

– Ну, Софи! Перестань! Мы же обе прекрасно знаем, что наш «доктор» никогда бы не ушёл развлекаться, зная, что твоя жизнь под угрозой, а раз уж тебе ничто не угрожает...

– хитро прищуривается, – то я тоже иду купаться!

Вечером того же дня я обнаруживаю Эштона в общей комнате за подозрительным занятием – он собирает свой рюкзак.

– В лес идёте? С Алёшей?

– Нет, я домой еду, – отвечает совершенно спокойным тоном.

– Почему? – этот вопрос вырвался из меня прежде, чем я успела сформулировать его в своей голове.

– Потому что Маюми заболела, да и в любом случае моё место рядом с ней.

Я больно кусаю нижнюю губу, чтобы не плакать. Держусь изо всех сил, потому что нужно же ещё попрощаться, как минимум, и если я открою рот, будучи в таком состоянии, то ему всё сразу же станет ясно! Насчёт меня...

«Можно подумать, до сих пор было не ясно!» – говорит кто-то внутри.

Может и так, но как же тогда мне забыть ту ночь в лесу? Мы ведь целовались и не как школьники! И по поводу сна эротического: я всё также не уверена, что это был сон!

Но Эштон смотрит на моё лицо так открыто, без малейшей доли смущения, что я понимаю: не было никакой эротики между нами.

Но лес был. И были поцелуи! Много поцелуев! И ещё он трогал мою грудь – это уж точно мне не приснилось! Может, он всё-таки что-то чувствует?

И если это так, то пока он не женился на Маюми, ещё не

поздно... Не поздно что-нибудь предпринять!

Глава 27. Катастрофа

Jason Van Wyk – Stay

В конце августа Эштон и Маюми переселяются в свою квартиру в даунтауне Сиэтла. У меня теперь тоже есть собственное просторное кондо, всего в пяти минутах от них – отец подарил на двадцатилетие. День Рождения мой мы всё-таки отпраздновали хорошо: родители прилетели, привезли подарков и хорошего настроения. Как ни странно, так сильно огорчивший меня отъезд Эштона принёс огромное облегчение. Оказалось, что их с Маюми счастье слишком болезненно для меня: каждый нежный или, что ещё хуже, интимный жест, адресованный ими друг другу, повергал меня в состояние глубокой депрессии.

В сентябре начались занятия в университете, а учёба в мамином учебном заведении засасывает тебя, как воронка, сложностью, насыщенностью графика лекций и практических занятий, лабораторных, презентаций и прочей стандартной студенческой деятельности.

Утешает одно – мама рядом. Теперь мы ездим по утрам вместе, а потому больше общаемся, делимся секретами.

– Как ты переживаешь его возвращение, Соняш? – наконец, решается на вопрос мама.

– Нормально вроде. Разве не видно?

Я слишком быстро ответила, слишком. Просто вопрос

этот застал врасплох, не ожидала.

– Видно. Но ты и повзрослела очень сильно за эти годы.

Я знаю, что она имеет в виду, моя деликатная мать: в этом «повзрослела» зашифровано «научилась скрывать».

– Соняш, если тебе больно видеть их, пожалуйста, скажи мне. Это важно.

– Почему?!

– Если долго держать отрицательные эмоции в себе, рано или поздно они найдут выход сами, и в этом случае, контроль тебе уже будет неподвластен. Лучше до этого не доводить.

– Всё нормально, мам. Не могу сказать, что мне всё равно, но и трагедий никаких нет – слишком много времени прошло.

– Хочется в это верить, – мягко говорит мать. – Соняш...

Она пытается сказать мне нечто важное, но никак не решится.

– Да говори уже! – не выдерживаю.

– Дочь... Алекс не умеет любить наполовину. Его любовь – это всегда одержимость, которая заставляет совершать неадекватные поступки. Даже сейчас, когда ему под пятьдесят, я не уверена в том, что он отреагирует правильно.

– Что ты имеешь в виду?

– Соняш, если между вами произойдёт что-нибудь подобное той ситуации в клубе, отец снова выставит его. И на этом их отношения закончатся. Мы не можем это допустить. Ты ведь понимаешь, насколько это неправильно? Они отец и

сын! Настоящие отец и сын!

Слёзы. Я не могу их контролировать. Они душат меня, топят такой болью, какую могут причинить только самые близкие люди:

– Мам... а я – не настоящая?

– Дело не в этом, Сонь! Ты благословенна его любовью, тебе достаётся почти всё, что у него есть! Это знают все, и каким-то чудом девчонки не умирают от ревности, и ты не поверишь, я каждый день молюсь, чтобы так продолжалось и дальше, чтобы вы оставались сёстрами, чтобы были близки, а не так, как бывает. Алекс совершает большую ошибку, делая это, но говорить с ним бесполезно. В его случае это не выбор, а данность. Говоря простым языком – клинический случай. Думаю, от сестринского гнева тебя только то и спасает, что крови его в тебе нет, и это даёт им фору... Формально.

– То есть, меня считают ненастоящей...

– Повторяю, формально – да. И именно эта формальность и спасает нашу семью от ревности и обид. Только Эштон под ударом. Из-за тебя, Сонь. Мне больно за тебя, тяжело видеть, как ты страдаешь, и меня ужасает то упорство, с которым ты не теряешь надежду, но... если действительно так сильно его любишь, подумай о нём! Не подставляй его, не провоцируй отца! Ему нужен отец, не представляешь, как нужен!

– Ты откуда знаешь?

– Просто знаю.

Её посыл мне ясен. Вот только никак не вписывается в

мои планы.

После разговора с матерью я влезла в улиточный домик: во мне толстым пластом осела обида. Мать просила за Эштона, пыталась донести до моего сознания, что мир не крутится только вокруг меня, хотя нет, он не сам по себе это делает – отец рулит этим фундаментальным явлением, вращая нашу планету вокруг МОЕЙ оси.

Я устранилась. Маюми и Эштон приходят по воскресеньям на семейные обеды, собираются все, вот абсолютно все... кроме меня. Я нахожу себе занятия подальше от родительского дома, а в октябре и вовсе переселяюсь в свою квартиру.

Отец в шоке. Отец в боли. Он не может смириться, назначает мне обеды и ужины в ресторанах, водит в оперу, но ответа так и не выжал: я – могила. Он никогда не узнает, о чём попросила меня мать. Я не стану винить её в своих проблемах и обнажать свою почти детскую обиду на то, что мама не на моей стороне. В двадцать лет я казалась себе бесконечно взрослой и даже мудрой, но была не в состоянии понять, что мать не выбирала чью-либо сторону, она всего лишь пыталась быть справедливой.

И она, как всегда, оказалась права. Попала стопроцентно в яблочко – я взорвалась.

Недаром говорят, маленькие дети – маленькие проблемы, большие дети – большие проблемы.

Эштон живёт в одном со мной городе, более того, он каж-

дую неделю бывает в родительском доме, но его дни – воскресенье, а мои – вторники. Вот так я собственноручно отлучила себя от него, и преуспевала в этом целых три месяца: весь сентябрь, весь октябрь и почти весь ноябрь, по двадцать седьмое число не включительно.

Он совершил фатальную для себя ошибку – позвал меня отмечать свой День Рождения. Если б СМСку прислал – я бы её проигнорировала, но он позвонил. Сам.

– Привет.

– Привет.

– Как дела?

– Нормально.

– Тяжело учёба даётся?

– Да нет. Ничего вроде, держусь пока.

Пауза.

– Мне показалось, ты избегаешь меня.

– Тебе показалось, Эштон. Медицина действительно нелёгкая наука.

– Ладно...

– Ладно.

– У меня День Рождения двадцать седьмого ноября, помнишь?

Моё горло скручивает нервная судорога. Как же не помнить дату рождения единственного нужного мне мужчины на планете, по странной роковой случайности, совпадающей с датой моего падения...

– Помню, – отвечаю сухо. – И твоя свадьба.

– Свадьбу перенесли на январь, я думал, ты знаешь. Но Маюми решила закатить вечеринку по случаю моих именин. В общем, Лурдес настояла, чтобы я позвонил тебе.

– А сам ты, что? Решений уже не принимаешь?

Слышу, как смеётся.

– Тебе честно сказать?

– Желательно.

– Будь моя воля, я завалился бы спать... на всю ночь. И чтоб ни души рядом. Отец умотал в конец, не поверишь, – снова смеётся. – Оказывается, сложной может быть не только медицина!

Вздыхаю. Ты – наследник, Эштон. Так что... не унывай!

Вслух произношу:

– Ты хочешь, чтобы я пришла?

– Конечно, – отвечает, не задумываясь. – Мне не нравится то, что происходит в последнее время. Воскресенье – семейный день, кажется, так ты говорила четыре года назад. Одного члена семьи каждый раз нет, и я чувствую, что виноват... в чём-то...

– В чём-то, – повторяю эхом.

– В чём же?

В том, что полюбил не меня.

– Я приду, Эштон. У меня двадцать седьмого дежурство, но я поменяюсь с кем-нибудь.

– Уже дежуришь?

– Практика – третий год учусь.

– Ясно... Учись хорошо. Ты будешь отличным доктором!

– Постараюсь.

Раз уж сам пригласил – значит пойду.

Julia Michaels – Heaven

Вечеринка, одна из многих, на которые я вот уже три года как не хожу. За это время отвыкла от толп людей, громкой музыки, косячков, алкоголя... который, впрочем, и раньше никогда не пила. До того единственного в моей истории случая.

Теперь мне двадцать лет, и хотя по закону США права употреблять алкогольные напитки не имею до тех пор, пока на своём личном календаре не достигну отметки в 21, я вливаю в себя маргариту (а кто вообще соблюдает эти тупые законы?), потому что не пить невозможно.

Они обнимаются почти постоянно. Иногда он целует её, не скрываясь, не стесняясь многочисленных друзей и знакомых, потому что тоже, очевидно, успел хорошо зарядиться горячительным. Пьют все, и я в том числе.

Примерно в половине первого ночи чувствую, что уже не могу стоять на ногах. Подхожу к Эштону, спрашиваю:

– Где можно отдохнуть?

– На втором этаже есть спальни – выбери любую... Только не master-bedroom, пожалуйста!

– Пожалуйста! – выдыхаю в его лицо свои алкогольные пары.

И никуда не иду. Оскорблена... НЕ место мне в его супружеском... почти супружеском ложе.

Я пьяна, и я продолжаю себя спрашивать: зачем он поцеловал меня тогда в лесу? Не сдержался, просто физически хотел, как наиболее доступное в данный конкретный момент женское тело, или всё же «что-то» есть не только у меня, но и у него тоже, «между нами», то есть...?

Лурдес едва ворочает языком, так же, как и я, на ней весь вечер провисел какой-то очередной бойфренд, показавшийся мне в трезвом состоянии нормальным, но теперь его нет.

– А где твой друг? – спрашиваю.

– А... – машет рукой. – Все мужики – суки!

– Поссорились, значит... – констатирую, едва выговаривая слова. – Для справки: суками могут быть только женщины, а вот мужчины... КОЗЛАМИ!

Мы синхронно ржём.

– Скажи-ка, сестра...

Лурдес прикрывает рот рукой, затем шёпотом:

– Ты всё ещё девственница?

Если б я была трезвой девственницей, то этот вопрос точно поверг бы меня в замешательство и залил бы моё лицо багровой краской, но я в этот роковой в своей жизни момент – пьяная девственница, а потому смело вываливаю все свои выболевшие внутренности:

– Конечно! Берегу самое ценное для одного человека...

Только он ... он женится на другой, – я ржу, как ненормаль-

ная, и Лурдес тоже, хотя говорю я совсем не смешные вещи.

– Знаешь, что... – выдавливает сквозь смех сестра.

– Что?

– Меня эта его курица таааак бесит!

– Это не новость, – отвечаю, всё также смеясь. – Меня она вообще выворачивает наизнанку, но... – моё веселье враз рассеивается, – ему наплевать на наше мнение, он ЕЁ любит, а не...

– Чёрта с два он её любит! – сестра даже на мгновение протрезвела. – Когда любят не ложатся в постель с другой девушкой... без одежды!

На моё лицо, очевидно, выливается шок, потому что Лурдес решила на некоторые уточнения:

– Ты думала, я не знаю? Все знают! Все видели, как он лечил тебя!

– Ничего не было... – и я уже сама сомневаюсь.

– Если ты говоришь – я верю, но... это уже не имеет никакого значения, Софи! Вы были в одной постели всю ночь, и на вас обоих не было одежды!

Мне нечего сказать, но зато у сестры много накопилось:

– Вот если бы я была тобой, – и она машет своим указательным пальцем между нами, долго так машет, пытаюсь сформулировать свою мысль, – то я бы поступила так, как нужно и удобно МНЕ!

– Что ты имеешь в виду?

– Я бы переспала с ним. Ты хотела, чтобы он был первым?

Ну вот и сделай так, чтобы именно это и произошло. Все мужики сволочи! Говорю тебе, ВСЕ! Не жалея никого из них, не жалея!

– Слушай, Лу... Тебе ж всего шестнадцать, а надралась ты как... Ооох!

– Ну, ты же не настучишь отцу, так ведь?

– Не настучу, – соглашаюсь.

– Тогда я тоже не настучу!

– На что? – мои брови взлетают в удивлении.

– На то, что ты сейчас сделаешь.

– А что я сделаю?

Лурдес многозначительно поднимает брови, вытягивая своё лицо:

– Поднимись наверх, займи одну из спален. Он вскоре придёт к тебе. Если ты позволишь ему – он это сделает. Давно уже хочет, поверь, я знаю, что говорю!

– С чего это он вдруг придёт?

– Предоставь это мне, сестрёнка! Всё будет в лучшем виде! Ноги ты побрила?

– Не помню...

– А ... не важно, он всё равно вдрызг пьяный...

Не вдрызг, как оказалось.

Эштон вошёл в комнату почти сразу за мной со словами:

– Что с тобой?

И он не выглядел пьяным. Хотя был... Недавно. Совсем недавно.

– Со мной всё в порядке, – отвечаю, и у меня даже получается чётко выговаривать слова. – Даже более, чем...

– Но Лурдес сказала...

– А я её обманула! – хоть и пьянь, а ума хватает не впус­тывать в эту подлость сестру.

Подхожу, смотрю ему в глаза. Он тоже не отводит взгляд и не уходит – ждёт, что дальше будет. Это придаёт мне уве­ренности: захотел бы, был бы так уверен в своём выборе – ушёл бы сразу.

Ставлю бокал на пол, у своих ног, затем, почти не шата­ясь, делаю ещё один шаг к нему, развязав на шее один един­ственный шёлковый узел своего голубого платья длиной в пол. И оно бесшумно сползает по моим бёдрам вниз, прямо как в рекламе духов. Этого даже не планировалось – само собой вышло.

В его глазах испуг... или удивление, соперничающее с разочарованием. Но он так и не двигается с места. Всё так же стоит.

Я кладу ладони на его грудь, она пылает жаром вечеринки и выпитого, он сам весь словно горит, и снова во мне прибав­ляется уверенности: мои пальцы расстёгивают одну за дру­гой пуговицы его нежно-розовой рубашки.

На белом персидском ковре этой спальни голубой и розо­вый. Наши тела – белое и смуглое, так непохожи, но поле вокруг них звенит напряжением... как мне кажется.

Он молчит и ничего не делает. А я совсем уже наглею:

провожу ладонью линию от его груди к животу и ниже, задерживаюсь на пряжке ремня, замешкавшись, вдруг испугавшись собственных действий.

Эштон оборачивается и бросает один нервный взгляд на дверь: и хочется и колется, догадываюсь я.

Поднимаю глаза, заглядываю в его, но желания в них не вижу. В них злость. Жгучая, опаляющая ненавистью злоба...

– Чего ты хочешь?

– Идиотский вопрос. Разве это не очевидно?

– Здесь моя невеста! – его зубы стиснуты, и он скорее прошипел эту фразу, нежели сказал.

Меня разбирает смех:

– Забавно! – признаюсь, смело расстёгивая его ремень. – Представляешь, я тоже когда-то вообразила себя почти невестой!

От этих слов Эштон дёргается так, будто его кипятком ошпарили.

– И тогда же, – продолжаю свои наглые признания, – я решила, что ты будешь первым!

– Да ну?!

– Именно. И ты не поверишь, – не знаю, почему мне так смешно, когда должно быть либо стыдно, либо... я должна возбуждаться в этот момент или хотя бы в общих чертах хотеть секса. – Я до сих пор девственница!

И тут Эштон с шумом выдыхает.

– Всё жду тебя, жду, когда же ты нагуляешься. Ты же по

этой причине от меня отказался? Разнообразия хотел, свободы... Как же так вышло-то, что ты женишься теперь? Как? Я же жду?! Тебя...

На его лице на мгновение мелькает мягкость и... участие, что ли, но так же мгновенно исчезает, уступая место всё той же горячей злобе. Я ещё никогда не видела его таким злым. Никогда.

– Ты же ещё не женат... формально свободен от обязательств, – проклятая весёлость, – так давай и меня тоже! Для полноты, так сказать, многообразия... Пополни коллекцию!

Стягиваю его джинсы, но он не даёт, хватая за запястья и отбрасывает мои руки в сторону.

– Что? Неужели отказываешь? Тогда придётся вручить своё девичье сокровище кому попало... Антону, например... Или вообще, выдерну вот прямо сейчас какого-нибудь твоего друга из толпы, уж он-то точно не откажется, не такой дурак, как ты!

Лицо Эштона – неживая маска. Не человек – статуя. Но меня в настолько пьяном состоянии, не смущает даже это. Я сажусь на край кровати и снимаю бюстгальтер, оголяя свою небольшую грудь. Швыряю его в угол спальни.

– Иди, пригласи сюда кого-нибудь на свой выбор! Раз уж тебе не нужен мой подарочек, вручу его другому! Давай-давай!

И он ведётся. Неожиданно. Может, тоже пьяный, а может, просто я каким-то чудом задела его честолюбие: как же так,

любимая дочь его отца переспит по пьяни с проходимцем, и тот лишит её девственности, когда он мог бы сделать это сам.

Его джинсы слетают с него в одно мгновение ока, носки тоже. Он совершенно голый, стоит в центре комнаты в полной экспозиции.

А у меня шок: от необъяснимого и неясного выражения его лица, от красоты и мощи его обнажённого тела, от впервые в жизни увиденного мужского органа в возбуждённом состоянии. Да, именно это – и было тем, что напугало меня. Я пьяная, а потому глупая. Испугалась его члена. Не ожидала. Не представляла себе, что они такие.

– И... эта штука в меня войдёт? – сама в ужасе от всей инфантильности своего вопроса.

Мгновение, и Эштон прижимает меня к постели гостевой спальни:

– Ещё как войдёт, сестричка! – цедит сквозь зубы. – Предлагаю сделку.

– Давай. Излагай.

– Я тебя трахну сейчас, и даже постараюсь быть нежным. Но ты сваливаешь на хрен навсегда из моей жизни! НАВСЕГДА! – буквально орёт он в моё лицо, нависая надо мной, пугая, и я впервые осознаю, насколько гадкой и мерзкой выгляжу в его глазах:

– Эштон, прости меня... – успеваю только вымолвить, как дверь в комнату открывается.

Это Маюми.

Эштон поворачивает голову, и они встречаются взглядами. Один быстрый, как мгновение, но длинный, как вечность, диалог двух влюблённых людей. В её глазах боль, в его – бездна сожалений.

– Маюми... – шепчет он, но от шока не может даже шелохнуться.

Она вылетает за дверь, Эштон, наконец, отскакивает от меня с криком:

– Маюми!

И в этом имени столько отчаяния... столько страха...

Я всегда считала его безэмоциональным. Ошибалась – он эмоционален. Ещё как. Его руки сжимают лицо, он то ли скулит, то ли воет, затем убирает их, смотрит в мои глаза своими, полными слёз, и буквально выплёвывает свою всепоглощающую ненависть ко мне:

– Ну ты и ссука...

Столько боли, горечи, отчаяния, как в этой «суке» мне ещё не доводилось слышать.

Маюми улетела домой, в Токио. Да, она родом из сильно обеспеченной семьи, в Париже училась в одном с Эштоном институте, в Сорбонне. Там они и познакомились год назад. Почти сразу стали жить вместе, и Эштону удалось её убедить переехать вместе с ним в Штаты. Своё предложение он сделал не где-нибудь, а в Соборе Парижской Богоматери – решил последовать примеру отца. Об этом милом нюансе из истории моих родителей он узнал от меня: я была тем чело-

веком, который открывал ему отцовские секреты, почти интимные моменты, сердечные тайны.

Маюми больше не вернётся. Никогда.

Глава 28. Расплата

Вот уже два дня меня не было в университете. В душе пустыня Сахара, сил нет выходить на свет Божий, смотреть людям в глаза. Живу у родителей. После случившегося Алекс забрал меня с вечеринки Эштона и отвёз прямым домой. Пока ехали, не сказал ни слова. Ни одного.

На третий день своего «отходняка», плавно перетекающе-го в глубокую депрессию, я случайно подслушала их разговор:

– ...я не могу...

– Но ты ведь сам приучил её обсуждать подобные вещи только с тобой! Она не хочет говорить со мной! Признаёт только тебя, так же, как и Алёша! Ты так сильно хотел их признания, что теперь они признают в качестве советчика только тебя!

– Неправда, ты преувеличиваешь, Лера!

– Ты знаешь, что нет!

– Лер, я не могу говорить девочке подобные вещи, ни один отец не может, потому что слова мужчины для неё имеют больший вес, нежели слова женщины! И вовсе не потому, что кто-то из нас хуже или лучше, а потому что так задумано природой! Слова, сказанные тобой, будут восприниматься иначе, если их произнесу я!

– Так нам это и нужно, разве нет?

– Нет! Её самооценка как женщины, самоуважение – это самое важное! Она и так сейчас уязвима, и без того унижена, обижена, отвергнута и прочее, и ты предлагаешь мне идти к ней и читать мораль о том, как не следует себя вести с мужчинами? Да она после этого из дома не выйдет!

– Я просто поражаюсь тому, как ты всегда умудряешься вывернуть ситуацию так, что виновные вроде как и не виноваты!

– Объективно, да. Я считаю, Эштон виноват, а не Соня.

– Да неужели?

– Именно. Моя девочка не пошла бы на такое, если бы ей не дали повод. Значит, он дал! Моя Соня держалась, как скала, все эти годы, и мне, Лерочка, очень хорошо известно, чего ей это стоило! Нет! Мы не говорили об этом ни разу! Просто когда-то я на своей шкуре всё это пережил!

– Звучит, как упрёк!

– Просто пытаюсь объяснить себя, вот и всё. Эштон виноват. Он дал повод, не сомневайся.

– У меня такое чувство, что у тебя всегда и во всём только Эштон виноват! Даже там, где он целиком и полностью пострадавшая сторона, всё равно его вина!

– Иногда мне кажется, что я ненавижу его...

– Господи, Алекс, что ты такое говоришь?!

А я зажимаю рот руками, потому что душат рыдания, и не знаю сама, почему же мне так больно...

– Зачем? Зачем ты говоришь такие страшные вещи? – ка-

жется, у матери голос тоже на срыве.

– Потому что я их чувствую. Если я не могу сказать об этом тебе, то кому же тогда?

– Ты ему нужен! Ты так сильно ему нужен!

– Ровно так же, как и ты...

У этой фразы есть шипы, и предназначены они моей матери. Я слишком занята собой, чтобы набраться смелости и заглянуть в их комнату, посмотреть, почему молчат, что происходит у них, как она отреагировала. Внезапно слышу негромкое:

– Прости...

Слышу, что мать плачет, отец, очевидно, утешает её, как всегда, они обнимаются.

– Нет такой кнопки, на которую можно было бы нажать, чтоб получить желаемое. Нет такой точки у меня на теле, которая отвечала бы за любовь к сыну, которого я узнал уже взрослым мужиком, а не ребёнком. Но хуже всего то, что и у него нет кнопки, имеющей функцию «люби!».

– Он твой сын! Твой родной сын, Алекс!

– А может Провиденье потому и забирало их у меня, всех до единого, что ничего хорошего они не могли бы дать ни миру, ни мне? Я сам сколько боли людям принёс, преимущественно женщинам, конечно! Да что далеко ходить: Амбр, например!

– У Амбр был выбор и свои взгляды и цели в жизни, а вот у Эштона его не было, он получил набор жизненных активов,

где одного из самых главных не хватало!

– Теперь ты упрекаешь?

– Нет! Тоже хочу объяснить себя!

Дальше не слушаю, плетусь в свою комнату – этот родительский спор выжал меня, как лимон. Сил нет ноги переставлять.

Спустя примерно час стук в дверь:

– Соняш, можно к тебе? – это мама. Видно договорились всё-таки миссию вправления моих мозгов возложить на неё.

– Можно, но мам, не надо, прошу тебя! Я всё понимаю и всё знаю, самой тошно и противно! Самой стыдно, только не пили меня доводами благоразумия и воспитанности, скромности и гордости, а последней у меня отродясь нет, так где ж её взять?

Мать не реагирует на мой резкий выпад, спокойно подходит к кровати, садится рядом и кладёт свою тёплую ладонь на мою голову. Потихоньку начинает поглаживать, точно так же, как делала это в далёком детстве, и, несмотря на возраст и перемены, я реагирую так же, как и тогда: расслабляюсь, тугой ком в горле становится мягче, позволяя мне дышать свободнее.

– Всё у тебя есть, доченька, и гордость, и ум, и красота. А благоразумие – дело наживное. Просто ты слишком сильно влюбилась, а когда любишь, разумность уже не кажется такой важной. Я тебя очень люблю, и Алекс тоже любит, мне только Эштона жалко. Он больше всех пострадал в этой си-

туации, а его же и виноватым выставляют!

А может, он действительно виноват? Ключевой вопрос тогда: а мог ли он контролировать себя там, в лесу, ночью, когда ел меня своими жадными губами, или и в самом деле был в полусне, потерял ощущение реальности? Ведь именно после того случая и сорвало мою уже почти спокойную голову! И потом ещё та ночь, когда мне снился мой первый и последний эротический сон, и я не очень уверена в том, что всё это приснилось...

Глава 29. Ненависть и боль

Не влюбляйтесь в сильных, не влюбляйтесь в страстных, не влюбляйтесь в мстительных.

Новый год начался новыми проектами и почти ежедневной практикой в отделении детской онкологии. Я не делаю здесь ничего военного, мои обязанности ничтожны в сравнении с теми представлениями, которые сложились о профессии ранее. Я раздаю ежедневные лекарства, делаю инъекции, записываю в журнал изменения в состоянии маленьких пациентов.

Тяжело. Не физически, нет! Морально. Но я знала, на что шла. И желание доказать всем и отцу самому первому, что способна на большее, чем он думает, никуда не исчезло, оно покрылось слоем стальной глазури.

Я изобрела собственный способ защиты – улыбки. Почти сразу заметила, что, улыбаясь, быстрее и легче гашу слёзы. Дети меня любят, дети меня ждут, дети слушают и верят моим обещаниям. Но я никогда не обещаю им того, чего не смогу выполнить, поэтому, устанавливая капельную систему, улыбаюсь всем ртом и напеваю песенку про маленького паучка, упавшего в водосточную трубу, потому что семилетняя Кэти каждый раз спрашивает, точно ли вылечит её это противное лекарство, от которого её тошнит и болит живот.

Тот день, а это был трудный понедельник, сразу начался

на пределе моих возможностей: Рони, корейский мальчик с диагнозом, не оставляющим ему слишком много времени, прыгал как ошпаренный по кроватям, не потому что играл в пиратов, а потому, что его обезболивающее уже не помогает. Он просил меня пообещать, что боль скоро прекратится. И я почти сдалась. Почти набрала номер отца, чтобы сказать, что он был прав...

Я в тамбуре нашего отделения, не тесном, но и недостаточно просторном, чтобы назвать холлом. В этом месте нет окон, но есть цветные витражи – узкие полосы мозаики раскрашенного яркими красками стекла. Иногда, когда мне совсем плохо, я прихожу сюда в компании мерзкого кофе из автомата и представляю себя сидящей на широкой длинной скамье в затерянной католической церкви какой-нибудь итальянской деревушки. Большая часть практикантов с моего курса – уже курят, нервы сдают почти у всех, и каждый находит свой собственный способ обуздать эмоции. Мой оказался уникальным, поэтому чаще всего я медитирую в этом тамбуре в полнейшем одиночестве, и это помогает полностью отключиться от реальности, перенести себя в мечты, где никто не болен, не страдает от боли, страха, отчаяния.

В тот момент, когда мои глаза осознают стоящего напротив Эштона, одетого к тому же не в дорогой костюм, каким я привыкла его видеть в последние наши встречи, а в джинсы и батник, я всерьёз задаюсь вопросом, всё ли в порядке с моей психикой? Эштон словно вернулся из прошлого: на его

голове бейсбольная кепка ярко-красного оттенка и капюшон серого батника поверх неё – двойная защита, двойная броня, почти полностью скрывающая его лицо.

Он медленно приближается и останавливается в полу сантиметре от меня, не касается ни в каком месте, но будто давит, прессует моё тело своим. Поднимает руки, упирается ими в стену по обеим сторонам моей головы и дышит: громко, судорожно, рвано. Дышит так, словно говорит... словно угрожает, пугает смертью, обещает много боли и обид, клянётся уничтожить.

Lana Del Rey–Heroin

Мне кажется, я слышу, как бьётся его сердце. Глухие удары. Не медленные... Не быстрые... Уверенные...

Я смотрю на его прикрытые веки, ресницы, губы. Ощущаю тепло и влажность его дыхания и знаю уже наверняка: в его крови нет алкоголя, нет наркотических веществ, только трезвое, ясное сознание, осмысленные решения. Осознанные поступки. Движения, продиктованные разумом и волей.

Моя кожа впитывает тепло – каждый выдох, каждый приближающийся его выдох. Касание... Лишь один слабый контакт двух чуждых друг другу планет, и в сознании наших миров уже запущены необратимые изменения. Головокружение... В крови жар, в крови желание...

На моей коже его кожа, на моей щеке его губы, на моих губах... его губы... Мне больно и сладко... Мне страшно и ... не страшно...

Меня больше нет: то, что мгновения назад было мной, расплавилось в бесформенный, медленно текущий поток желаний, главное из которых – унять застарелую боль, которая втайне от всех и даже меня самой навечно поселилась в самой глубине моего сердца. Только он, только его губы, кожа, запах, сетка вен на руках под моими пальцами, шёлк волос, приятная и возбуждающая щетина, нежность кожи на его шее, ладонях, пальцах, его дыхание, его сердцебиение способны спасти меня.

Эштон – не Эштон. Это снова не он. Я не знаю, никогда не встречалась с этим жадным, дрожащим мужчиной. Он не в состоянии даже дышать: его тело борется за жизнь, заставляя лёгкие делать судорожные, обрывочные вдохи. Его руки – не его руки, пальцы больно вдавливаются в мой затылок, прижимают мой рот к его рту. Я не отвечаю, но ему, похоже, всё равно – он поглощает мои нерастраченные поцелуи, он неуправляем в желании не считая отдавать свои. Мы сталкиваемся зубами, но это не та неловкость, которая способна остановить его, и даже она распаляет сильнее, вдавливая всем телом в меня.

Ладонь на моём крестце прижимает мои бёдра к его бёдрам, но волшебство не в этом, вся магия в её тепле, ручьями и реками растекающемся по моему невинному телу. Телу грёбаной девственницы!

Я не ханжа и не гуттаперчевая героиня романа, я взрослая, живая женщина из плоти и крови и не вижу пошлости

в том, что в эту секунду ощущает моё, прижатое к его паху, бедро. Я хочу его так сильно, как не хотела ещё никогда, и только в это мгновение понимаю, что, в сущности, до этого момента понятия не имела о том, что такое физическое влечение.

Но это понимание оказывается слабее моей уязвлённой гордости, самолюбия, чести, в конце концов.

Отталкиваю его. Он не поддаётся и не останавливается. Упираю ладони в его грудь и снова толкаю, на этот раз, приложив все свои силы. И он поддаётся – его рот со стоном отрывается от моего, тяжело и часто втягивая воздух, но ему, похоже, всё ещё слишком сильно нужен контакт, и его лоб прижимается к моему. Я знаю, это немая просьба не отталкивать, не отказываться от него в этот момент, когда он уязвим. Я принимаю его условия, но не потому, что не в силах сказать себе «нет», проблема в том, что я всего лишь женщина – слабое, любящее существо, не способное адекватно противостоять физически, не желающее причинять боль в те моменты, когда её можно избежать.

Он переводит дыхание, набирается сил, хватка ослабевает, мой лоб уже не испытывает боли от давления, облегчение сменяется болью утраты – контакт разорван, руки вырваны из моего мира. Последними расстаются наши бёдра – наиважнейшие энергетические точки, центры сексуального влечения. Они последние, потому что именно в них меньше всего чувств, но максимум желаний.

– Я так и думал, что на самом деле ты просто шлюха!

Его взгляд снова холоден и непроницаем, губы изогнуты в злорадной усмешке, он издевается, не гнушаясь моей открытостью, уязвимостью, всем тем, что делали со мной его руки и его губы.

Сколько ещё унижения мне нужно пройти, чтобы излечиться от больного чувства к нему? Как сильно он должен обидеть? Как больно ударить? Сколько жалящих слов сказать?

Помнится, этот человек разбил нос парню, назвавшему даже не его девушку этим же самым словом, а теперь он сам, его рот и его язык посмели произнести его в мой адрес. Он бросил этим оскорблением в меня – в человека, девушку, упорно хранящую свою невинность для НЕГО...

Слёзы... Слёзы – это слабость, обложка моей поверженной личности, проигравшей самое главное в жизни сражение – любовь желанного мужчины.

Он видит их, и в этом мой проигрыш. Эштон смеётся... Нет, не смеётся – ухахатывается! А в красивых глазах ненависть... И боль!... Ненависть и боль.

И мне так плохо, что уже всё равно, остались ли ошмётки достоинства:

– Зачем ты так, Эштон?

Это не смех, это ядовитый хохот зверя.

– Потому что ты – дура! Круглая, тупая дура! Когда же до тебя дойдёт, наконец, что никогда, ни единой секунды ни ты

сама, ни даже твоё тело не были мне нужны?! Я презираю тебя, понимаешь? Мне тошно видеть твои взгляды, слышать твои вздохи, улавливать любой звук твоего мерзкого голоса! Прекрати уже это! Перестань маячить перед моими глазами со своей постылой, прыщавой любовью!

Вот это слово «прыщавой»! Одно единственное, маленькое, сказанное невпопад слово, обрушивает на меня мою непознанную доселе мощь – теперь уже истерический хохот опрокидывает мою голову. Я не могу успокоиться, потому что умом уловила подвох:

– В следующий раз, когда будешь упражняться в ядопускании, продумывай свои монологи заранее, чтобы не выглядеть смешным – у меня нет, и никогда не было, прыщей, Эштон. На моём лице и теле идеально чистая кожа, а внутри – такая же чистая душа. Чего не скажешь о твоей! Уж если где и есть грязь и инфекция – так это в твоём мозгу!

Он не был готов услышать подобное от меня, его черты разглаживаются, злоба и презрение готовы уступить место чему-то другому, но я не узнаю, чему, потому что уже выхожу в бокс с раздвижными дверями – на этот раз сил хватило уйти первой.

Глава 30. Амбр

God Knows I Tried – Lana Del Rey

В моей голове слишком много мыслей, вопросы плавают мозг, не находя своих ответов. Банальная гниль внутри успешного показаться хорошим человека – не есть решение моей задачи. Слишком просто. Слишком поверхностно. Теперь Софье уже достаточно лет и накопленного опыта, чтобы понять, что в её уравнении несколько неизвестных.

Больше месяца ушло на то, чтобы переварить, переосмыслить последний эпизод нашего «общения». В сухом остатке получилось следующее: не может человеческое существо беспочвенно ТАК ненавидеть; у всякой ненависти есть причина. Не может ненавидящий мужчина ТАК целовать ненавистную женщину, ведь поцелуй – самая интимная вещь на свете, это откровение, признание, лишённое фальши. Иногда в поцелуе больше смысла и правды, чем в любых сказанных словах. И наш последний не даёт мне покоя, потому что вносит безобразный беспорядок в стройность моих, сделанных ранее, выводов.

Мне нужны ответы. Мне нужны знания.

– Пап, у меня проблема с квартирой вышла, негде остановиться на ночь, можешь дать адрес матери Эштона? Я сейчас на Монмартре, она ведь здесь живёт?

– Это плохая идея, Сонь. Езжай в любую гостиницу, с

квартирой я что-нибудь решу завтра же!

Именно такой ответ я и ожидала.

– Хочу увидеть место, где он вырос, узнать его мать.

– Зачем?

– Чтобы найти ответы на свои вопросы.

– Соня... Дочь, у тебя ведь уже есть её адрес, верно?

– Да. Я просто... решила, что ты должен об этом знать.

Именно ты.

– Почему не мама?

– Потому что *она* была твоей женщиной, а не маминой. И мама никогда не смогла бы понять, она бы остановила меня, нашла бы нужные кнопки и нажала.

– Соня, Амбр никогда не была моей женщиной. Одна ночь – всё, что у нас было... – его голос едва слышно.

– Только одна?

– Одной было достаточно, чтобы понять.

– Понять что?

– Что я не способен отказаться от большего.

– Большого?

– От твоей матери и своего, хоть и призрачного, но будущего с ней. У этой женщины есть все основания ненавидеть меня, Соня, но для твоей матери она может быть опасна. А ты её дочь!

– Хочешь найти мои кнопки?

– Нет. Всего лишь пытаюсь уберечь! Обиженная женщина способна на многое, Соняш. Мы все уже имели шанс это

понять. А я сильно виноват перед ней.

– Ничего она не сделает, ты сгущаешь краски!

– Возможно, не сделает прямо, но косвенно... Соня, ты слишком много значишь для меня, и это становится проблемой в последнее время! Не заставляй меня делать выбор между тобой и Эштоном, мне нелегко сблизиться с ним, поверь, моя ситуация намного серьёзнее!

– О чём ты?

– О том, что этот выбор всегда будет в твою пользу. Понимаешь, что это значит?

Я молчу.

– Знаю, что понимаешь... Просто поезжай в гостиницу!

– Хорошо, пап.

– Соняш, я очень люблю тебя! Знай это!

– Я знаю...

Кладу трубку, Алекс никогда не завершает звонок первым – плохой тон, если собеседник – дама. Но в кругу его дам только два человека – я и мама.

Еду в дорогой отель, оплачиваю дебетовкой, потому что знаю: он прямо сейчас следит за моими счетами в своём планшете. Контролирует, всё ли со мной в порядке, и можно ли доверять выбранному месту. В номер заказываю ужин и несколько книг, выжидаю ещё полчаса и дозаказываю набор пирожных плюс любимый чай – для правдоподобности.

Почти сразу сообщение: «Умница!». Багаж оставляю в номере, в дорожную сумку перекладываю самое необходимое,

в такси расплачиваюсь наличными.

Дверь открывает пожилая женщина. Смотрит некоторое время, внимательно разглядывая моё лицо, одежду, но оставливает свой взгляд на сумке.

– Здравствуйте... – едва выдавливаю, всю мою решимость как ветром сдуло.

Несмотря на почти полную темень на площадке и в коридоре квартиры, мне кажется, женщина слишком тщательно изучает меня, чересчур подозрительно молчит, обдумывая увиденное.

– Здравствуй, – отвечает спокойно. – У тебя почти нет акцента, – добавляет без единой эмоции.

– С детства много занималась... – зачем-то отвечаю, и не подозревая, какие мысли может вызвать моя необдуманная поспешность в выдаче информации.

Амбр отходит в сторону, приглашая меня, тем самым, войти, и только в этот момент до меня доходит, что я не представилась.

– Ты ведь Софи, дочь Леры?

Чёрт! Она не только знает, кто я, но и помнит имя моей матери!

– Да, странно, что Вы знаете... – я наивнее, чем предполагала.

– У Эштона много фотографий.

И вот тут меня бросает в жар.

– У Эштона?

– Да, он вырезал статьи из журналов. Но я бы и без них тебя узнала: ты очень похожа на неё. Только волосы другие... а вот глаза – такие же точно! Небесно-синий... лазурный... необычно глубокий оттенок... как омут...

Если бы не её рост, а Амбр ниже меня примерно на целую голову, худощавое телосложение и едва слышимый голос, я бы стала бояться её прямо с этого же момента.

– Проходи на кухню, сейчас чай заварю.

Квартира тесная, на кухне одновременно пять человек не поместятся, столовой нет.

Тусклый свет кухонного абажура позволяет мне разглядеть её лучше: Амбр – маленькая, буквально миниатюрная женщина с внушительным бюстом на фоне практически осинной талии. На ней надеты тёмные джинсы и чёрная водолазка, купленные давно и отчаянно вышедшие из моды. Волосы... Они длинные, тёмные и практически полностью поседевшие. Амбр совсем не старуха, она скорее того же возраста, что и моя мать, но вот выглядит запущенно. Невольно перед глазами возникает мама: холёная, всегда дорого и со вкусом одетая, сияющая аккуратными бриллиантами в ушах и на шее. У моей матери нет такого количества морщин, как у Амбр, и каждый новый седой волос у неё на счету, потому что их всего с десяток. Моя мать занимается йогой и фитнесом, чтобы сбросить лишний вес и «наметить талию», как сама она выражается, а Амбр выглядит так, будто давно голодает.

Но при всём этом мать Эштона завораживает своими глазами – они просто огромны, светло-карего цвета. Цвета полудрагоценного камня, ведь Амбр – это янтарь. У неё тонкие, изящные черты лица, миниатюрный нос, но потрясающие губы – яркие и полные, не чета моим. Амбр красива. Даже несмотря на возраст, усталость и явную финансовую нужду, мать Эштона НАМНОГО красивее моей матери. Неудивительно, что Алекс в молодости не смог не заметить её. И тут в памяти всплывают его слова: «Только одна ночь, не смог отказаться от большего...»

Чего, большего? Что? Что есть в моей матери такого, чего нет в Амбр и нет во мне?

– Можно, я останусь у Вас? Не хочу ночью вызывать такси, искать гостиницу...

Амбр удивлена моей просьбе.

– У нас только две спальни, моя и Эштона.

– Я могу прилечь на софе в гостиной! – смело предлагаю.

Внезапно на лице Амбр появляется улыбка:

– Я поменяю белье в комнате Эштона, хотя после его отъезда уже меняла... просто постелю свежее.

– Не стоит беспокоиться! Я не привередливая, да и не хочется доставлять Вам неудобства!

Она словно не слышит меня:

– Кровать у него почти новая, и полгода не поспал на ней. До этого подростковая была, так сломалась под ним, – смеётся. – Малышом был, никогда не думала, что таким выма-

хает!

– Да, – тяну задумчиво, – Эштон выше Алекса...

Услышав болезненное для себя имя, Амбр мгновенно сникает, даже как будто бледнеет:

– Он почти не изменился, всё такой же, только немного седых волос появилось... Говорят, мужчина седеет раньше, если рядом с ним любимая женщина.

– Разве? Почему?

– Живёт на пределе возможностей, стремится всегда угождать, соответствовать, не разочаровывать.

– Интересная мысль. Алекс считает иначе.

– Как?

– Что жизнь пустая и бессмысленная, если рядом не те люди, которые должны быть, которых ты хочешь. А поседел он за одну ночь, когда мама умирала. Боялся остаться один.

– Что с ней произошло?

– Это долгая история, расскажу позже, если не возражаете, и при одном условии! – улыбаюсь.

– Что за условие?

– Вы расскажете об Эштоне так много, как сможете, но главное – я хочу знать о нём самые важные вещи – то, что сделало его Эштоном.

Амбр усмехается:

– Ты умная девочка! Как и твоя мама...

Амбр открывает дверь в комнату Эштона, и тут же в образовавшуюся щель просовывается коричневая морда с чёр-

НЫМ НОСОМ.

– Вэнди, постой-постой, это наша девочка! – Амбр хватается ротвейлера за ошейник и запихивает обратно в комнату.

– Софи, спрячься пока в ванной, я совсем забыла про собаку, сейчас запру её в своей комнате!

Послушно выполняю команду, конфликты с собаками мне ни к чему.

Комната Эштона... Даже не зная, кому она принадлежит, можно было бы догадаться без особого напряжения. Стены серые, на них нет никаких плакатов или постеров, ничего того, что обычно в изобилии можно найти в мальчишеской обители. Одна единственная фотография в большой рамке, сделанная в летнем парке, гордо стоит на небольшом столике в углу комнаты. На ней – Эштон, примерно лет десяти, и Амбр. Они улыбаются, но, если взглядеться в их лица, легко можно заметить обман – улыбаются их губы, но не глаза. Это не фото из жизни, это постановочный кадр «на память».

Вдоль одной из стен стоят старинные деревянные полки, полностью забитые книгами на французском, английском и... русском. Много о медицине, истории, философии.

– Эштон знает русский?

– Учил... Не знаю, выучил ли, – смеётся. – Мы упор делали на английский – Университет требовал вступительный экзамен по языку, а русский он сам как-то учил, в интернете, что ли. Общался с кем-то по скайпу, друзей заводил.

Вот это... подстава, думаю. Мы ведь часто нарочно на рус-

ский переходили в его присутствии, хоть мама и пеняла нам за это, но язык, которого окружающие не знают, очень удобен в некоторых случаях. Но знать и скрывать – это подло... За все годы я теперь и не вспомню уже, сколько всего и о чём было сказано в его присутствии.

– Интересная мебель у него в комнате, – замечаю.

– О, сколько ругались с ним из-за неё. Эштон хотел сменить эти полки на новые, какую-то дешёвую икеевскую ерунду. Я не поддаюсь – эта мебель досталась мне ещё от прабабки, как и квартира. Эштон, правда, возмущался, что от нашего дома и от мебели этой мертвечиной несёт. Всё восхищался высотками в Новом Париже, знаешь, этими из стекла и стали. Интересно, только теперь вдруг в голову пришло: а ведь именно там он и был зачат... Алекс там жил в то время. Высоко, тридцатый этаж, кажется, сплошное стекло в квартире, мебель непонятная, да и почти не было её – комнаты, можно сказать, пустые были. Серые. Очень неудобная квартира, не понравилось мне у него. А Эштона вот тянуло, оказывается. Никогда раньше не придавала этому значения, – бормочет.

– Тут стены тоже серые... – замечаю.

Амбр застывает на мгновение:

– Да... сам перекрасил. До этого были жёлтые, весёленький такой цвет, жизнерадостный. А теперь...

Спалось мне в кровати Эштона беспокойно, но... сладко. Хоть и неприятно было осознавать, что всё-таки забралась

в его постель, хоть так, но влезла. Дура одержимая. Именно так, дура. И сделать ведь ничего с собой не могу. Четыре года уже прошло, как заболела, а облегчение всё не приходит, с каждым днём делается только хуже. Бывает, наступает временная ремиссия, но потом накрывает ещё более жестокими рецидивами.

Среди ночи мне приспичило в туалет. Выходя уже из ванной, обнаружила, что дверь в комнату заблокирована: в темноте жутким подозрением сверкали глаза Вэнди.

– Я хорошая, я с Эштоном... дружу, – вру собаке.

Я вообще-то не из тех, кто без особой причины боится собак, но вот эта огромная ротвейлерша с квадратной пастью, в темноте, посреди коридора, показалась мне кошмаром на улице Вязов.

– Ты же не будешь мне мстить за своего хозяина? – говорю ласково.

«А есть за что?» – спрашивают тоскливые собачьи глаза.

– Есть, – отвечаю. – Люблю его слишком сильно. Так сильно, что сделала себя едва ли не врагом ему. Он ненавидит меня, а я люблю его, понимаешь?

Собака опускает голову, нюхает мои голые коленки, затем резко чихает, забрызгав их своей собачьей слюной.

– Ох, – выдыхаю, потому что мне это отчего-то невыразимо приятно.

Но у Вэнди есть для меня кое-что получше: горячий шершавый язык, ласково сообщающий о её дружелюбном на-

строе, от которого я тут же таю, опускаюсь на колени, глажу её по голове, треплю за уши. Собака обнюхивает меня, нежно тыкаясь своим мокрым носом, обдавая горячим собачьим дыханием и внезапно вспыхнувшей любовью.

– Знаешь, Вэнди, я ведь тебе завидую... Да, хоть и редко, но он приезжает к тебе, ласкает, и ты даже можешь уснуть рядом, положить свою собачью морду ему на колени... Я бы тоже положила... Хотя бы на колени, если б он только позволил... Ты ведь любимая собака у него? Расскажи, поделись секретом, как понравиться ему, хотя бы немножечко, хоть чуть-чуть? Так хочется, так безумно хочется хотя бы крошечный кусочек его жизни, хотя бы такой как у тебя, добрая ты, ласковая собака Эштона...

Утром нахожу на столе записку, сообщающую о том, что завтрак ждёт меня в микроволновке, а хозяйка вернётся с работы после пяти.

День полностью посвящаю прогулке – люблю Париж, а теперь обожаю и Монмартр: в каждой узенькой улочке вижу мальчишку Эштона, в каждом проходящем мимо человеке – часть его странного детства. Захожу в овощную лавку в их доме, покупаю ароматный виноград и бутылку вина у престарелого улыбчивого араба.

– А Эштон у Вас работал?

– Да, было такое! – отвечает. – Хороший парень, серьёзный. На отца похож.

– Что?! Вы знаете его отца?

– Знаю. Здесь ведь не всегда магазин этот был, до него мой отец держал тут парикмахерскую. И я как-то стриг молодого человека, очень красивого, помнится, февраль тогда был. У него волосы были особенные – от таких барышни млеют, – смеётся. – А через девять месяцев Эштон родился... сильно похожим на того парня. Амбр – хорошая женщина, умная, но крылья свои обожгла о того красавца.

– Он – мой отец.

Араб перестаёт улыбаться.

– Ты не похожа на него...

– Знаю, но это сути не меняет.

– Значит, сестра Эштону?

– Вроде того.

Араб молчит, вглядывается в моё лицо.

– Денег не нужно, так бери. Эштону передавай пожелания крепкого здоровья от Хабиба.

– Передам, спасибо, – направляюсь к двери.

– Моя покойная бабушка как-то сказала, что есть мужчины, подобные огню: много мотыльков и прекрасных бабочек сгорает в его пламени, смотри, не сгори и ты.

– Хм... А если уже?

Хабиб пожимает плечами:

– На этот случай бабушка ничего не говорила, – скалится.

– Царство небесное твоей бабушке, Хабиб.

Вечером мы с Амбр распиваем бутылку вина и смотрим альбомы с фотографиями. Я ей нравлюсь, не знаю, чем, но

совершенно точно она словно нашла во мне некую отдушину. Рассказывала много, в основном о детстве Эштона, о своей жизни, о семье, о Париже.

– Я знаю, что выгляжу ужасно... запущена до безобразия, – оправдывается Амбр, заметив мой интерес к своей молодости, запечатлённой на фото. – Если из жизни женщины исчезают мужчины, она перестаёт быть женщиной.

– Мужчин в Вашей жизни больше нет? Почему?

– Разве это не очевидно?

– Мне нет. Вернее, то, что Вы имеете в виду, я не считаю достаточно веской причиной, чтобы сознательно лишать себя даже возможности счастья.

– Не знаю, об одной ли и той же причине мы говорим...

– Я имела в виду сохранившиеся чувства к отцу Эштона.

– Да, ты все верно поняла, девочка. Именно так – в сердце не осталось места ни для кого больше.

– Это неправильно, жизнь и судьба требуют шансов!

– Пока была молодой, давала себе эти шансы, вернее, пыталась. Но Эштон был маленький, и объяснить ему свой эгоизм было очень сложно, как и самой себе. Это ведь только в теории звучит рационально, а на деле: когда у тебя есть маленький ребёнок, и тырываешься между работой и учёбой, постоянно мучаясь угрызениями совести, что сын тебя практически не видит, а у него кроме тебя больше никого нет, совсем никого, отнимать у него эти крошечные моменты, когда вы вместе и пусть маленькая, но семья – непрости-

тельная жестокость. А потом, когда ему было восемь, он застал дома случайного мужчину и сбежал. Случайного, потому что к тридцати у рожавшей женщины потребности приобрели слишком уже настойчивый характер. Эштона не было всю ночь и утро. Тогда у меня и появилась первая седая прядь, вот так за ночь из молодой женщины превратилась в старуху. Он вернулся после школы, долго стоял в коридоре и смотрел, как я рыдаю, потом подошёл и сказал, что больше никогда не уйдёт из дома, что бы ни случилось. Но я не испытывала судьбу, научилась обходиться без живых мужчин, – смеётся. – А в мечтах никто не выдерживал конкуренции с НИМ, поэтому все они всегда были о нём. О, в моей голове со временем родилась альтернативная реальность... которая стала западнёй: Эштон вылетел из гнезда, пути открыты, а уже ничего не хочется, да и привлечь по большому счёту больше нечем.

– Вы очень красивая женщина! – я говорю это с абсолютной искренностью.

Амбр смотрит некоторое время на меня с удивлением:

– Была красивой. Когда-то...

– Вы и сейчас намного красивее моей матери, и говорю я это не из лести, а потому что это – правда!

– Я знаю...

В её глазах появляется тень надежды, но она бессмысленна, я это знаю наверняка.

– Для него красота не имеет значения. Ни малейшего. Сам

он считает, что у каждого человека имеется своё собственное понятие о красоте, и именно поэтому у нас есть сегодня столько жанров и направлений в музыке и искусстве, поэтому большинство людей находят себе пару, ведь если бы все заикливались на эталонной красоте, человечество давно бы уже вымерло, – я улыбаюсь, и Амбр улыбается в ответ.

– Он смотрит на неё так, словно она Богиня... – и в каждом этом слове бездна даже не зависти, а муки и сожалений.

– Откуда вы знаете?

– Журналы. А однажды мне довелось видеть это своими глазами, когда они оба сидели в метре от меня. Столько лет прошло, а его взгляд всё тот же...

Мы долго молчим, но закономерный вопрос слишком сильно давит своей своевременностью:

– Зачем же Вы вмешались, если видели сами, что происходит между ними? Вы ведь почти сломали им обоим судьбу...

– У неё на пальце было кольцо, а у него нет.

Спустя довольно продолжительную паузу добавляет:

– И в глазах его было столько всего... но больше боли. Именно острой боли. Так смотрят люди, которым разбили сердце, а она вообще на него не смотрела, и любви в её глазах не было, она просто использовала его. Я не пыталась его соблазнить или нарочно влезть в их отношения с целью разрушить, я только хотела поговорить с ней, попросить отойти в сторону, если он не нужен ей как мужчина. Но Алекс вме-

шался, не дал мне даже шанса помочь себе, хотя сам хорошо понимал, что для неё он... только дорогая, красивая, очень качественная игрушка, – её лицо перекашивается.

– Он всегда на её стороне, даже если считает неправой. Так было всегда и никогда не изменится.

Амбр тяжело вздыхает.

– Я не хочу, чтобы Вы жили иллюзиями: их невозможно разорвать, особенно теперь. И я говорю это не потому, что она моя мать, а потому что это действительно так.

– Я знаю, – жёстко выдыхает моя собеседница. – Знаю, поэтому и не пытаюсь, хотя в последние годы есть возможность.

Моё лицо вытягивается.

– Из наших бесед я сделала вывод, что он открытый отец и говорит с тобой о многом, даже об интимных вещах.

Я киваю, она продолжает:

– Но есть вещи, которые он никогда ни тебе, ни твоей матери не откроет.

У меня, кажется, перестаёт биться сердце.

– У него есть психические отклонения и часть из них сексуального характера.

– Я не хочу ничего знать, он мой отец и такие вещи...

– Это не то, о чём ты подумала! Неуместное останется его интимными тайнами, но то, что я хочу сказать, имеет огромное значение для Эштона. Ты ведь просила рассказать о нём самое важное?!

Я чувствую, что полуседающая высохшая женщина напротив меня переживает эмоциональный всплеск, и малейшее неверное слово закрывает её искренность надолго, если не навсегда. Поэтому киваю:

– Продолжайте!

Ну узнаю ещё парочку отцовских тайн, с меня не убудет! Любить его всё равно никогда не перестану!

– Во-первых, у него аномальная потребность в сексе, далеко выходящий за рамки статистики случай. Он пытался бороться с этим... разными методами, но безуспешно: даже небольшое воздержание сводит его с ума. Причина доподлинно мне не известна, но мой собственный вывод из обрывков рассказов о нём: это природная особенность, многократно усиленная ранней сексуальной активностью и пережитой психологической травмой, которую он держит в тайне. Хотя, может быть, твоя мать и знает... Во-вторых, эта же самая травма имела и другое пагубное на него воздействие: патологический паттерн сексуального ответа.

Gallant – If it hurts

Прочитав на моем лице непонимание ни сути, ни необходимости всей этой информации, Амбр делает отступление:

– Я зашла издалека, чтобы тебе было абсолютно ясно то, что на самом деле произошло между нами, и как появился на свет Эштон!

– Я понимаю! – спешу её заверить.

– Дело в том, что у Алекса был друг. Хороший. Я не пом-

ню его имя, но он сделал то, что считал лучшим для Алекса – объяснил мне, как я могу максимально приблизиться и сломать гранитную стену, которой он намеренно отгородился от всех женщин в ту пору.

– Это Марк! – догадываюсь вслух. – Так он не был, он и сейчас есть!

Губы Амбр растягиваются в искренней улыбке:

– Да уж, настоящие друзья идут вместе по жизни до самой старости! – она отводит взгляд, погрузившись в воспоминания, а я жду, не тревожу её.

Спустя несколько минут, словно очнувшись от сна, Амбр выпаливает:

– В общем, Марк, видел, как мучается друг, и решил переломить ситуацию, в которой тот залип, в его же пользу. Он поведал мне в приватной беседе, что, если женщина прикасается к телу друга, и этот физический контакт имеет интимный характер, он не может отказать. Не способен ментально – попадает в ловушку, капкан. Клин такой у него, потому и отгородился полностью, чтобы не попасться, пока встречался со своей Лерой. И я подло использовала это знание... о его слабом месте.

– Вы что?! Изнасиловали его? – ахаю я.

– Фактически да. В ту ночь и был зачат Эштон. Не по любви, не даже по взаимному банальному влечению, я просто воспользовалась изъянами и без того изувеченного психически и морально парня. А потом, утром, было его лицо, гла-

за, которые я не забуду никогда – боль и сожаление от своего поступка, который он считал предательством. Он выглядел загнанным в угол, таким обездушенным, обессиленным и таким страдающим, что я решила – нет смысла мучить его, глупо преследовать мужчину, который так одержимо любит другую, даже если это ради его же блага. И это решение стоило мне очень дорого, ох, как дорого! Ведь Эштон для меня самой стал неожиданностью и в корне изменил ситуацию, но к тому моменту, когда я узнала о беременности, ни Алекса, ни его друга уже не было в Париже – они уехали, никому не оставив ни адреса, ни даже номера телефона. Вот такая нелепость.

Амбр пристально смотрит мне в глаза:

– А теперь главное: Эштон всегда чувствовал случайность своего появления. Думаю, это гены – такая склонность глубоко копаться в своей сути, проникать туда, куда любому другому и в голову не придёт. И он страдал от этого. Патологически. Не он один рос без отца, но только у него уверенность в собственной ущербности выросла в масштабы болезни! Я поняла это, когда он отвернулся от своего лучшего друга, с которым дружил ещё с детсадовского возраста. А причина меня убила: отец мальчишки ушёл из семьи! И Эштон всерьёз стал считать его неполноценным человеком, общение с которым недопустимо для него! И он, никогда не пронося вслух своих жалоб, считал неполноценным и себя!

Амбр вздыхает и продолжает:

– Масштабы нашей проблемы дошли до меня, только когда одним прекрасным утром мне позвонили из полиции с вердиктом: «Ваш сын – карманный вор». Эштону тогда было всего девять, и я не поверила. Ни секунды не верила, ни единому их слову, потому что подобное заявление никак не вязалось с личностью мальчика, который живёт в книгах. Эштон молчал. Онемел просто. Я давила, ругала, требовала объяснений, но этот ребёнок иногда был упёртым, как осёл. Поэтому я взяла выходной на работе и проследила за ним: идёт из школы как все, потом сворачивает на шумную многолюдную улицу и начинает вглядываться в лица, затем вновь шагает в направлении, никак не связанном с нашим домом. Замечаю, что он всё время двигается в странной, недопустимой для незнакомых людей близости с высоким темноволосым мужчиной. Очень близко, так, что даже руки как будто касаются. В этот момент я возненавидела собственного ребёнка, думала, убью его за такой позор, но что-то остановило, материнское сердце, наверное: не одёрнула, пошла вслед за ними дальше. А там ничего не было. Эштон не лез ни в карман, ни в сумку того мужчины, только провожал его. Беру ещё выходной, снова слежу – всё то же самое. И в третий раз история повторяется. Я поняла, что мой сын не ворует, но что именно делает – так до меня и не дошло. Рассказала на работе, и одна женщина, долго лечившая мужа от депрессии, посоветовала врача-психиатра. Мы пошли, но и он Эштона не разговорил. Всё выяснилось только на втором сеансе...

под гипнозом: мой мальчик искал и находил в толпе чужих, проходящих мимо людей, мужчину... на роль отца.

Амбр вытирает покрасневшие глаза:

– Всё что он делал – играл со своим воображением, представлял, что идёт рядом с отцом в зоомагазин покупать собаку... Каждый день один и тот же сценарий – он, отец, собака. Вот так.

У меня боль: в висках, в глазах, в мозгу – везде. Я не была готова к ТАКИМ открытиям, и моя психика, очевидно, оказалась недостаточно зрелой, чтобы переварить такой объём чужих откровений. Ну, не совсем чужих, конечно.

– Мы попытались его лечить, но Эштон не поддавался – на сеансах просто молчал. Стоило всё это непомерно дорого, и я прекратила эти его бесполезные встречи, попросила только за чужими людьми больше так не ходить. Однако и без лечения он продолжал жить и расти, и один специалист заверил меня, что придёт время, и мой мальчик перестанет заикливаться на теме отца сам по себе, скорее всего, это произойдёт в период полового созревания, когда он переключит внимание на противоположный пол. И то, чего все другие матери боятся и стараются всеми силами отодвинуть, стало для меня спасением: я не толкала его раньше времени в постель к девочкам, не думай, но и не препятствовала. Старалась уходить из дома, если у него намечалось свидание, или приходил кто... И стало легче, это действительно помогло – он сделался мягче, добрее, спокойнее, даже теплее. Не пове-

ришь, но я впервые за годы увидела на лице сына улыбку. Вот так. Ты просила важное – именно это я и считаю самым важным.

– Почему Вы так откровенны со мной? Ведь это – самые интимные его тайны, не боитесь сделать его уязвимым?

– Уязвимым он делает себя сам своими страхами и ненавистью, прежде всего к самому себе и уж потом ко всем остальным, к своей ситуации и жизни в целом. И если уж ты приехала ко мне во время учёбы со всеми этими вопросами – значит, ему снова плохо! Он сейчас другой, дорого и стильно одетый, по моде подстриженный, отец подарил ему всё, что нужно и намного больше, а глаза стеклянные. Приезжал недавно, деньги мне оставил, сказал, что работает, хочет помочь. Я спросила, когда же он отдыхает, когда с девушкой своей встречается, ведь учится тоже хорошо, а он ответил, что подходящей для серьёзного нет. Я спросила, подходящая – это какая? И он ответил: «главное, чтобы из полной семьи была...». За всей мишурой проблема наша никуда не делась – параноик мой сын. Был им и остался.

– А... Маюми Вам нравилась?

– Кто?

– Маюми... девушка из Токио, японка.

– Была у него какая-то японка, пока учился здесь ещё в Париже. Но я её ни разу не видела. Было бы серьёзно, он бы привёл её, показал мне. А почему ты спрашиваешь?

– Эм... да так. Я просто думала... что он жениться на ней

собирался.

Лицо Амбр вытягивается:

– Мне Эштон ни разу не говорил ничего подобного. И влюблённым я его никогда не видела, а это состояние очень меняет мужчину. А если учесть его гены, то... уверена, это не осталось бы незамеченным. Не было у него серьёзного с той девочкой, это точно.

Виснет долгая, тягучая пауза, затем Амбр, словно опомнившись, хватает меня за предплечье так крепко, что даже больно:

– Соня, в Эштоне много сложного и даже плохого, но хорошего больше, поверь!

– Я знаю...

– Нет, не знаешь! Он выглядит тяжелым человеком или намеренно хочет казаться, чтобы отгородиться, спрятаться и со стороны наблюдать, как люди на это реагируют, но на деле в его сердце столько всего чудесного спрятано! Знаешь, когда маленьким был, страшно любил малышей опекать, девочек, тех, кто слабее. Детей обожал, только с ними был мягким, чувствующим. Из него вышел бы прекрасный отец, замечательный! Какие только игры не выдумывал, чтобы развлечь ребятшек! Да у нас тут все соседи перебивались: Эштон пока в школе учился, по вечерам нянкой подрабатывал! Не верится, да? Я же говорю, мой сын – сплошное противоречие! Это всё гены, Софи, гены. Насколько идеальны они снаружи, развиты физически, умственно, настолько неустойчи-

ва и уязвима их психика. И у каждого своя причина для болезни, но она всегда есть, всегда найдётся. Знаешь, о чём я Бога молю?

– Нет...

– Прошу женщину для сына. Каждый день выпрашиваю. Не идеальную, нет, не такую, чтобы мне нравилась, или красавицу, чтобы он гордился, ничего этого ему не нужно. Женщина может разрушить мужчину, но она же способна подарить мир его душе, унять его боли и терзания, укротить его нрав. Эштон из тех мужчин, которые не могут существовать без семьи. Знаешь, есть такие, которые легко летят по жизни, прыгая с цветка на цветок, и при этом счастливы подсчитывать на старости лет внебрачных детей. Но есть и такие, для кого семья – главное в жизни. И если это главное по какой-то причине не сложилось, они теряют почву под ногами, не имеют ориентира в своём движении и разбиваются. Эштон именно такой, но проблема в том, что он не понимает этого. Думает, что свобода важнее. Поэтому я прошу Бога послать ему такую девушку, чтоб схватила его сердце и держала, и пусть он плетётся за ней, как телёнок, пусть, главное на ногах стоит, а не в канаве какой-нибудь валяется!

– Откуда у вас такая уверенность? Что если не женитьба, то канава?

– Просто знаю его с самого детства, чувствую его будущее, слабые, уязвимые места, и, имея жизненный опыт, могу представить себе, к чему всё это однажды приведёт. Он ме-

няется, преобразается, когда рядом с ним появляются дети. А если будет женщина – я, наконец, обрету покой, ведь ничто на свете не важно для матери так, как счастье её ребёнка!

Отец встречает меня в аэропорту, и я понимаю, как сильно он на самом деле переживал из-за меня.

– Виделись?

– Да, – смело смотрю в его глаза и даже не думаю отводить их.

– Мама права: разбаловал я тебя. Нужно было быть поостроже! Не болела бы голова из-за твоих поступков.

– Этот мой поступок, отец, был самым разумным из всех, какие я совершала в своей жизни.

Алекс смотрит так, словно сканирует: ни одна моя мысль не ускользнёт от его проникающего под кожу взгляда:

– Говорили?

– Да.

– О чём?

– О тебе, о ней, о матери. Но больше всего о её сыне.

– Что вынесла для себя?

– Не для себя, для тебя!

– И?!

– Любовь ему нужна твоя, за ней он приехал к нам. Не женская, а отцовская, твоя и ничья больше. Нужна, как инсулин диабетiku, как доза законченному наркоману, и без неё он загниётся. Понял?

– Думаешь, я не знал?

– Если знал, почему выгнал его?

– Не выгнал. На время переместил в пространстве.

– Зачем?

– Чтобы ты не загнулась! – впервые слышу, чтобы отец повышал голос... особенно на меня. – Потому что он запустил процесс... того же самого, что я однажды сделал с тобой матерью. Я почти угробил её, убил, понимаешь? Но смог вовремя остановиться, а вот Эштон не остановится! Ты понимаешь это?

– Понимаю.

Мне кажется, я слышу, как гулко бьётся его сердце.

– Просто люби его. Просто люби. Не оглядывайся на меня, не проводи параллелей: я – не мама, а Эштон – не ты. Мы совершенно другие люди, со своей историей, и не мешай нам проживать её так, как мы сами этого хотим, а не так, как ты считаешь правильным!

– Соня, ты сильно ошибаешься на его счёт...

Отец не успевает договорить, я ухожу и повторяю ему свою мантру:

– Просто люби его. Просто люби!

Глава 31. Он совершит непростительное...

Ananda – Manu Shrine

Боль.

Есть ли у неё предел? Мы думаем, что да, до тех пор, пока она не убедит нас в обратном.

Лучше бы меня убили. Пусть бы изнасиловали человек десять, замучили и бросили подыхать в каком-нибудь заброшенном карьере. На снегу. Это не так больно.

Подозреваю, что сгореть заживо было бы лучшим вариантом чем то, что случилось со мной.

Нет боли сильнее той, которая рождается не в плоти твоей, а в сердце. В самой его глубине, в средоточии самых сокровенных желаний, там, где живёт твоя любовь и чувственность.

Думаю, в ту ночь во мне умерла не только открытая миру девочка, но и выгорело всё живое. От женщины осталось только тело.

После того случая, когда я разрушила не успевшую создать семью, мы не виделись с Эштоном полтора года. Он больше никогда не приезжал по воскресеньям. Не приезжал вообще.

Я знала из обрывков отцовских рассказов, что Эштон жи-

вёт один, пишет MBA работу по теме управления бизнесом в сфере развлечений, днями и ночами работает и делает при этом успехи, не укладывающиеся своими масштабами даже в системе координат отца:

– Если он будет продолжать в том же духе, наше состояние удвоится всего за четыре года, – гордо сообщает.

Да, Эштон способен всего за четыре года удвоить то, что отец создавал всю свою жизнь. Алекс всё чаще уезжает с матерью на отдых вдвоём, оставляя сына вместо себя – все довольны, кроме самого Эштона.

– В последнее время он находится в состоянии, похожем на затяжную замаскированную депрессию, – как-то за ужином высказывает свои соображения мама.

Но никто не воспринимает её опасений всерьёз.

Мы пересеклись в ночном клубе. Случайно. Впервые за всё время, что я знала его, столкнулись в миллионном городе в результате совпадения уникальных значений вероятности, а не по воле моей одержимости.

Он был пьян. В таком состоянии я не видела его ни разу. Никогда.

Два парня и три очень красивые девушки составляли ему компанию, расслабленно раскинувшись в мягких диванах VIP-зоны. Но его дама выглядела богиней на фоне остальных: чёрные, прямые и неприлично блестящие волосы шёлком спадали на её плечи, закрывая впечатляющую грудь и глубокий вырез её кроваво-красного платья. Ему нравились

её волосы: он трогал их губами, расчёсывал, медленно пропуская между своих пальцев. Его руки нежно поглаживали её плечи, обнажённые руки, скрещенные ноги.

Не знаю, что это был за мазохистский эффект, но я не могла оторвать глаз от них обоих. И только когда он, играя, убрал прядь с её груди, чтобы впечатать свой, мягко говоря, нетрезвый поцелуй, я отвернулась.

– Давай уйдём отсюда? – предложила Кейси.

– Нет.

– Соня, сейчас лучше уйти.

– С какой стати? Мы пришли отдохнуть, развлечься. Ты ведь хотела именно сюда? Где твои друзья, кстати?

– Я выясню, где они, и мы уйдём все вместе. В городе полно клубов, выберем любой другой.

– Кейс, ну что за детсад? Мы взрослые люди, детство и его ошибки остались в прошлом...

– Соня, я чувствую, что сегодня нам лучше всё же уйти. Предчувствие у меня, понимаешь?

– Глупости!

Я заказываю коктейли, игнорируя осуждение в глазах любимой подруги. Игнорируя всё и всех. Игнорируя очевидное. А очевидно одно: ничего не изменилось за эти месяцы и годы – моё сердце так же стонет, как и прежде; он здесь, и моё благоразумие вкупе с ошметками оставшейся гордости парализованы этим фактом.

Не знаю даже, понимала ли я до конца, как сильно на

самом деле себя унижаю, стремясь видеть его даже при таких обстоятельствах, когда он, вдребезги пьяный, облизывает другую женщину. В тот момент во мне, очевидно, зародился Стокгольмский синдром, не иначе.

Кейси притащила к нашему столику Антона с каким-то парнем. Мы обнялись, приветствуя друг друга, Антон поцеловал меня в щёку, задержавшись чуть дольше положенного – очевидно, он уже успел зарядиться чем-то покрепче коктейля. Мои брови изобразили искреннее удивление, давая понять, что в этом русле продолжать не стоит.

– Ну и зря! – вслух прокомментировала Кейси, тут же воткнув в рот трубочку от своего «Секса на пляже».

И в этот момент мы столкнулись взглядами. Не знаю, когда он заметил меня, в ту же секунду или несколькими мгновениями ранее, но смотрел в упор сужеными от злости глазами.

– Соня, прошу тебя, давай уйдём! – Кейси всё видит и знает.

– Нет. Я ничем ему не обязана, как и он мне.

– Соняш, пожалуйста!

Антон обнимает меня рукой:

– Кейси, перестань! Сейчас наши подтянутся, оторвёмся! Я сегодня в настроении потратиться! Софи, потанцуешь со мной?

– Почему нет? С удовольствием! Только не лапай меня! Я это терпеть не могу!

– Да не вопрос! – Антон примирительно поднимает ладони, но хитрый взгляд и поднятые брови выдают его с головой.

– Один эпизод, и я с тобой сегодня больше не танцую!

– Я понял, красотка! Но не будь такой категоричной!

Мы скачем несколько ритмичных кислотных танцев, Антон отлично двигается, сдерживая при этом обещание не переступать очерченные границы, и моё настроение медленно поднимается. Я ни разу не посмотрела в ЕГО сторону. Мне плевать, чем он занят? Или я хочу, чтобы мне было плевать?

Manu Shrine – Rely On

Музыка меняется на медленную, практически сексуальную, танцующие паруются, и мы с Антохой, естественно, тоже. Но он помнит о моём предупреждении – ничего лишнего, и я ловлю себя на мысли, что этот парень начинает мне нравиться. Почему я раньше никогда не обращала на него внимания?

– Ты никому не позволяешь к себе приблизиться, почему? – спрашивает, прижавшись губами к моему уху, чтобы я имела возможность услышать его вопрос.

– Разве ты сейчас не близко? Куда ж ещё ближе?

– Ты знаешь, о чём я, Софи. Ты очень красивая... Очень!

Последнее слово партнёр буквально выдыхает мне в ухо, отчего в моём теле поднимается странная волна. И мысль: «Господи, он действительно мне нравится!».

Антон не понимает:

– Я знаю, понял, что тебе нужно. И готов дать это!

– Серьёзно? И что же это?

– Ласка. Нежность. Забота мужчины.

– Это нужно всем, не только мне. И мужчинам, и женщинам.

– Но тебе особенно! У тебя разбитое сердце, и нужен кто-то, кто сможет его вылечить. Я смогу! Если ты дашь мне шанс...

Я бы отнеслась всерьёз к его словам, если бы не тот факт, что у Антона наблюдается уже основательная интоксикация мозга алкоголем. И если бы не карий, пронизывающий взгляд, с которым я снова столкнулась случайно... Случайно!

Он у барной стойки, стоит уверенно и кажется уже не таким пьяным, каким я увидела его в самом начале. Но в поведении слишком много необычного: излишняя развязность, граничащая с вызывающей похотливостью. Ему нужна женщина, и он демонстрирует это всем своим видом. Ловлю себя на мысли, что реагирую на этот призыв физически. Моё дыхание учащается, меняется его ритм, и во взгляде, наверное, что-то изменилось, потому что объятия Антона тут же становятся более плотными, интимными.

Outbreaks Tail – FLVKE

Проходит около часа. Каждый из нас занят своей компанией и своими партнёрами. Единственное, я оказалась не готова к поцелуям, мягко отталкивая Антошу всякий раз,

как он приближал своё лицо. У Эштона всё развивается по противоположному сценарию: долгие поцелуи в губы, шею, грудь. Спустя ещё какое-то время его рамки допустимого начинают стираться, позволив мне видеть, как его рука уверенно скользит в декольте, сжав грудь черноволосой нимфы.

Я не хотела смотреть. Правда не хотела, но глаза вело в ту сторону с такой силой, что моих нечеловеческих усилий не хватило. И я смотрю, прислушиваясь, как стонет собственное сердце: сама себе выкручиваю его, давлю, что есть мочи, с силой рву, чтобы вырвать уже однажды!

Но это сделаю не я.

Алкоголь растворил мои мозги, ослабил выдержку, выпустил на свободу безумие. В моих глазах туман, мне больно, а его движения откровенны, жадны, сексуальны. Антон замечает, как скатывается слеза по моей щеке. И отваливает.

Я одна, и я смотрю. Смотрю, потому что не в силах оторваться. Кейси в сотый раз просит меня уйти, но не получает ответа: я парализована зрелищем.

Его рука давно переместилась с груди под юбку. Столик скрывает от меня детали, и я не знаю, к лучшему это или нет, но могу хорошо видеть, как выгибается её спина, не нужно слышать, чтобы знать – она стонет. Он не отрывает взгляда от её лица, но я вижу только его профиль, поэтому не знаю, что происходит с ним в этот момент.

– Всё, я не могу больше на это смотреть. Ты ненормальная, Софи! Антон сбежал, и я уйду тоже. Нравится уни-

жаться – унижайся!

Я знаю, что унижаюсь, но мне наплевать на гордость: я настолько устала страдать от этой хвори, что хватаюсь уже за любую возможность вытравить этого урода из своей груди. Урода, потому что он знает, что я всё вижу. И если бы даже у меня и были какие-нибудь сомнения на этот счёт, он уничтожил их в тот момент, когда посмотрел в мою сторону, не вынимая своей руки из неё, посмотрел, зная, что встретится с моим взглядом.

В этой точке я не выдерживаю, вскакиваю. Лихорадочно хватаю сумку, бросаюсь к выходу. По пути вспоминаю, что, возможно, не расплатилась за свои напитки. Возвращаюсь к стойке, успеваю увидеть, как он, шатаясь, поднимается со своего дивана. Его женщина хватается за пряжку ремня, но он резко отбрасывает её руку.

– Вот моя карта, пожалуйста, проведите побыстрее, – обращаюсь к бармену.

– Ваш спутник оплатил весь ваш заказ, – отвечает.

Всмотревшись внимательнее в моё лицо, добавляет:

– С Вами всё в порядке?

– В полном, – отвечает ЕГО голос за меня.

SYML – Body

Я поворачиваюсь и вижу своего героя прямо перед собой. От него сильно пахнет её духами – первое, что отмечает мой нос. Взгляд выхватывает презрительную улыбку, суженные злостью глаза. Он ненавидит меня – делает вывод мой мозг.

– Сколько ещё ты будешь бегать за мной? – вопрос.

– Не обольщайся. Сегодня мы столкнулись случайно.

Нервный, нечеловеческий хохот с запрокидыванием головы. Даже бармен в шоке.

– Ты МНЕ будешь это рассказывать?

Движения Эштона странно плавны, по-кошачьи выверены. Он не похож на себя. И я не могу понять, пьян он или нет.

– Эштон, это правда. Расслабься уже.

– Я расслаблен, а вот ты...

– Что я?! – бросаю вызов.

– Хочешь, чтобы я сказал правду? То, что действительно думаю о тебе?

– Ну, давай! Говори, если это правда! Правду же нельзя скрывать, так?

– Нет, не так. Правду говорят только идиоты. Но наш с тобой случай особенный! У нас «правда» будет методом избавления. Или попыткой! – и он снова ржёт.

С языка едва не срывается вопрос: «Избавления от чего?», но мне вовремя хватает ума прикусить его.

– Я вот всё думал, пока ты пялилась на меня, а не заняться ли мне уже экзорцизмом?

Я молчу, потому что мысли разбежались в разные стороны от боли, но он продолжает бить меня словами. Ещё немного и начнёт клочьями рвать мясо.

Ждать пришлось не долго:

– Ты как похотливая кошка – каждый раз течёшь, глядя

на меня, и меня дико тошнит от этого, понимаешь?

Он приближает своё лицо максимально к моему, и даже в полумраке и клубном дыму мне удаётся разглядеть, как сильно расширены его зрачки. «Да он же «обдолбан» по полной!» – рождается первая разумная мысль.

Но нетрезвое состояние нисколько не умяляет его подвига: никто ещё ни разу в жизни так не оскорблял и не унижал меня. Я с трудом осознаю сказанное, впадая в ступор, а он добавляет:

– Я подумал: ну трахну её уже, может, отвяжется, наконец?!

И моя женская сущность взбунтовалась, или это было обычное человеческое достоинство, не знаю, но моя ладонь залепила ему пощёчину. Наотмашь так, с чувством. Мне аж легче стало!

Но ненадолго.

Эштон завис на какое-то время, глядя мне прямо в глаза, но презрения на его лице уже не было. Дальше всё случилось так быстро, что я не успела понять, что происходит: он схватил мою руку и с силой потащил, пробираясь через толпы людей к выходу. Я была уверена, он вышвырнет меня из клуба и посадит в такси, но ошиблась. Из клуба мы не вышли, а долго плутали по коридорам и помещениям, о существовании которых обычные посетители даже не подозревают. Мой неторопливый мозг выдал мысль, что клуб этот, вероятно, уже принадлежит ему: Алекс как-то упоминал ведь,

что Эштон нашёл себя в бизнесе развлечений.

Мы недолго едем в огромном зеркальном лифте, стоя друг напротив друга и пялясь в глаза. Именно пялясь, потому что оба находимся в сгустке раздражения и отрицательных эмоций.

– Куда ты меня тащишь?

– Получишь то, зачем явилась, – спокойно отвечает.

– Эштон, прекрати этот фарс. Выпусти меня!

Но он непробиваем: сразу же, как открываются двери лифта, снова хватает меня за руку, хотя запястье ещё не перестало ныть после предыдущей хватки. Долго идём по коридору, полностью обитому синей тканью, Эштон толкает одну из дверей, и мы оказываемся в комнате без окон, с огромной кроватью посередине. Комната для секса – догадываюсь.

– Раздевайся! – командует он и выходит.

Разумеется, я и не подумала.

Но и не ушла.

В тот момент любой разумный человек открыл бы дверь и убрался, и я до сих пор не понимаю, что именно остановило меня. Или же, понимаю, но боюсь себе признаться в реальной причине.

Он вернулся скоро, мокрый, в одном только белом полотенце на бёдрах. Меня скрутило нервной дрожью.

– Я же сказал раздеться! – недовольно.

– Я не собираюсь спать с тобой! – отвечаю тихо, как мышка.

– Чего так?

– Ты не в себе!

– Ну так пользуйся! «В себе» я бы ни за что не лёг с тобой в постель, так что это твой шанс, сестрёнка! – он фальшиво разводит руки, а я не могу поверить, что столько лет любила человека, стоящего передо мной.

И вот я не знаю, зачем спросила:

– Что, настолько омерзительна?

Он ухмыляется:

– Я бы давно тебя трахнул, но твой папочка оторвёт же мне голову!

– Он и твой тоже!

– Чёрта с два! Может он и наделил меня своими паршивыми генами, но отцом никогда не был и не будет!

– Ты ублюдок, – успеваю сказать, прежде чем он одним резким движением бросает меня на постель, в какие-то секунды срывает майку, бельё, я пытаюсь сопротивляться, но бесполезно – он в тысячу раз сильнее меня.

Закрываю грудь руками, на что получаю нервное:

– А ты не в курсе, что зажатые серые мышцы мужчин не возбуждают?

Ещё один плевок. Мои мозги не соображают, я не в том состоянии, когда дерзость и остроумие могут чем-то помочь, поэтому выдаю банальное:

– Мужчин нет, а вот тебя... Может, ты импотент, поэтому и не встаёт?

Его брови удивлённо взлетают, рот растягивается в улыбке:

– Провоцируешь? Это зря!

Резко поднимается, ехидно улыбаясь, подходит к комоду, выдвигает ящик, вынимает оттуда деревянную шкатулку, из неё пакет с порошком. Направляется к двери и, почти уже скрывшись за ней, внезапно оборачивается со словами:

– Сейчас у тебя есть последний шанс убраться. После того, как я вернусь, такой возможности уже не будет.

Молниеносно вскакиваю, напяливаю обратно свою майку, бюстгальтер нервно пихаю в карман джинсов, но никак не могу справиться с этой простой задачей – не знаю, сколько выпила в тот вечер, но, очевидно, не мало.

Уже в лифте внезапно понимаю, что хочу остаться. Вот просто сознательно вернусь и пойду до конца. Конца чего? – спрашиваю у себя. Конца своего унижения, где будет, уверена, и конец этому чувству, вымотавшему мне уже всю душу, выжавшему из меня все жизненные силы, все мысли и желания, кроме одного – принадлежать ему. Так пусть же вытрет об меня ноги, пусть поставит уже эту чёртову точку!

Просто я понятия не имела на что иду, и каким способом её будут ставить, эту точку.

Возвращаюсь. Ложусь на кровать в одежде и жду. Долго. Сердце рвётся наружу, мне страшно и стыдно в то же время: рассудок, расслабленный алкоголем, не в состоянии осознать всю дикость сложившейся ситуации. Внезапно понимаю, что

он прав – я похотливая кошка. Но только когда он рядом. Мне двадцать один, и я сильно перезрела для первого секса: даже если опустить всю романтику, моё тело элементарно давно уже требует этого физиологически. И, наверное, это одна из причин, почему я вернулась – элементарно хочу его. Хочу так сильно, что готова игнорировать все сказанные им мерзкие слова, забыть, как усердно он старался вызвать во мне отвращение, обидеть, заставить уйти.

Я как одержимая жажду его рук, губ на своём теле, хочу уже, наконец, узнать, каково это – ощутить его в себе. И да, он снова прав – это мой шанс. Тот самый, который нельзя упускать.

К моменту его возвращения успеваю немного протрезветь. А Эштон... Эштон – не Эштон. Его не шатает, но он с трудом фокусируется на том, что делает.

– У меня плохие ... новости, – сообщает, с трудом подбирая слова.

Я молчу, пытаюсь сообразить, что делать дальше.

– Резинки закончились! – добавляет с пошлой улыбкой, и я замечаю, что злость и ехидство исчезли.

Медленно приближается, сляясь ступать ровно, но мне и без того ясно – он снова накачался наркотиками. Добавил ещё!

Ложится рядом со мной. Спустя короткое время:

– Ты собираешься раздеваться или нет?

Я набираю в лёгкие воздуха, чтобы послать его куда по-

дальше, ведь в нормальном сексе мужчина же ласково должен снять с женщины одежду, целуя её при этом, отвлекая внимание от неловкости и стыда – я всё об этом знаю! В теории...

Но ответить не успеваю, в какое-то мгновение Эштон оказывается поверх меня, в глазах зловещий блеск:

– Забыл предупредить: я предпочитаю жёсткий секс!

Затем, глядя в мои перепуганные глаза, с ещё более зловещей усмешкой:

– Но я постараюсь быть нежным, в порядке исключения!

Ещё спустя мгновение:

– Если смогу!

WOODKID – I Love You (Quintet Version)

И он срывает с меня одежду, но я уже не сопротивляюсь, знаю, что бесполезно, и помню о том, что шанс уйти у меня был. Я сама осталась.

На моё жалобное «Эштон! Не надо так!...», он даже ухом не ведёт. Остановило его другое – моя полная нагота. Задрав мои руки кверху и больно, без церемоний, прижав их своей, он некоторое время скользит взглядом по моей груди, животу и ниже. Затем проводит свободной рукой только одну нежную, чувственную линию, будто пробует на вкус.

Смотрит в глаза, и я, впервые за весь вечер, вижу лицо обычного, адекватного Эштона, того, который однажды приготовил в нашем доме потрясающий семейный ужин, подарил мне мой первый поцелуй, спас моё бестолковое тело от

группового изнасилования в прокуренном клубе, который не раз защищал меня, так томительно окутывал своим теплом тогда в лесу...

Хрипло:

– Останови меня сейчас! Сделай это, пока не поздно!

А меня словно парализовало от его взгляда... «Да я готова отдать всё, абсолютно всё, включая мою бестолковую жизнь, чтоб ты только смотрел на меня вот так, как сейчас!» – вопит моё глупое сердце. Но Эштон воспринимает отсутствие какой-либо реакции с моей стороны как сигнал к действию.

И действует.

Поцелуев не было ни одного, поглаживаний, нежных ласк – тоже.

Эштон вошёл резко, не утруждая себя задачей подготовить моё тело к этому событию. Я и не представляла, что существует такая физическая боль...

Помню, что пыталась вырваться, но его хватка... Думаю, именно такую и называют «стальной». У меня больше не было шансов. Ни единого.

На какое-то время он остановился – пожалел, но вскоре продолжил экзекуцию.

Он брал меня всеми известными ему способами, или же теми, какие пришли ему на ум. И ум этот был очень изощрённым. Если не сказать извращённым. Я догадалась, что ему нравится обездвигивать женщин, подчинять их себе, но меня он не связывал, только больно заламывал руки. Я не

кричала – сдерживалась, но слёз сдержать не смогла, тем более, что они его и не трогали.

Закончил он не скоро: очевидно, наркотическое вещество и алкоголь накопились в крови в таком количестве, что при-тупили все его реакции.

После мне показалось на мгновение, что в нём проснулось что-то человеческое, потому что он закрыл лицо обеими своими ладонями, так, словно не мог поверить сам в то, что сделал.

А потом я поняла, что он просто спит... Отдыхает.

Мне потребовалось время, чтобы успокоиться и прийти в себя. Боль прошла быстро – физическая. Душевная отпустит не скоро.

Я долго лежала на этом засаленном чужими телами и похотью ложе с мыслью, что за всё время он ни разу не произнёс моё имя.

Поднялась, шатаясь, натянула джинсы, майку, обулась. Дальнейшие свои действия до сих пор не могу объяснить – я долго выдёргивала из-под его тяжёлого тела простыню, умы-ваясь при этом слезами. Не знаю, что за клин случился в тот момент в моём сознании, но мне было жизненно необходимо забрать этот интимный предмет с моими и его пятнами с собой – отчаянно не хотелось, чтобы он знал, что всё-таки стал первым. Процедура заняла время, но простыню я всё же вы-тянула. Выбравшись из адского клуба, в который больше ни-когда не вернусь, выбросила её в ближайший мусорный бак.

И это была моя первая ночь с первым в моей жизни мужчиной. Любимым КОГДА-ТО мужчиной.

Дальше провал в памяти. Мозг, очевидно, отключился от перенапряжения.

Очнулась я в машине у Антона по дороге домой. Оказалось, на улице, когда нервное напряжение стало отпускать, со мной случился обморок. Я упала, разбив голову об асфальт, неудачно вывернула руку, так что теперь именно она – источник моих физических страданий.

На моё счастье, у входа курил Антон. Он не ушёл вместе со всеми.

– Почему? – оказывается, я ещё могу задавать вопросы и даже интересоваться другими людьми, пусть и искусственно.

– Потому что чувствовал, что нужно остаться, – сухо ответил он.

Антон ни о чём не спросил, ничего не сказал, но синяки на моей шее и запястьях невозможно было скрыть, они не свидетельствовали, они орала о том, что меня насиловали.

А Антон молчал. Молчал, потому что видел, как я ушла с НИМ добровольно. Сама пошла. Сама легла в его постель.

И другой мужчина не смеет, не имеет права вмешиваться в то, на что двое идут добровольно. Но может подождать, пока любимую им женщину вышвырнут за ненадобностью, использованную, не первой свежести и изрядно потерявшую товарный вид.

Я долго смотрела на его затылок и так же долго пыталась

найти ответ на вопрос: зачем я ему? Деньги? Так у него и без того их предостаточно. Связи? Тоже нет: он и без моего участия достаточно успешно решает свои бизнес вопросы с отцом и братом. Тогда зачем?

– Зачем? – произношу охрипшим голосом, потому что, наверное, всё-таки орала, пока тот, другой отводил свою животную душу.

– Потому что люблю.

Вот так: коротко, жёстко, сухо и по существу. И во мне что-то дрогнуло.

Рациональность, разумность, благодарность что ли... Не знаю, но я вдруг вынырнула из своего мрака и почувствовала нежность! Самую настоящую нежность к мужчине, который этого достоин.

В тот вечер, уже добравшись до дома, я напишу в своём дневнике:

«Сегодня, пятнадцатого февраля, наконец, уничтожена одержимость, по ошибке принимаемая моим наивным сердцем за любовь. Не могу поверить, что испытывала к этому... человеку такие сильные чувства. Отпускаю без малейшего сожаления, поворачиваюсь спиной, иду своей дорогой и верю: я найду своего мужчину, своего настоящего человека, того, кто будет любить меня так, как я того заслуживаю, и я отвечу ему тем же. У нас будет такой же счастливый и наполненный любовью дом, как у родителей, и я рожу ему столько детей, сколько он попросит, потому что всегда бу-

ду стараться быть лучшей для него.

Прощай, Эштон. Прости за любовь, а я прощаю за то, что убил её вот так... и по-животному.

Прощай, мой Абсолют».

Конец Сониной книги, но не истории.

В этой точке, где для Сони всё закончилось, у Эштона – самое начало. Ему ещё только предстоит узнать, что такое любить, и расскажет он об этом в своей книге «Царство красоты».

Инстаграм автора: victoriamaltseva

Сайт автора: <https://victoriamaltseva.ru/books/>

Порядок серии:

Моногамия

Моногамист

Абсолют в моём сердце

Царство красоты

Мудрость и красота

О возрасте в сексе и о сексе в возрасте

Царство красоты – Абсолют #2

Эштон просыпается в комнате для свиданий и осознаёт, что прошлой ночью изнасиловал сводную сестру. Ну, не совсем изнасиловал – она сама пришла, да практически навя-

залась, и вообще, нарывалась все последние годы, бегая за ним собачонкой, но...

Как жить-то теперь?

Вот он сидит на холодном кафеле душевой и с ужасом понимает, что натворил в пьяном угаре.

Это урок ей такой был – грубый секс, чтобы больше не питала на его счёт иллюзий.

Но что делать с совестью? С чувством вины? Как отцу в глаза смотреть?

А ей, Софье?

Извиниться, сказать «прости». Уехать на край света.

А что в груди разворотило и давит на сердце большим и болезненным «люблю», так это пройдёт. Наверное.

Как выход найти? Где он? В чём?

Моногамия – история родителей

Валерия прагматик, потому что для романтики у неё никогда не было времени. Однажды она обнаруживает в своей постели незнакомца, и её мир переворачивается с ног на голову.

Алекс родился с серебряной ложкой во рту, но в пять лет потерял семью. Весь мир у его ног, а он хочет только одного – девушку, которая принадлежит другому.

То, что начиналось как любопытство и адюльтер, оборачивается сложным моногамным чувством длиною в жизнь.

Сага о любви, где двое будут сражаться со всем миром, друг другом и самими собой за счастье.